

Анри Лемонье

par
vus
libellus

ИТАЛЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ 1492-1518

е в р а з и я

Henri Lemonnier

LES GUERRES D'ITALIE
(1492–1518)

Анри Лемонье

ИТАЛЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ
(1492–1518)

2-е издание, электронное

Санкт-Петербург
2025

УДК 94(450).06

ББК 63.3(4)5

Л44

Научный редактор

к. и. н. *В. В. Шишкин*

(Северо-Западный институт управления РАНХиГС)

Лемонье, Анри.

Л44 **Итальянские войны (1492–1518) / А. Лемонье ; пер. с фр. М. Ю. Некрасова. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 288 с. — Санкт-Петербург : Евразия, 2025. — (Parvus libellus). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.**

ISBN 978-5-8071-0743-5

Итальянские войны конца XV — первой половины XVI веков — самый крупный военный конфликт со времен Столетней войны, разгоревшийся между двумя державами позднесредневековой Европы: централизованной Францией, которая находилась в зените своего могущества, и Испанией, только начинавшей путь к имперскому будущему под скипетром двух государей — Изабеллы и Фердинанда. Спор разгорелся из-за владения Неаполитанским королевством и Миланским герцогством. Италия была слаба в политическом отношении и, расколота на множество городов-государств, стала легкой добычей для своих соседей. На полях сражений проявили себя рыцари и военачальники, чьи имена гремели по всей Европе: испанец Гонсало Фернандес де Кордова, «великий военачальник», и француз Пьер Баярд, «рыцарь без страха и упрека». Именно в этих войнах окончательно закатилась звезда европейского рыцарства, уступившего место новой силе — испанской пехоте, наводившей страх на всю Европу на протяжении следующих полутора столетий. Итальянские войны изменили не только военное искусство. Правители, вынужденные содержать большие армии, должны были изыскивать новые способы сбора налогов и управления подвластными территориями. Именно поэтому можно сказать, что Итальянские войны стали прологом к рождению Европы Нового времени.

УДК 94(450).06

ББК 63.3(4)5

Электронное издание на основе печатного издания: Итальянские войны (1492–1518) / А. Лемонье ; пер. с фр. М. Ю. Некрасова. — Санкт-Петербург : Евразия, 2020. — 288 с. — (Parvus libellus). — ISBN 978-5-8071-0478-6. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0743-5

© Некрасов М. Ю., перевод, 2019

© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2020

© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2020

Предисловие к русскому изданию

Предлагаемый отечественному читателю исторический очерк о первом этапе Итальянских войн принадлежит перу известного французского историка-позитивиста Анри Лемонье (1842–1936), профессора Парижского университета Сорбонны, офицера ордена Почетного легиона (1901).

Начав свои научные исследования в качестве правоведа, он довольно скоро увлекся историей искусства XVI–XVII вв., став автором книг «Искусство Франции в эпоху Ришелье и Мазарини» (1893) и «Французское искусство во время Людовика XIV (1661–1690)» (1911), «Искусство Нового времени (1500–1800)» (1912). В 1899 г. основал первую кафедру истории искусства во Франции.

В начале XX века он был привлечен Эрнестом Лависсом, главным редактором многотомного академического издания «Истории Франции», для написания очередного тома, охватывающего период Итальянских войн (1494–1559). Несмотря на общедоступный характер изложения материала, А. Лемонье довольно точен в перечислении и обобщении фактов и логики политических и военных событий. Он намеренно писал про Итальянские войны с точки зрения сложившихся оценок и историографических клише французской

исторической школы, опираясь и обобщая работы своих коллег.

Для российского читателя этот текст может быть полезен, поскольку заполняет по-прежнему существующую лакуну в истории Итальянских войн. Эти войны А. Лемонье справедливо представляет как первый общеевропейский конфликт, в который прямо или косвенно были вовлечены все европейские и отчасти азиатские государства. Привлекательным моментом этого очерка, бесспорно, является цитирование значительного числа оригинальных источников — отрывков из хроник, историй, мемуаров, переписки королей, министров и послов, а также приведение мнений авторитетных историков по разным вопросам. Автор убедительно демонстрирует постепенную смену исторических эпох, когда, благодаря в том числе Итальянским войнам, Европа расставалась со своим средневековым прошлым, но еще не дошла до Нового времени.

Принимая решение о переводе на русский язык фрагмента, который касается первых Итальянских войн, случившихся до Реформации и религиозного раскола христианского мира, редакция рассчитывает, что настоящий текст раскрывает военно-политические причины этого явления, равно как сложный процесс становления европейских государств эпохи Возрождения.

В. В. Шишкин

Глава I

Поход Карла VIII (1494–1495)

I. Карл VIII и планы в отношении Италии. — II. Италия. — III. Предыстория возникновения итальянского вопроса. — IV. Положение держав к 1494 г. — V. Завоевание и потеря Неаполя

I. Карл VIII и планы в отношении Италии

Новая цивилизация

В царствования Карла VIII (1483–1498) и Людовика XII (1498–1515) начались Итальянские войны, ставшие для Франции периодом чрезвычайно активного взаимодействия со всеми европейскими державами.

Это было время перемен для европейской цивилизации. Эпоха Возрождения перевернула представления людей об окружающем мире; начинающаяся Реформация изменила религиозное сознание; открытие Америки стало началом освоения огромных территорий; появление или укрепление великих держав — Франции, Англии, Испании, Австрии — изменило международную политику; триумф монархического начала повлиял на формы управления; пушечный порох, найдя практическое применение, вскоре совершит переворот в военном искусстве. Благодаря развитию книгопечатания все идеи, все мысли находили чрезвычайно широкое распространение.

Новое время

Тогда же, если использовать общепринятое выражение, началось Новое время.

Теперь особое место в европейской цивилизации заняла античность, а первой ею вдохно-

вилась Италия. Однако не следует полагать, что всё зиждилось исключительно на античности и на Италии. Свой след оставила и цивилизация Средневековья, созданная представителями северных наций. Книгопечатание, Реформация, политические режимы и общественный строй великих держав были созданы народами Севера.

Но люди XVI в. убедили себя, что недавнее прошлое исчезло полностью и что оно было бесплодным; они больше не хотели ничего о нем знать. Они считали, что всё создается или возрождается их стараниями, благодаря вновь обретенной античности, и именно поэтому ту эпоху называли «Возрождением».

В великих событиях того времени, кроме политических, Франция поначалу играла второстепенную роль по сравнению с Италией или даже с Германией. Не на ее земле возникло Возрождение, изобрели книгопечатание, произошла религиозная революция, породившая Реформацию. Но благодаря контакту с другими странами, особенно с Германией и Италией, Франция воспринимала новые идеи, усваивала их и мало-помалу оставляла на них отпечаток собственного гения.

Таким образом, во время Итальянских войн (1494–1559) во французской истории, как и во всеобщей истории, начался особый период.

Карл VIII

Женитьба Карла VIII на герцогине Анне Бретонской в 1491 г. и его примирение с первым принцем крови Людовиком Орлеанским ознаменовали конец властвования семьи Бурбон-Божё. С 1492 г. началось по сути новое царствование:

Карл VIII взялся руководить делами королевства сам.

К тому времени королю было двадцать два года. Он имел хилое телосложение. На бюсте, хранящемся в музее Барджелло во Флоренции, у него худое лицо с редкой бородкой, тонкий нос с выраженной горбинкой, выступающая нижняя губа. Особенно бросаются в глаза две особенности: неподвижный взгляд и неправильная форма лица, правая часть которого кажется немного толще, — изъяз, который подчеркивается подобием застывшей усмешки на устах. Это был человек плохо сложенный, щедушный, нервный, энергичный, но неуравновешенный.

Его характер

Умственные способности Карла VIII соответствовали физическому типу: тоже нечто смутное, неопределенное. Его мысли были скудными и непоследовательными. Молодой король лелеял обширные замыслы, проявляя больше воображения, нежели здравого смысла, но не мог действовать последовательно и целенаправленно; раздражительный, каковыми часто бывают робкие люди, упрямый, как многие слабые умы, он шел напролом туда, куда его влекла страсть, проявляя то великодушие, как тогда, когда поспешил освободить из тюрьмы своего кузена Людовика Орлеанского, то героизм, как сражении при Форново; он был предназначен для роли ведомого, однако тот, кто хотел бы его подчинить, сначала должен был польстить его фантазиям.

Тем не менее он был больше и лучше образован, чем утверждают. Он достаточно знал латынь,

чтобы понимать проповедь; он любил литературу, а еще больше искусство. Он, по словам Гагена, прочел много книг, и это были не только знаменитые рыцарские романы, бывшие у всех на слуху. Однако и эти романы вполне могли оказать некоторое влияние на его молодое и пылкое воображение; они были в большой моде и сохраняли мистический, галантный и рыцарственный оттенок. Чего королю не хватало, так это усердия в делах. «Думаю, я его оценил, — писал флорентийский посол своему правительству, — хотя сам по себе он никоим образом не способен заниматься серьезными делами. Он так мало разбирается в них и проявляет к ним так мало интереса, что мне стыдно говорить об этом». Общее впечатление довольно грубо подытожил венецианский посланник: «Считаю бесспорным, что как физически, так и духовно он немногого стоит».

Его окружение

Кто руководил Карлом VIII? При этом неопытном молодом человеке, которого мало заботили политические формальности, правительство сохраняло совершенно частный и личный характер, — это было правительство придворное, куриальное (*d'hôtel*), как еще говорили. Лица, которые приобретут влияние, будут обязаны им не наследственному титулу, а королевской милости.

Анна де Божё и Анна Бретонская

Регентша Анна де Божё, старшая сестра короля, не хотела лишаться власти, которую у нее только что внезапно отобрали. Энергичная, решительная, резкая, она управляла мужем, которому

принесла столь блестящее положение. Молодая королева Анна Бретонская, которой было всего шестнадцать лет, выглядела робко и оставалась неприметной. Наконец, герцог Орлеанский, только что примирившийся с Карлом VIII, несомненно, надеялся использовать свой титул принца крови, чтобы ту власть, которую он прежде пытался узурпировать, подняв мятеж, теперь получить по воле кузена. В 1492 г. королева, господин и госпожа де Божё, Людовик Орлеанский заключили соглашение. 5 июля перед кардиналом Жоржем Амбуазским, «державшим ствол истинного креста и прочие священные и драгоценные реликвии», они поклялись «любить и поддерживать друг друга».

Гравиль и де Веск

Самым сильным из их соперников казался сир де Гравиль, старый слуга Людовика XI. «Упомянутый Гравиль, — пишет Жалиньи, — обладал тогда наибольшей властью при дворе, и, с тех пор как он вступил в эту власть, он еще не расставался с королем». Тем не менее он постепенно начал утрачивать высокое положение, какого добился; вынужденный лавировать между партиями, он производил впечатление человека нерешительного, колеблющегося, может быть, даже мало-надежного. Еще больше тревоги союзникам должна была внушать другая фигура — Этьен де Веск, более известный как «сенешаль Бокера». Он начал карьеру при дофине и энергично продолжал ее в первые годы царствования. В июне 1493 г. флорентийский посол, заинтересованный в том, чтобы точно знать, кто ведет дела, напишет Синьории:

«Сенешаль более всех по сердцу королю, ближе всех к нему и принимает большее участие во всякой деятельности, чем любой другой сеньор».

Гильом Брисонне

Наряду с сенешалем усиливался и третий человек — Гийом Брисонне, представитель той самой буржуазии, общественное значение и политическая роль которой росли и которую монархия XVI в. и дворянство, словно сговорившись, будут оттеснять от власти. Гийом Брисонне приобрел сильное влияние на Карла VIII и связывал свой успех прежде всего с успехом де Веска. Флорентийские послы характеризовали его как «uomo astuto e di grande stima e credito appresso del Re»¹. Было очень похоже, что он метит весьма высоко. Когда он овдовел, то стал клириком, а в 1493 г. получил сан епископа Сен-Мало, и все знали, что он рассчитывает на шляпу кардинала. Церковные титулы имели двойное преимущество, обеспечивая некоторую безопасность среди перипетий придворной жизни и заменяя «происхождение»: кардиналу, архиепископу путь был открыт повсюду; буржуа, каким бы богатым и дружным с монархом он ни был, должен был, достигнув определенного уровня, умерить амбиции.

Второстепенные фигуры

Маршал де Жье с 1483 по 1491 г. оказал французскому королевству значительные услуги. Но после бретонского брака он появлялся при дво-

¹ Хитрого человека, который пользуется большим уважением и большим доверием короля (*um.*).

ре довольно мало и, казалось, не принадлежал к тем, кого в данный момент стоит опасаться. Далее следовали персоны второго плана: Ла Тремуй, занимавший очень почетное и очень видное положение, но при этом маловлиятельный, несмотря на победу при Сент-Обен-дю-Кормье; Эмбер де Батарне, сеньор де Ле Бушаж; Жан де Рейак, докладчик прошений; знаменитый Филипп де Коммин, который пытался было участвовать во всех интригах, но попал в тюрьму и только что вышел на свободу, скомпрометированный памятью о некоторых сомнительных делах.

Планы Карла VIII

Таким образом, жизнь при дворе изобиловала «комбинациями»; они оказывали прямое влияние на внешнюю политику, и важным вопросом, вокруг которого в 1492 г. сложилась целая партия, уже был вопрос итальянский. Карл VIII помышлял только о завоевании Неаполитанского королевства. В то же время, увлекаемый романтикой дальних странствий, он также мечтал отнять у османов Константинополь. Таким образом, экспедиция в Италию должна была стать прелюдией к крестовому походу, о котором все время говорили, но которого так и не предприняли.

Веск и Брисонне подчинили короля своему влиянию и не менее четырех лет играли роли глав правительства, целиком посвятив себя осуществлению планов Карла VIII.

Права Карла VIII на Неаполь

На Неаполь претендовали две королевских династии — Арагонская и Французская. В 1492 г. его престол занимала Арагонская династия в лице Фердинанда I. Что касается притязаний Карла VIII, то они основывались на завоевании этого королевства Карлом I Анжуйским, братом Людовика Святого, в 1266 г., и на правах, которые предъявлял на королевство второй французский Анжуйский дом, представители которого утверждали, что наследовали Неаполь по усыновлению или завещанию². Так как последний из них, граф Карл Менский (ум. 1481), написал завещание в пользу Людовика XI, Карл VIII выдвинул притязания на эту часть наследства, которую упустил его отец. Юристы повсюду собирали соответствующие владельческие документы (в Провансе, анжуйском владении, их искали еще в 1494 г.). Был написан специальный мемуар, где — несомненно, умышленно — оба Анжуйских дома объединили в один. Так сформировалась официальная версия, воспроизведенная в 1494 г. в королевском указе: «Дабы мы должным образом сознавали, что означенное королевство причитается нам как по праву наследования, так и по завещанию Анжуйского дома».

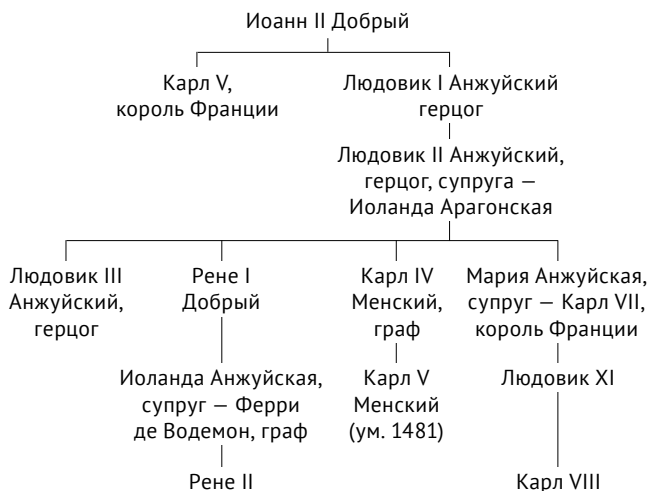
Сомнительность этих прав

В действительности эти королевские права были крайне сомнительными. Когда французы требовали Неаполь, ссылаясь на наследство

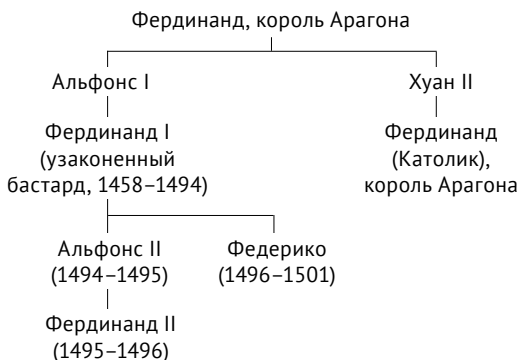
² *Van der Hæghen Ph. Examen des droits de Charles VIII sur le royaume de Naples // Revue historique. 1885 (28). Fasc. 1. P. 89–111.*

I. Карл VIII и планы в отношении Италии

Упрощенная генеалогическая таблица второй Анжуйской династии

Упрощенная генеалогическая таблица Арагонского дома Неаполя

Карла I Анжуйского, арагонцы указывали, что королевство держат как лен от Святого престола, который был отдан Карлу Анжуйскому и его потомству, но при условии сохранения родства, самое большее в четвертой степени. Тем самым на Карла VIII эти права не распространялись. На заявления же, что Людовик I Анжуйский, глава второго дома, был в 1380 г. усыновлен Джованной I, королевой Неаполя, или что Джованна II, другая королева Неаполя, написала завещание в пользу Рене I Анжуйского, сторонники Арагонского дома отвечали, что обычаи королевства не признают актов такого рода, да и завещание Джованны II подделано. Но какое все эти аргументы имели значение? Довольно было, что имеется повод для обсуждения, ведь права арагонцев были подтверждены едва ли лучше.

II. Италия

Начало объединения

Историки обычно подчеркивают, что в конце XV в. Италия была раздроблена; для этого утверждения есть основания. Однако если вместо того, чтобы сравнивать ее с другими государствами, сравнить ее с самой собой в предшествующий период, то окажется, что сам ход событий как будто вел ее к единству. Вместо многочисленных феодальных или муниципальных владений появились государства — Венецианская республика, герцогство Миланское и т. д. Правда, Италия добилась лишь объединений локального характера: как и Германия, она отставала, двигаясь одним путем с западными нациями.

Индивидуализм и кондотьеризм

Географическая конфигурация Апеннинского полуострова, политика папства, многочисленные вторжения и утверждение иноземного господства в Средние века привели к появлению причудливых и бесконечно менявшихся изрезанных границ, бутафорских и искусственных государств, бесконечно разнообразных форм управления, сепаратистских обычаев. Следствием этого стал

индивидуализм, то есть уничтожение не только национальной идеи, но и чувства солидарности между итальянцами. «Кондотьеризм», определявший самое меньшее как политическую и социальную, так и военную историю полуострова, был ярким выражением этих тенденций. Политика приобрела совершенно частный характер. Город, отдельный человек или государство — все стремились лишь расширять свои владения, используя для этого как свои таланты, так и удачные стечения обстоятельств. Постепенно исчезала республиканская форма управления, сменяясь монархической. Здесь Италия опять же следовала общим тенденциям, каким подчинялась Европа. Если во Франции, Англии и Испании государи подчиняли свои частные устремления долгосрочным интересам государства, то итальянские князья привыкли отождествлять государство со своей особой и подчинять его себе. Наглядней всего это показывают история Миланского герцога Лодовико Моро или максимы из книги Макиавелли «Государь».

В 1494 г. существовало шесть монархических государств, более или менее сложившихся.

Неаполитанское королевство

Неаполитанское королевство представляло собой единственную политическую единицу, которая сохранилась в течение Средних веков, но не раз испытала свержения династий — границы оставались прежними, но власть неоднократно менялась. Неаполитанские монархи не могли подавить феодалов, еще очень могущественных накануне французского завоевания. Политиче-

ская, промышленная, интеллектуальная жизнь были сосредоточены в Неаполе или окрестностях. Там обильно расцвела чувственная, яркая цивилизация. Зато на окраинах страны, на равнинах Апулии, стояли феодальные крепости или укрепленные города, которые были разбросаны на обширных безлюдных пространствах и вокруг которых столько раз шли бои между испанцами и французами.

В конце XV в. проявились и дали о себе знать все изъяны устройства Неаполитанского государства. С 1458 г. там царствовал Фердинанд, но в 1485 г. против него восстали бароны; они призывали Рене II Лотарингского, потому что под рукой у них всегда был какой-нибудь претендент. Фердинанд сохранил престол только благодаря репрессиям и ненадежной поддержке Испании.

Папское государство

Папское государство включало в себя бывший Лацио, Марку и Романью. Возможно, это было самое необычное из всех итальянских государств. Длинная полоса, склеенная из обрывков разных территорий и совершенно не похожая на отдельную страну: Центральные Апеннины пересекали ее надвое и отрезали Рим. Северная часть в конце XV в. принадлежала папам лишь номинально: ее делили меж собой венецианцы и несколько могущественных семей, таких как Бентивольо, Малатеста, Монтефельтре — типично кондотьерских родов. Даже в Риме или в римской Кампанье господствовали роды Колонна, Орсини; они занимали в столице укрепленные кварталы. Сиксту IV (1471–1484) удалось по-настоящему стать здесь

властителем, лишь прибегнув к террору, как это делали Висконти в Милане или Малатеста в Римини. Впрочем, как и кондотьеры того времени, папы старались основать государство для своих семейств.

Таким образом, в конце XV в. светское могущество Папского государства постепенно возрождалось; оно пока не было восстановлено, для этого еще многого не хватало. Папы постараются решить эту задачу и, чтобы добиться этого, будут жертвовать интересами Италии и церкви.

В 1492 г. на папский престол взошел Александр VI Борджиа, который будет занимать его до 1503 г. Его беззастенчивая политика неминуемо распалила алчность князей, но его личная роль поначалу оставалась лишь второстепенной. В 1492 г. он поддерживал Фердинанда Неаполитанского; правда, он пытался лавировать, извлекая выгоду из любых обстоятельств.

Тоскана

Тоскана еще не была поглощена Флоренцией, но все более и более попадала под ее влияние. Если Сиенская республика сохраняла довольно обширную территорию, а Лукканская оставалась независимой, то расширение Флоренции и выгодное положение города на Арно все-таки наглядно давали понять, где в ближайшее время будет находиться политический центр этого региона. Флоренция становилась тем более могущественной, что при Козимо (1434–1464) и Лоренцо Медичи (1464–1492) различные силы в этом городе стали действовать совместно. Тем не менее там еще оставалось несколько семейств, не сложив-

ших оружия, и сохранялась былая демократическая закваска. При бездарном Пьеро Медичи, пришедшем к власти в 1492 г., эти трудности стали угрозами.

Флоренция и Савонарола

Действительно, Пьеро Медичи сразу обнаружил свою посредственность в качестве преемника Лоренцо, причем в тот самый момент, когда рупором горожан стал исключительный человек — Савонарола. Последний принадлежал к когорте тех великих реформаторов, которые никогда не соглашались разделять мораль и религию. Поклонник литературы и искусств (как бы с этим ни спорили), он, тем не менее, допускал для них в христианском обществе лишь одну роль — делать людей лучше.

Похоже, первоначально он получил не самый приветливый прием в столице Возрождения, подпавшей под более или менее скрытое владычество рода Медичи, в этом городе, страстно любившем радости жизни. И тем не менее, если где-то в Италии еще могли решиться на борьбу с языческим гуманизмом, какие-то шансы этот последний бой мог иметь именно во Флоренции. Только там, в то время как большинство верующих сохраняло демократические убеждения, отдельные сердца воодушевляло деятельное и мистическое христианство. Нечто от Екатерины Сиенской еще витало в воздухе.

Именно избрание Александра VI отчетливо показало верующим ту проблему обновления, о какой говорил Савонарола. Италия колебалась, ни для кого не было секретом, что за горами или за

морем против нее что-то готовится. В 1492 г. Савонарола, вполне в русле флорентийской традиции (Данте некогда взывал к императору), ради торжества своих замыслов обратился к Карлу VIII: он предрекал приход короля, он даже настойчиво призывал его как предсказанного спасителя.

Венеция

На северо-востоке Италии единое целое составляла Венеция. Республика, распространившая в Средние века свое влияние на моря Востока, отступала, хоть и медленно, перед натиском турок. Ее богатство, ее жизнь, ее судьба по-прежнему оставались на средиземноморских берегах. И очень хорошо понятно, что, вопреки общему мнению, Венеция не одобряла замыслов Колумба: она была слишком дальновидной, чтобы считать, что они принесут ей выгоду. Более того, с 1492 по 1517 г. она непрестанно прилагала усилия для сохранения торговли с Востоком. Но в то же время она давно помышляла расширить узкий круг своего влияния на запад. В ее подданство поочередно попали Тревизо, Виченца, Верона, Падуя, Брешия. Даже Равенна к 1440 г. стала венецианским аванпостом на юге. Таким образом, в 1492 г. Венеция простиралась от Адриатического моря до Адды и от реки По до Альп, представляя собой компактное, хорошо развитое государство, опирающееся на морскую, торговую и колониальную мощь, еще очень внушительную. Оставаясь республиканским, ее устройство менялось в том же направлении, что и у всех европейских стран. Действительно, почти нигде не было единства прочней, чем эта система государствен-

ных учреждений: Сенат, Совет десяти, инквизиция и т. д. Нигде не проводили и более последовательной политики. Эта политика, совершенно анонимная, так как с ней едва удастся связать конкретные имена, напоминала политику монашеских орденов.

Тем не менее дальнейшее расширение для Венеции было едва ли возможно: против нее был Австрийский дом, благодаря правам Священной Римской империи нависавший над Италией. Опасен был и папа со своим двойным мечом. Можно было обратиться к Миланской области, но, на беду, на нее уже положила глаз Франция. Во всех сложных комбинациях, в которых участвовала Венеция, удивительным было не то, что она не расширялась, а то, что она сохранялась.

В 1492 г. венецианцы выжидали. Были ли у них замыслы в отношении Италии? Стремилась ли они создать империю, «по примеру римлян», как странным образом утверждал гуманист Петр Мартир, или они только хотели в интересах своей торговли приобрести порты в Средиземном море? Во всяком случае, они вели со всеми переговоры, пытались действовать в Неаполитанском государстве и постоянно держали во Франции послов.

Милан

Область Милана, скорей государство, чем регион, была самой обширной территорией из тех, какие сумел организовать кондотьеризм: это был образец кондотьерского государства в чистейшем виде, как при Висконти, так и при Сфорца. К 1492 г. она простиралась почти от Альп до

реки По и от Сезии до Адды. В ее состав вошли даже Пьяченца и Парма; аванпосты были выдвинуты до Понтремоли, который Сфорца оспаривали у флорентийцев. Вся жизнь и могущество этого герцогства зиждились на военной силе и на гении правителя — настоящего макиавеллиевского государя, появившегося прежде книги с этим названием. Столицей был не столько сам Милан, сколько Миланский замок — дворец, имение и крепость. Некоторые герцоги прожили там взаперти весь период правления, они держали в страхе свое окружение, но при этом и сами боялись его. Это было и убежище от нападений извне. Мало того, что правителей подстерегали и им угрожали собственные подданные (нигде не было больше заговоров, чем в Милане), но их окружали враги со всех сторон: с востока — Венеция, с севера — швейцарцы, жадно зарившиеся на долину Тичино, с юга — Флоренция, обеспокоенная продвижением Сфорца к Центральным Апеннинам. На западе герцогство Савойя, похоже, было не в состоянии действовать самостоятельно, но за ним начиналась Франция, чей король был сюзереном маркизов Салуццо. Более всего герцоги должны были опасаться притязаний Валуа-Орлеанских, которые были потомками прежних герцогов Миланских из семьи Висконти и обосновались в нескольких льё от Алессандрии, владея Астезаной.

Лодовико Моро

Сфорца захватили власть в Милане в середине XV в. В 1492 г. герцогом был Джан Галеаццо Мария Сфорца, но от его имени управлял его

дядя Лодовико Моро, намеренный сохранить герцогский титул за собой. Лодовико обладал обширным и тонким интеллектом: он мог понимать Леонардо да Винчи или Браманте и строить самые изощренные политические планы. Однако многочисленные пороки и мелочность умаляли эти достоинства. Этому столь примечательному уму недоставало последовательности: Лодовико никогда не сдавался и тем не менее то и дело начинал все сначала. В его политике был изъян, которого не могло восполнить ничто: его происхождение. Он пришел к власти в результате двойной узурпации — Сфорца и собственной. Жenu он себе подобрал именно в расчете компенсировать этот неприятный факт. В политике он нажимал на все пружины, запутывая окружающую ситуацию так, чтобы скрыться за дымовой завесой. Итальянцы XVI в. питали к его политике невероятное уважение — еще одно доказательство, что кондотьеризм лежал в основе итальянской души.

Специфическое положение Лодовико стало одной из причин, вызвавших Итальянские войны.

Савойя и Пьемонт. Генуя

Герцогство Савойю к 1492 г. трудно было причислить к итальянским государствам. Герцоги владели Пьемонтом, Ниццей, Савойей, Фосиньи, землей Во, Ла Бресс, Ле Бюже. Центр тяжести этого герцогства находился скорее к северу, чем к югу от Альп. Но ход событий понемногу подталкивал герцогов обращать больше внимания на Апеннинский полуостров. Они уже не могли мечтать о расширении на запад, после того как До-

фине, Прованс и Бургундия отошли к Франции, или на север, с тех пор как Франш-Конте стало принадлежать Габсбургам, а Швейцария сделалась первоклассной военной державой. В XVI в. они начнут вести «политику качелей» между Францией и Австрией, и в свое время она принесет им большие успехи.

О Генуе в истории XV в. говорится много, но примерно так же, как о Польше в истории века XVIII. Вступив в череду нескончаемых внутренних конфликтов, республика, неспособная жить самостоятельно, отдавалась под покровительство всем по очереди. Ею владели, ее теряли и захватывали вновь то Франция, то Милан, то Пьемонт.

Мелкие княжества

Было также множество городов или княжеств, значение которых зависело от качеств их князей: на севере — маркизат Салуццо, вассал Франции, маркизаты Монферрат и Мантуя, более или менее зависимые составные части Священной Римской империи, в центре — герцогство Феррара. Далее — крошечные владения: Урбино под властью семьи Монтефельтре, Римини и Фано под Малатеста, Фаэнца и Имола под властью Манфреды, Мирандола под Пико, Болонья под властью Бентивольо. Все это играло свою роль в истории Италии в XV и XVI вв., способствуя сохранению раздробленности, мешая концентрации, но в европейской политике принималось в расчет лишь опосредованно. Какого-нибудь Бентивольо или Гонзага, так же как какого-нибудь герцога Гельдернского или ландграфа Гессенского в Германии,

могли использовать как поддержку в дипломатическом раскладе или нанимали в качестве полководца, если у него были способности или солдаты, — тем самым он возвращался к тому, с чего начинал, то есть к кондотьеризму.

Примечательно, что в Италии, в этом центре христианского мира, духовенство играло лишь очень неприметную роль. Мы не услышим ни об одном великом епископе. С другой стороны, деление на епископские округа не совпадало с политическим административным делением.

Скудость итальянских политических концепций

Таким образом, складывается впечатление, что эта страна, в которой некоторые хотели видеть создательницу современного мира во всех его проявлениях, имела организацию чисто эмпирическую, во многих отношениях отсталую. Политическая или социальная европейская система ни в чем не происходит от нее. Что касается итальянского национального духа, абсолютно отрицать его существование было бы нельзя; он в большой мере возник из ненависти к иностранцам, но тоже оставался рассеянным, неявным. Такое же наблюдение можно сделать насчет боевого духа: неоспоримые воинские достоинства утрачивались из-за партикуляризма; солдаты были, командиры были, но вооруженной нации не было.

До конца XV в. Италия оставалась хозяйкой своей судьбы. У нее был только один общий внешний враг — турки. Она ничего не предпринимала против них — впрочем, как и монархи

Западной Европы. Привыкнув, что внутренние конфликты и вопросы наследования решаются на ее территории с помощью компромиссов, она не подозревала, что притязания, какие иностранные короли выдвинут на отдельные части Апеннинского полуострова, могут создать для нее угрозу. Она не чувствовала, что за этими королями стоят государства, какими те управляют, и что это — совершенно новая сила.

Ситуация в 1492 г.

В течение XV в. итальянские государства почти не прекращали борьбу между собой, но в их политике не было никакого постоянства. Венеция, Милан, Рим, Флоренция и Неаполь поочередно вступали друг с другом в союзы, сражались, сближались. Накануне 1492 г. дипломатические комбинации были более эфемерными, чем когда-либо. Два государя ощущали себя в особой опасности или думали, что она им угрожает. Фердинанд Неаполитанский должен был считаться с папой Александром VI, венецианцами, Лодовико Сфорца, и для него не было тайной, что многочисленные неаполитанские сеньоры, в свое время поднявшие против него мятеж, а потом укрывшиеся во Франции, упрашивали Карла VIII предъявить права на его королевство. Лодовико не мог не сознавать, что многие миланцы готовы восстать в поддержку Джан Галеаццо Марии Сфорца; он знал, что в Италии он одинок.

В этих сложностях самих по себе не было ничего принципиально более тяжкого, чем во всех, какие встречались прежде. Единственный новый

II. Италия

факт состоял в том, что решился действовать Карл VIII, и сами призывы, какие обращали к нему некоторые итальянцы, повлияли на его решение лишь в малой мере. Он не нуждался в том, чтобы его подталкивали.

III. Предыстория возникновения итальянского вопроса

Вопрос Italianских войн

Так стоило ли предъявлять права на Неаполь и ориентировать французскую политику на Апеннинский полуостров? Это один из сложных вопросов французской истории³.

«Почти все историки проявляют к Карлу VIII суровость, доходящую до несправедливости. Если верить им, Italianский поход был не более чем результатом химерических амбиций молодого короля, вдохновляемого и поощряемого авантюрами Лодовико Моро. Нет ничего более противоположного истине: неаполитанское предприятие стало фатальным следствием притягательности, которая два века влияла на наших королей, почти непрерывно обращая их мысли

³ См. *L'expédition de Charles VIII en Italie: histoire diplomatique et militaire* / ouvrage publié par H.-F. Delaborde. Paris: Firmin-Didot, 1888; *Pélicier L.-G. Louis XII et Ludovic Sforza (8 avril 1498–23 juillet 1500)*. Paris: Fontemoing, 1896. Т. I (вступление и первая глава); *Perret P.-M. Histoire des relations de la France avec Venise, du XIIIe siècle à l'avènement de Charles VIII*. Paris: H. Welter, 1896. 2 vol.

к Италии». Так считал один из последних историков похода Карла VIII, Франсуа Делаборд. Тезис высказан отчетливо, и с ним согласны многие эрудиты; в его поддержку было написано немало книг, брошюр и статей.

Истоки французского вмешательства

Историки, которые считают, что вмешательство Франции в дела Италии было обоснованным и согласовалось с естественным ходом событий или интересами французской политики, обращают внимание, что связи между Францией и Апеннинским полуостровом возникли с конца XIII в., после завоевания Неаполя братом Людовика Святого, Карлом Анжуйским, что их продолжением якобы стала кратковременная интервенция Филиппа Красивого в форме вылазок его брата Карла Валуа или его племянника Филиппа в 1320 г.⁴; что к концу XIV в. возобновились довольно частые контакты между землями по эту и ту сторону Альп: папа Климент VII предложил создать королевство Адрию для герцога Людовика Анжуйского; Людовик Орлеанский, брат Карла VI, в 1389 г. женился на Валентине, дочери Галеаццо Висконти; Людовик I Анжуйский, усыновленный в 1380 г. Джованной I Неаполитанской, а потом его сын Людовик II (с 1390 по 1400 г.) ходили походами на Неаполь; наконец, в 1396 г. Карл VI приобрел Геную. Тем самым в начале XV в. Франция имела

⁴ См. Histoire de France, t. III (2^e part.), liv. I, chap. IV et V; liv. II, chap VII.

три канала для связей с Италией: через Анжуйцев — с Неаполем, через Орлеанов — с Миланом, через короля — с Генуей⁵.

Франция и Италия в XV в.

Что касается Карла VII, он женился на Марии, дочери Людовика II Анжуйского, но, слишком занятый во Франции, за Альпами ничего не предпринимал. Только в 1450-х гг. были совершены некоторые действия, например, в 1452 г. в Монтиль-ле-Тур заключили союз между королем, Миланом и Флоренцией, и некоторые историки видят в этом прелюдию к будущим походам, а в 1458 г. была вновь захвачена Генуя.

Людовик XI и Италия

Дофин Людовик, управляя Дофине, в 1446 и в 1453 гг. предпринимал переговоры о разделе Миланской области; очень далеко они не зашли. Когда Карл VII умер, новый король не стал продолжать политику дофина. «Людовик XI, целиком поглощенный своей политикой объединения Франции... сообразовал внешнюю политику с потребностями внутренней»⁶.

Анна де Божё и Италия

Ничто не менялось до кануна 1492 г.; мы видели, насколько регентшу мадам де Боже занимали внутренние смуты. Она ограничилась тем,

⁵ См. *Histoire de France*, t. IV (1re part.), liv. IV, chap. II.

⁶ См. *Histoire de France*, t. IV (2^e part.), liv. II, chap. IX, et liv. III, chap. III.

что поддержала в 1486 г. притязания Рене II Лотарингского на Неаполь, но скорее номинально, и сохранила в 1486–1488 гг. сюзеренитет короля над маркизатом Салуццо. «Те, кто правит, хотят избегать дальних авантур», — так выразился посол Флоренции. Впрочем, это был период бретонских дел и самых жестких внутривосточных осложнений. До 1491 г. Анна посвящала им все силы.

Историческая значимость этих фактов

Перечисленные факты в течение двух веков имели определенную важность или значение. Но можно ли говорить, что они неодолимо влекли французскую монархию в Италию? Мы так не думаем. Прежде всего, в этой истории франко-итальянских отношений много событий, смысл которых искажается, если преувеличивать их значимость⁷. С первого взгляда может показаться, что по-настоящему серьезные события образуют внушительный ряд, но при этом забывают, что они разбросаны в интервале времени продолжительностью в двести двадцать пять лет. С таким же успехом из отношений с другими странами, например с Германией, можно было бы сделать вывод, что помыслы наших королей были постоянно обращены к востоку. Один историк писал⁸:

⁷ Это относится, если брать лишь один пример, к созданию королевства Адрии в 1379 и 1389 гг.

⁸ *Leroux A. Recherches critiques sur les relations politiques de la France avec l'Allemagne, de 1292 à 1378.* Paris: F. Vieweg, 1882. P. 32.

«Можно сказать, что с восшествием на престол Филиппа II Августа отношения Германии и Франции вступили в новый период — откровенной агрессии, постоянных стараний наших королей вернуть то, что они считали своими владениями к востоку от их королевства». И далее будет признано, что поход Людовика, еще дофина, на восток в 1444 г., а затем тщательно подготовленная Людовиком XI аннексия герцогства Барского, вся бургундская политика как минимум столь же явно выражают тенденцию, как и все действия, предпринятые в отношении Италии.

Чего стоит эта теория

Более того: суммирование фактов, посредством которого пытаются доказать постоянный натиск на Италию, неправомерно, потому что суммируются разнородные вещи. Когда Карл Анжуйский завоевывает Неаполь в XIII в., когда Людовик или Рене Анжуйские хотят снова его захватить в XV в., когда Людовик Орлеанский женится на Валентине Висконти (1395), даже когда дофин Людовик, пребывающий в состоянии постоянного скрытого мятежа против своего отца Карла VII, занимается подстрекательством и за Альпами, — при чем тут правительство? А если вычесть все инициативы принцев, вероятные частные авантюры, что останется от «действий монархии» в течение двух веков?

Поддерживать теорию, которую мы оспариваем, значило бы упрочивать историческую ошибку в отношении не только первопричин Итальянских войн, но также общего хода и смысла событий в нашей стране. Франция веками была феодаль-

ной; это были времена разрозненных усилий, когда действовали скорее французы, чем Франция. А ведь после Карла VII Франция стала монархией, и монархия больше не должна была позволять Анжуйцам и Орлеанам втягивать себя в их внешнюю политику и не заботилась о том, чтобы, аннексируя их государства, соответствовать традициям их управления.

В целом верно, что Карл VIII или его советники были не первыми, кто обратил взоры к Апеннинскому полуострову; что обе страны неоднократно вступали в политические контакты; что существовали родственные связи, вероятные династические права, возможные владельческие претензии; что иногда — нашим королям или некоторым из их подданных — приходило в голову этим воспользоваться. Не более того.

Национальная политика Франции

Политика капетингских королей была направлена на территориальное расширение на французской земле. Последними крупными успехами этой политики были приобретение герцогства Бургундского после смерти Карла Смелого в 1477 г. и брак Карла VIII с Анной Бретонской в 1491 г., подготовивший присоединение к короне последнего из крупных фьефов. Это повлекло за собой международные осложнения: Мария, дочь Карла Смелого, стала женой Максимилиана Австрийского и по смерти оставила сына Филиппа — наследника притязаний на Бургундию. Кроме того, Максимилиан с 1488 г. претендовал на руку Анны Бретонской, и, проводя полити-

ку, враждебную французскому королю, создал коалицию с Англией и Испанией. Эта коалиция в 1492 г. еще существовала. Так что Карлу VIII было чем занять себя дома и за границей, и ему следовало сохранять и укреплять недавние приобретения. Очевидно, что для того, чтобы в подобной ситуации предъявлять права Анжуйцев на Неаполь и грезить о завоевании Константинополя, явно требовались нездоровое воображение и пережитки средневековых представлений.

IV. Положение держав к 1494 г.

В этой итальянской авантюре Карл VIII неизбежно должен был столкнуться с государствами, которые уже заключили союз против него и которые как раз вступали в период активного развития. Поэтому для понимания дальнейших событий надо описать положение этих стран к началу Итальянских войн.

Священная Римская империя

С XIII в. ни территориальное положение Священной Римской империи, ни ее политическое устройство в теории не изменились, но на практике перемены произошли. На западе Нидерланды по-прежнему считались землей империи, но только номинально: Бургундский дом дал им возможность существовать автономно. Лотарингия, Эльзас и Франш-Конте оставались тесно связанными с империей, но Швейцария была фактически независимой. На юге герцоги Савойи уже вспоминали о связях с империей, только когда им это было выгодно для противодействия Франции. Таким образом, между Германией и Францией по-прежнему лежала полоса земель неопределенной принадлежности, наличие которой могло открывать всевозможные перспективы.

В Италии Мантуя, Модена, Парма, Верона еще считались зависимыми от императоров: Максимилиан Габсбург и его внук Карл V будут передавать или продавать инвеституру на Миланскую область. Сам Карл V не откажется ни от химеры коронации папой, ни от стремления властвовать над Италией или приобретать там территории. На северо-востоке, несмотря на первые успехи Московского государства, при Иване III потеснившего немцев к западу, Священная Римская империя оставалась неизменной.

Сократившись в территориальном отношении, империя утратила верховенство в Европе. На ее право даровать короны уже ссылались только в качестве дипломатического довода на переговорах, либо в качестве приема для воздействия на рейхстаг.

Организация империи

Единство Германии олицетворял император, избираемый семью курфюрстами, по преимуществу в рейхстаге, который с XV в. созывался довольно регулярно и в царствование Максимилиана мог быть собран в любой момент. В пределах империи существовали всевозможные элементы: вольные имперские города, церковные княжества, еще очень многочисленные, непосредственное дворянство, зависимое только от императора, и дворянство, зависимое от князя. Но в этом хаосе выделилось несколько княжеских домов, начавших упорядочивать управление на подвластных им землях. С другой стороны, развивалась буржуазия. Бесчисленное в то время мелкое дворянство было словно придушено: у него не оста-

валось других средств к существованию, кроме войны. В начале Реформации из него выйдут странствующие рыцари — Гёцы фон Берлихингены, Францы фон Зиккингены, которые будут поступать на службу как к иностранным государям, так и к империи.

Наличием некоторых из этих элементов, чисто исторических и традиционных, которые уже не соответствовали современному состоянию Европы, объясняется слабость империи. Церковные князья, города и знать удерживали свои позиции, тормозя всякую административную централизацию.

Германские государства

Самыми значительными были княжеские дома, владевшие настоящими государствами. Некоторые из них были старинными — Веттины в Саксонии, Виттельсбахи в Баварии, другие новыми — Гессенское семейство, Вюртембергское семейство, Гогенцоллерны, ставшие курфюрстами Бранденбургскими. Другим государствам, по видимости, намного менее могущественным: ландграфству Гессенскому, имениям Клеве, Бергу и Юлиху — предстояло сыграть, хоть и ненадолго, довольно важную роль в отношениях между Священной Римской империей и Францией.

Австрийский дом

В тот самый момент, когда начнутся Итальянские войны, во главе Германии стоял один из немецких княжеских домов — австрийский дом Габсбургов. Государство, которое он основал, было одним из самых необычных и некоторое время

оставалось одним из самых могущественных в истории Европы.

Эрцгерцогство Австрия, Штирия, Каринтия, Крайна, Триест, Тироль, разрозненные имения в Швабии и Эльзасе сосредоточились в руках Фридриха III, а потом Максимилиана (1493–1519). Политику объединения дополняла и иногда усложняла брачная политика. Речь идет о браке с Марией Бургундской, который обеспечил Максимилиану или его сыну Филиппу Красивому власть над Нидерландами, Артуа, Франш-Конте; о заключенном в 1496 г. браке Филиппа Красивого и Хуаны Безумной, дочери испанских королей Фердинанда и Изабеллы, сулившем Габсбургам наследование Испании. Наконец, императорская корона становилась фактически наследственной внутри этого дома. То есть намечалось появление великой державы. Правда, она была не очень устойчивой. Если бы императору удалось установить в Германии дисциплину, то эта держава стала бы повелительницей Европы. Ведь в Германии — в городах, в цехах — накопилась разнообразная энергия. Немец XVI в. был активен и деятелен. Лютер, Ульрих фон Гуттен, Франц фон Зиккинген, Гёц фон Берлихинген — исключительно сильные личности, а роль ландскнехтов в европейских армиях XVI в. была столь же значительной, как и роль швейцарцев.

Но именно эта локальная или индивидуальная энергия служила препятствием к насаждению дисциплины. Максимилиан попытался создать имперское правительство. Он потерпел неудачу.

Политика Австрийского дома

Какой могла быть его внешняя политика? У Максимилиана I было несколько вариантов: защищать империю от турок, поддерживать ее права на западные территории, возрождать притязания империи на Италию, вернуться к бургундскому вопросу. Он, а после него Карл V, пытался действовать во всех этих направлениях, но в интересах династии, а не империи. Оба использовали свой императорский титул лишь во имя величия Австрии.

На западе они непрестанно пытались вернуть отколовшиеся части бургундского наследства, в том числе и те, где власть узурпировал Людовик XI. То есть Австрии предстояло постоянно оказывать противодействие Франции.

Англия

В Англии территориальное устройство оставалось таким, каким его сделали короли средневековья (Англия, Ирландия, Уэльс), а Шотландия по-прежнему была независимой. Утрата владений во Франции, кроме Кале как «точки связи» с континентом, побуждала английскую политику сменить направление. Тем не менее, даже после того, как Колумб открыл дорогу на Запад, английские короли лишь неуверенно пытались проводить колониальную политику. Их внимание было по-прежнему приковано к материку, прежде всего к Франции. В самом деле, воспоминания о Столетней войне были еще живы; они поддерживали враждебность в отношениях между обеими странами. Во второй половине XV в. английские

государи почти непрерывно вмешивались в дела Франции, а французские — в дела Англии. В XVI в. эта политическая игра будет продолжаться.

Генрих VII

К 1492 г. уже семь лет как на трон взошел Генрих VII. Чтобы удержаться на нем, новому королю пока нельзя было сидеть сложа руки. Другие претенденты на трон находили поддержку у англичан, несмотря на общую усталость нации. Почти все царствование Генриха длилась борьба за корону.

Такое положение вещей, а также характер Генриха VII служат объяснением, почему он играл ту роль, какую играл. Пришедший к власти благодаря смелости и удаче, он принял эту власть, как разбогатевший человек состояние — намереваясь ею наслаждаться. Казалось, он воспринимает ее прежде всего как личное имущество; он использовал все умение, каким обладал, чтобы укрепить ее. У него не было оригинальных взглядов ни на внутреннюю политику, ни на внешнюю. Не то чтобы в нем никак не проявлялся британский дух. Прежде всего, он не любил Францию; далее, он был алчным, беспокойным и стремился что-нибудь приобрести везде, где предоставлялась возможность: в Бретани, в Гиени, во Фландрии или в Пикардии. Но еще важней, чем территориальные приобретения, для него были финансовые выгоды; справедливо говорили, что он начинает войну, чтобы выколотить субсидии из подданных, а подписывает мир, чтобы получить их от противника. Политику, в которой важнейшее место будет занимать вопрос денег, станет вести

и Генрих VIII, который в 1509 г. наследует Генриху VII.

Таким образом, в отношениях с Великобританией французским королям придется постоянно ожидать проявлений враждебности и каких-то требований; но в течение всех Итальянских войн Англия почти неизменно будет ограничиваться мелкими стычками — в целом она останется на втором плане.

Испания

Испания к концу XV в. почти достигла единства. Долгая борьба с маврами только что, в январе 1492 г., закончилась взятием Гранады. После брака Фердинанда и Изабеллы в 1469 г. Кастилия и Арагон фактически объединились. На Пиренейском полуострове осталось всего два независимых государства: Португалия и Наварра, причем последнюю горы делили на испанскую Наварру на юге и французскую на севере. Зато Фердинанд отобрал у Карла VIII Руссильон, на время занятый Людовиком XI. Кроме того, в Западном Средиземноморье Арагонский дом владел Балеарскими островами, Сицилией, Сардинией, и монарх из этого семейства царствовал в Неаполе. Наконец, к выгоде Испании только что совершилось великое событие — открытие Антильских островов Христофором Колумбом в 1492 г. Для испанцев открылся Новый Свет.

Внешняя деятельность была продиктована унией Арагона и Кастилии: взоры первого были обращены к Средиземному морю, второй — скорей к Атлантическому океану. То есть у новой Испании было два направления: с восточной сто-

роны она вела наполовину средиземноморскую, наполовину итальянскую политику, и тем самым действовала как европейская держава. Со стороны океана, напротив, от нее требовалось нечто совершенно новое — завоевание неведомого мира, занятие бесхозных территорий, колонизация. Она занималась этим делом с воодушевлением, одновременно решая свои европейские проблемы, в то время как Европа в колонизацию Америки не вмешивалась и, похоже, поначалу даже ее не замечала.

В конечном счете ничто не соответствовало положению Испанского королевства и его интересам лучше, чем эта двоякая политика, благодаря которой страна могла приобрести исключительное и долговременное могущество. Представить только, чем была бы Испания, не имеющая ни соседей, ни границ, ни помех в Америке, опирающаяся в Средиземноморье на испанские острова, на Неаполитанское королевство и почти замкнувшая кольцо окружения варварскими побережьями, на которые уже ступила, завоевав в 1496 г. Мелилью! Амбиции Фердинанда, «маниакальное пристрастие» к заключению браков и, надо добавить, воля случая толкнули страну на третий путь, который станет для нее роковым. В день, когда эрцгерцог Филипп Красивый женился на Хуане Безумной, дочери Фердинанда и Изабеллы, судьбы Испании переменились. Союз с Австрией, совершенно искусственный, продолжение бургундской или немецкой политики было ошибкой, которая, несмотря на всю славу XVI в., привела к беде.

Фердинанд Католик

Тем временем в положении страны произошло примечательное стечение удачных обстоятельств, какие в некоторые эпохи выпадают нациям. Власть государей Арагона и Кастилии в конце XV в. усилилась и трансформировалась: все вольности и силы нации либо совсем исчезли, либо стали подконтрольны короне. Но, возможно, большим благом для королевства был тот факт, что по окончании крестового похода против мусульман — Реконкисты — испанцы были полны энергией и что эта энергия немедленно нашла выход — ее перенаправили в Новый Свет или в Италию. Правду сказать, к 1492 г. слияние Кастилии и Арагона еще не было фактом — настоящий союз заключила лишь королевская чета. Что касается власти монархов, то ей противостояли некоторые независимые силы — привилегии провинций или городов. Но Фердинанд, царствовавший в Арагоне и правивший Кастилией, был примечательной фигурой и дальновидным политиком. Он отличался безмерной алчностью, и ему нравилась борьба — за выгоды, какие она приносила, и за удовольствие чувствовать себя интеллектуально выше противников. С пылким темпераментом сочеталось в нем верное понимание роли, какую следовало играть монархии и Испании.

Политика Испании

В Средние века иберийские королевства в основном сохраняли хорошие отношения с Францией, пока оставались раздробленными, а француз-

ская монархия не достигала Пиренеев, поскольку Гиенью владели англичане. Но к середине XV в. Франция, избавившись от англичан, приблизилась к Пиренеям с запада и с востока, а потом приобретение ею Прованса стало угрожать позициям Испании на Средиземном море. С тех пор соперничество обеих стран сделалось фатальным — на долгой полосе земель и во всем Западном Средиземноморье, от Бискайского залива до Калабрии, их интересы оказывались прямо противоположными. Испанская держава стала самым грозным врагом, какого Франция встречала в Италии и в других местах, даже до Карла V. Притязания Карла VIII на Неаполь, возможно, оказались только поводом для неизбежного конфликта.

Турки

Тем не менее, в конце XV в. казалось, что Европу волнуют прежде всего события на Востоке. К 1492 г. на месте Византийской империи находилась Османская империя, крупное полуазиатское-полуевропейское государство, расположившееся от Тавра до Дуная, от Адриатического до Каспийского моря. Турки, прочно укрепившись в Константинополе, не менее чем на три века заперли Восток от западноевропейцев. Они зашли в тыл материку с двух сторон — по Дунаю и по Средиземному морю, где обосновались в Африке, через двадцать лет после того, как из Гранады были изгнаны мавры. Правда, после смерти Мехмеда II между обоими принцами, Джемом и Баязидом, началась распря из-за наследства. Джем, побежденный в двух сражениях, был вынужден

оставить трон Баязиду; попав в жалкое положение, он странствовал из Франции в Италию, поочередно оказываясь во власти родосских рыцарей, Иннокентия VIII, а потом Александра VI. Баязид, в свою очередь, потерпел поражения в походах на Египет и на Белград. Но в 1493 г. он вторгся в Каринтию, Штирию, Крайну, где стали совершаться зверства, «превосходящие воображение». Османская политика пользовалась слабостью и нерешительностью естественных противников турок. Джем тщетно просил у Венеции, у папы, у Франции, у Германии поддержать его притязания на престол брата. Венеция пыталась сблизиться с султаном, сами родосские рыцари совершили ошибку, послужив Баязиду в борьбе с Джемом. Папы были готовы в зависимости от своих интересов поддержать того или иного из претендентов. Уже намечилось нечто подобное восточной дипломатии Франциска I. Турки оставались врагами христианства, но этих врагов иногда можно было использовать против собственных противников. Поэтому их страна, несмотря ни на что, вошла в сообщество европейских держав.

Планы крестового похода

Князья и даже папы в своей политике колебались, выбирая между частными интересами своих государств и общими интересами христианства. Однако, поскольку традиции борьбы с неверными еще не были забыты, а с другой стороны, последние почти непрестанно нападали на Венгрию или Чехию, еще не раз всплывет идея крестового похода. О нем в ходе всех своих неудачных

предприятий не прекратит думать и говорить император Максимилиан. Людовик XII направит экспедицию в Восточное Средиземноморье; к планам такого рода в 1519 г. вернутся папа Лев X и даже Франциск I. Что касается Карла VIII, то Константинополь столь же неотступно преследовал его воображение, как Рим и Неаполь. Он и Максимилиан в какой-то момент почти искренне верили, что поход в Италию будет прологом к завоеванию Иерусалима.

Вот какой была Европа Нового времени в критический момент начала Итальянских войн. В ней намечались крупные антагонизмы: Франция, Испания, Англия взаимодействовали и соперничали друг с другом. Австрийский дом ждал удобного случая, чтобы начать действовать. Правительство Карла VIII понимало, что итальянский вопрос грозит стать европейским. Чтобы предотвратить эту опасность, оно решило любой ценой добиться нейтралитета Англии, Испании, Германии.

Этапльский и Барселонский договоры

Расторжение намечавшегося брака Карла VIII и Маргариты Австрийской дало Максимилиану Габсбургу повод для резкого заявления, обвинявшего короля Франции в нечестности. Он обратился за поддержкой к европейским государям, и Генрих VII воспользовался случаем, чтобы попросить у своего парламента денег. Недовольные бретонцы в декабре 1491 г. сговорились передать англичанам Брест и Мор-

ле⁹. Но Генрих VII, обеспокоенный происками мнимого «сына Эдуарда» — Перкина Уорбека, которому Карл VIII оказывал покровительство, довольно вяло поддержал инициативу бретонцев. Их заговор был раскрыт, а англичане высадились только 6 октября 1492 г. в Кале; они осадили Булонь. Им очередной раз заплатили за то, чтобы они вернулись в Англию. Это решение довольно дорого обошлось французам, ведь по условиям Этапльского договора, заключенного 3 ноября 1492 г., Генрих VII должен был получить значительную по тем временам сумму — 745 тыс. золотых экю.

Хотя испанцы представляли для него мало опасности, Карл VIII решил заключить договор также с Фердинандом и, ко всеобщему удивлению, «вопреки всем советам и общему мнению», как дважды написал флорентийский посол, 19 января 1493 г. вернул ему по Барселонскому договору Руссильон и Сердань и простил 200 тыс. золотых экю, которые Людовик XI ссудил Хуану II Арагонскому. Суровость Людовика XI оставила в Руссильоне столь дурную память, а губернатор, сменивший умелого Боффиля де Жюжа, показал себя настолько свирепым, что большинство населения восприняло возвращение испанской власти с радостью: перпиньянцы устроили общее шествие, «дабы возблагодарить Бога, выведшего их из уз». Наконец, Карл VIII разрешил королеве На-

⁹ *Borderie A. de la. Le complot breton de 1492. Nantes: Société des bibliophiles bretons, 1884. [Archives de Bretagne. T. II.]*

варры Екатерине де Фуа и ее мужу Жану д'Альбре принять кастильский протекторат (1493–1494). Вся политика Людовика XI на Пиренеях была предана забвению¹⁰.

Санлисский договор

Оставался Максимилиан Австрийский, требовавший не только Артуа и Франш-Конте — приданое, гарантированное его дочери Маргарите, невесте Карла VIII, договором 1482 г., но и все наследство своего тестя Карла Смелого. 5 ноября 1492 г. несколько arrasских горожан передали Аррас «бургундцам». В декабре войска Римского короля — титул, который он тогда носил, — вступили во Франш-Конте; население, тоже принявшее французскую оккупацию скрепя сердце, встретило их благосклонно. Бывшие советники Анны де Божё, такие как Гравиль и Жье, высказывали мнение, что против Максимилиана надо развязать войну и даже оставить его дочь в заложницах. Гравиль «весьма неприветливо» говорил посланцам Максимилиана: «Если бы король, мой повелитель, соблаговолил прислушаться к моему совету, он не вернул бы вам ни дочери, ни дочурки, ни города, ни городка». Но Карл VIII не прислушался к его совету и 23 мая 1493 г. по Санлисскому договору вернул Максимилиану граф-

¹⁰ Vidal P. Histoire de la ville de Perpignan, depuis les origines jusqu'au traité des Pyrénées. Paris: H. Welter, 1897; Boissonnade P. Histoire de la réunion de la Navarre à la Castille: essai sur les relations des princes de Foix-Albret avec la France et l'Espagne (1479–1521). Paris: A. Picard et fils, 1893.

ства Артуа, Шароле, Франш-Конте, при условии сохранения своих сюзеренных королевских прав на Артуа и Шароле. Даже Оксер, Макон и Бар-на-Сене Франция сохраняла лишь временно, и их окончательное признание за одним из двух государств должно было стать предметом позднейших переговоров. Юную Маргариту Австрийскую 12 июня передали послам Филиппа Красивого.

После чего Генрих VII Тюдор, Фердинанд Арагонский и Максимилиан Австрийский согласились или сделали вид, что согласились, признать после открытия наследств Карла Смелого и Франциска Бретонского, что бургундский вопрос отложен, а бретонский закрыт; зато открылся итальянский вопрос. Карл VIII «променял орла на кукушку».

V. Завоевание и потеря Неаполя

Франко-итальянские переговоры

В 1492 г. Брисонне и Веск определенно знали, каковы намерения короля, куда устремлены его мечты, которые они, несомненно, поддерживали. В марте 1490 г. кардинал Балю, который, попав в немилость при Людовике XI, вновь появился при дворе почти сразу после восшествия на престол Карла VIII и принимал участие во всех франко-итальянских интригах, докладывает королю: «Государь, вы писали мне, чтобы я описал Вам Рим; я пришлю Вам кратчайшее описание, какое годится для этого. Я опишу Вам его так, чтобы Вы могли его воспринять, как если бы сами находились на месте». Этьен де Веск казался всесильным: «В итальянских делах он один решает больше, чем остальные сеньоры». Считали, что он всецело поддерживает Лодовико Моро, а это значило — враждебен Неаполю и Флоренции. Брисонне слыл «non bene amico della nazione nostra»¹¹, по словам флорентийского посланника. Впрочем, итальянская дипломатия прибегала ко всем средствам, чтобы приобретать во Франции

¹¹ Недобрым другом нашего народа (*um.*).

сторонников. Одним «друзьям короля», как их называли, выплачивал пенсии Лодовико, другим — король Неаполя. Посол Флоренции настаивал, что надо применить те же методы. У республики было мощное средство воздействия — Флорентийский банк, который издавна обосновался в Лионе и в котором многие вельможи имели открытые счета, где разные виды документооборота позволяли маскировать ссуды или дары, придавая им вид деловых операций.

Жье противился планам, которые вынашивались королем, Гравиль — еще более. Герцогиня Анна де Бурбон-Боже и королева Анна Бретонская уже не одобряли экспедицию; это повергало короля «в великую растерянность». Иностранные посольства при дворе постоянно пребывали в движении, и материальные трудности сочетались у них с помехами, какие создавала крайне запутанная политическая ситуация. Молодой король непрестанно перемещался из Тура в Блуа, из Блуа в Амбуаз; не было ничего причудливей, чем суэта посланников, пытавшихся что-то узнать, мчавшихся на почтовых, просящих аудиенций, которые без конца откладывались и в любой момент могли быть сорваны из-за неожиданной поездки короля или из-за выезда на охоту.

Роль Лодовико Моро (1491–1493)

Очень похоже, что во всех переговорах, какие действительно предваряли поход и начало которых можно отнести к 1491 г., первостепенную роль играл Лодовико Моро. В 1492 г. он послал к Карлу VIII неаполитанского сеньора, укрывшегося в Милане, — графа Каяццо, чтобы выяснить,

склонен ли король «выступить на стороне правителя Милана против короля Неаполя и его союзников. В случае благоприятного ответа пусть попросит заключить частный и тайный союз». Посол добился союзного договора и 5 мая 1492 г. покинул Францию. Утверждали, что этот договор был чисто оборонительным; по форме — возможно, но для Лодовико было важным, что там фигурирует его имя и что король втянут в перипетии итальянской политики. Потом (по его игре это ясно видно), по мере того как король шел дальше, он делал вид, что отступает. Одному посланцу Карла, который в свою очередь сказал ему «слово о походе», он ответил, что «не может предложить ничего особенного». Казалось, в тот момент он хотел избежать появления Карла VIII на Апеннинском полуострове, после того как прежде просил его об этом. 22 апреля 1493 г. он подписал с Венецией союз против Неаполя; он стакнулся с Максимилианом, отдав ему свою племянницу Бьянку Сфорца с приданым в 400 тыс. дукатов; взамен римский король пообещал ему инвеституру на Милан. Карл VIII был отодвинут в сторону.

Настроения в Италии

В Италии царило чувство тревожного и скорей враждебного ожидания. Александр VI по-прежнему выражал симпатии к королю Неаполя; во Флоренции Пьеро Медичи очень отчетливо занял позицию, враждебную Франции, однако довольно значительная флорентийская партия сочувствовала последней. Венеция проводила политику, сводившуюся к выжиданию. Что касается миланских посланцев (и похвалить за это сле-

дует прежде всего их повелителя Лодовико), «они вели себя так, как ведут себя мудрые при управлении государством: они убеждают врагов, что хотят сделать одно, и потом делают другое». В целом князья-кондотьеры объявили себя нашими противниками. Их возглавил Франческо Гонзага, маркграф Мантуанский. Наконец, нельзя было полагаться ни на Фердинанда Испанского, хранившего злое молчание, ни на Максимилиана, хотя он в 1494 г. и согласился принять французских послов и разрешил экспедицию, притворившись, что видит в ней прелюдию к крестовому походу. Тогда-то и обнаружилась бесполезность столь дорогостоящих договоров, заключенных в Барселоне и в Санлисе.

Последние колебания во Франции

В этих обстоятельствах партия, враждебная походу, еще раз воспрянула духом. Кстати сказать, отсутствовали необходимые финансовые средства: ни флот, ни армия не были готовы к войне. Надо было обращаться к новым источникам, производить принудительные займы в провинциях, делать вычеты из пенсий. Потом вспыхнули беспорядки. В письмах Карла VIII жителям Труа за июнь и июль появляются намеки на смуты, вызванные в Шампани «грабежами военных». Недовольство повсюду было сильным. «Правду сказать, — писал чуть позже князь Бельджойозо в письме к Лодовико, — не думаю, чтобы при этом дворе был кто-то, кроме г-на де Сен-Мало, сене-шалья Бокера, губернатора Бургундии и Главного шталмейстера, кто не прилагал бы усилий, чтобы сорвать поход». Опять-таки из этих четырех толь-

ко Веск шагал «in tutto da bon pede»¹². При нем был Джулиано делла Ровере (будущий Юлий II), которого враждебность папы вынудила бежать во Францию.

Карл VIII принимает решение о походе (1494 г.)

Но, несмотря на препятствия и противодействие, Карл VIII не отказывался от большого проекта; в начале 1494 г. начались военные приготовления, а в январе выдворили неаполитанских послов, до сих пор остававшихся во Франции, где они были с давних пор. Тем временем 25 января 1494 г. умер король Неаполя Фердинанд. Карл немедленно воспользовался случаем: он написал в несколько «добрых городов» Франции, посвящая их в свои планы насчет Неаполитанского королевства. В тот момент он был в Лионе. С делами он сочетал развлечения, если верить простодушному «Верному Слуге»¹³: «Король пребывал тогда среди своих принцев и дворян, ведя беззаботную жизнь: каждый день он устраивал поединки и турниры, а по вечерам танцевал и веселился с местными дамами, каковые от природы красивы и любезны».

Первые проявления враждебности

Одним из первых актов, выразивших открытую враждебность итальянцам, было изгнание Флорентийского банка из Лиона в июне 1494 г.;

¹² Во всем с той ноги, с какой надо (*um.*).

¹³ Le Loyal Serviteur, 1527 г., авторства Жака де Мея, представляет собой биографию рыцаря Байарда.

в то же время герцог Орлеанский с воинским отрядом выступил к Генуе, чтобы занять побережье. Генерал-капитаном сухопутных войск был провозглашен Жильбер де Монпансье, кузен короля. 27 июля Карл VIII покинул Лион, где впервые сосредоточили армию, и выехал в Гренобль, где он сделал окончательные распоряжения. Пьер, муж Анны де Божё, был «назначен наместником королевства». Анна Бретонская оставалась неприметной; даже в Лионе она иногда производила впечатление брошенной жены.

Французские армии времен Итальянских войн

Чтобы заставить умолкнуть тех, кем двигали вождедения или недобрая воля, требовалась быстрая и решительная кампания — это понимали все.

Франция могла выставить многочисленные войска. Их главной составной частью была кавалерия, как тяжеловооруженная, так и несколько частей легкой, носившие названия женетеров¹⁴, страдиотов, албанцев.

Тяжелая кавалерия

Тяжелая кавалерия делилась на роты, которые назывались ордонансными и включали определенное количество копий¹⁵. Количество копий

¹⁴ От слова «genet», означающего малорослую лошадь.

¹⁵ Тексты ордонансов: *Fontanon A. Les Édicts et ordonnances des rois de France depuis Louis VI, dit le*

в ротах не было неизменным: в учетных записях указываются роты в сто, в пятьдесят, в двадцать пять копий. Во главе каждой роты стоял капитан; ему подчинялись лейтенант, знаменщик (*guidon*), прапорщик (*enseigne*), квартирмейстер (*maréchal des logis*)¹⁶.

Gros, *jusques à présent*. T. III. Paris: C. Morel, 1611. См. также: *Spont A. Marignan et l'organisation militaire sous François Ier // Revue des questions historiques*. 1899 (66). P. 59–77.

¹⁶ Судя по королевским эдиктам, «укомплектованное копье» (*la lance garnie*) имело в составе шесть-семь человек: «кавалерист с тяжелым вооружением» (*l'homme d'armes*), два-три лучника, оруженосец, или кутилье (*coutillier*), паж и слуга. Но, по крайней мере при Карле VIII и Людовике XII, в учетных данных армии, счетах, рассказах о военных экспедициях, при кавалеристе с тяжелым вооружением никогда не упоминается более двух лучников: сорок тяжелых кавалеристов предполагает наличие восьмидесяти лучников, шестьдесят — ста двадцати, и т. д. Кутилье и паж должны были только сопровождать кавалеристов, обслуживать их, следовать за ними вдалеке от поля боя. Бойцами они могли оказаться только случайно. Лучники, напротив, почти приравнялись к тяжелым кавалеристам: они были конными, как и последние, так же или почти так же вооруженными. Это почти всегда были дворяне. Еще Монлюк пишет, что к 1520 г. «вельможи служили в ротах, двое-трое — лучниками». Он сам, перестав быть пажом, прошел через это послушничество; через некоторое время его «зачислили кавалеристом, и [с] лучником на жалованье».

Легкая кавалерия

Страдиоты, образовавшие первое ядро легкой кавалерии, происходили с Востока. Эти страдиоты встречались во французских войсках в царствование Людовика XII; о них писал Коммин, хронист Жан д'Отон упоминал их под названием албанцев. Поначалу их было всего сто под командованием капитана из их страны, которого звали Меркюр, но они сыграли важную роль в первых войнах, особенно в осаде Генуи. До них в армиях было по несколько бойцов (две-три сотни) легкой кавалерии, которым поручали главным образом разведку.

Пехота

Что касается пехоты, то Карл VIII и Людовик XII не прекращали нанимать солдат, либо в Германии, либо прежде всего в Швейцарии, до 1508 г.; тех и других часто путали, называя «немцами» или «ландскнехтами». Но нанимали и французов: в 1494 г. набрали пикардийцев, нормандцев, гасконцев и жителей Дофине, числом до восьми тысяч. Людовик XII в 1508 г. даже попытается, как мы увидим, организовать чисто национальную пехоту.

Командиры армии

Верховное командование армии по традиции причиталось коннетаблю Франции. Но должность коннетабля с 1488 по 1515 г. оставалась вакантной; только в 1515 г. ее займет Шарль де Бурбон. Войсками, которые Карл VIII и Людовик XII сопровождали в Италию, они руководили сами или же выбирали заместителей, то одного, то двух:

эту функцию выполняли Ла Тремуй, Тривульцио, д'Обиньи. Должность командующего арбалетчиками при Карле VIII и Людовике XII не была занята; впрочем, она сделалась очень второстепенной. Напротив, артиллерия, новое оружие, унаследовавшее старое название¹⁷, приобрело значимость¹⁸.

Артиллерия

В армии Карла VIII и в армиях Людовика XII, действовавших против Милана и против Неаполя, артиллерия занимала определенное место. О ней известны довольно точные подробности приме-

¹⁷ Словом «artillerie» первоначально назывались боевые машины, такие как баллисты и катапульты (*прим. пер.*).

¹⁸ Подсчитать численность армий, переправившихся в Италию, очень трудно. Делаборд оценивает их в походе 1494 г. в 30 500 человек (16 500 всадников, 14 000 пехотинцев), исходя из того, что во французском копье было шесть человек, а в итальянском — четыре. Морская армия (без учета экипажей) якобы насчитывала 10 400 человек. Пелисье (*Pélissier L.-G. Louis XII et Ludovic Sforza. Paris: Fontemoing, 1896*) указывает почти то же количество, говоря об армии, которая в 1499 г. завоевала Миланскую область: 12 500 всадников, 17 000 пехотинцев (копье — шесть человек). Сейсель приводит цифры, позволяющие оценить в 30 000 также общую численность войск, участвовавших в сражении при Аньяделло (14 000 всадников, 16 000 пехотинцев). Наконец, при Мариньяно у Франциска I было 39 000 человек — 9000 всадников, 30 000 пехотинцев (но здесь мы оцениваем копье в одного тяжелого кавалериста и двух лучников).

нительно к армии, которая в 1507 г. должна была атаковать Геную. Жан д'Отон упоминает прежде всего командующего артиллерией – Поля де Бенсерада, потом военного контролера, казначея, прево и четырех комиссаров. От самих этих служащих, как говорит он, он и получил в письменной форме очень подробные сведения. Насчитывалось шесть больших пушек-серпентин, четыре побочных кулеврины, девять средних, восемь фоконов, пятьдесят аркебуз с крюком и на сошке. Боеприпасы подвозило пятьдесят тележек. Для перевозки требовалось четыреста шесть лошадей; орудия обслуживало пятьдесят канониров; в осадах участвовали двести минеров под командованием капитана. В армии при Аньяделло было две пушки, две больших кулеврины, четыре средних и двенадцать фоконов в авангарде и десять артиллерийских орудий (неуточненных) в составе главных сил.

Вооружение

Тяжелый кавалерист и, несомненно, конный лучник носили полный железный доспех, шлем, кирасу, наручи, налядвенники, железные башмаки и перчатки. Этот защитный доспех достиг совершенства к тому времени, когда из-за появления артиллерии начал терять смысл. Коммин рассказывает, говоря о Форново, что слуги из французской армии напали на итальянцев, которые выпали из седел, потерпев поражение в бою; у слуг были топоры для рубки дров, которыми они разбивали забрала шлемов, нанося сильные удары, «ибо иначе убить кавалериста было очень трудно, настолько шлемы были прочными, и я

не видел, чтобы кого-либо из них убили иначе, как только втроем или вчетвером»¹⁹. Что касается наступательного вооружения, его составляли «толстое и весьма длинное» копьё, меч, эсток, булава.

Легкие кавалеристы носили латный воротник (*haussecol*), аллекрет (*hallecret*, легкую кирасу) с набедренниками до колена, железные перчатки, нижние наручи, салат (шлем) с забралом или без забрала и были вооружены копьем, широким мечом, булавой. Пехотинцы носили салат, «жак» — нечто вроде сильно подбитого кафтана до колен, бригантину (куртку, покрытую железными пластинками), рондель (маленький круглый щит). В сражении они использовали лук, арбалет, несколько позже — аркебузу либо были вооружены длинной рогатиной, носившей название веж (*vaige*) или гизарма (*guisarme*).

Тяжелый кавалерист

Но решающей силой в любом военном действии, погоне, стычке, сражении, даже в осаде города, даже в штурме стен по-прежнему оставался тяжелый кавалерист, «жандарм». Итальянские войны выявили огромную диспропорцию между эффективностью пехотинца и всадника. Ведь кавалерия была дворянским родом войск, а дворянин по-прежнему, как и в Средние века, получал серьезное военное образование. Он с детства упражнялся в беге, прыжках, метании камней, стрельбе из лука. Ла Тремуи, как позже

¹⁹ *Филипп де Коммин*. Мемуары / пер. Ю. П. Малинина. М.: Наука, 1987. С. 334.

Франциск I, привык бороться с другими дворянскими детьми своего возраста; они объединялись «в сборища и ватаги в форме боевых отрядов и нападали в полях на маленькие хижины, словно бы осаждая города». Потом наступала пора обращения к «оружию» как таковому, то есть правильного военного обучения: фехтование, обращение с копьем, мечом, верховая езда и т. д. и очень рано — конные поединки. Это была не только изысканная имитация войны — такая игра была очень жесткой, судя по расходным счетам: копыа заказывались по четыре, шесть, семь дюжин в расчете на то, что большое количество будет сломано. Пеший бой часто предполагал семь ударов копьем, одиннадцать — мечом, пятнадцать — секирой. Оливье де Ла Марш утверждает, что один турнирный боец «получил шестьдесят один удар секирой», другой — все семьдесят пять и после этого достижения «выглядел столь же свежим, как тогда, когда ему закрывали забрало... и его дыхание почти не сбилось».

Большое разнообразие оружия и способов его применения придавало особое проворство телу, глазу, руке. Из дипломов учителей боевого искусства (а последних становилось все больше) видно, что практиковали бои с применением одиннадцати видов оружия.

Воспитание дворянина

Юные дворяне получали и нравственное воспитание. С тех пор как сын дворянина начинал понимать, что говорят вокруг него, он только и слышал что о боях, героических поступках; кроме того, он знал, что свою карьеру будет строить

с помощью оружия, что именно оно принесет ему честь и удачу. Франсуа Рабле, столь хорошо выражавший ощущения людей своего времени, не преминул выразить и это: «Впоследствии же, когда ты станешь зрелым мужем, — пишет Гаргантюа Пантагрюэлю, — тебе придется прервать свои спокойные и мирные занятия и научиться ездить верхом и владеть оружием, дабы защищать мой дом и оказывать всемерную помощь нашим друзьям, в случае если на них нападут злодеи»²⁰. Гаргантюа говорит как король или независимый феодальный сеньор, который, должно быть, имеет земли, подданных или союзников, подлежащих защите. Те же заботы были у простых сеньоров; впрочем, профессию воина все воспринимали как почетную *par excellence*. Когда отец Байярда спрашивает у сыновей об их планах, он смиряется, не без иронии, с тем, что старшие мечтают посвятить себя церкви или охранять отчий дом, но его сердце радуется, когда младший объявляет, что его призвание — военное. Этот анекдот, даже если он выдуман, отражает то, что думали люди, окружающие «Верного Слугу», который пересказал его.

Подготовленный таким образом молодой дворянин, едва заслышав бряцание оружия, добровольно уходил на войну, чтобы показать себя. Ведь война — это «ремесло, занимаясь которым, обретаешь и приумножаешь славу». В шестнадцать лет будущего маршала Блеза де Монлюка охватило «страстное желание ехать в Италию»,

²⁰ Цит. по: *Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль* / пер. Н. Любимова. М.: Правда, 1981. С. 140.

когда он «прослышал о прекрасных подвигах, какие там были обычным делом», отец дал ему немного денег и коня, и он отправился в путь, «положившись на удачу в надежде на богатства и почести, какие... должен был обрести».

Пушечный порох

Какой во всем этом была роль пушечного пороха? Несмотря на прогресс в развитии артиллерии, особенно при Карле VII, порох во время Итальянских войн обычно воспринимали как боевое средство второстепенной важности. Его применяли для нападения на крепости и для их обороны, им пользовались на военном флоте. Людовик XII, испанцы, итальянцы позаботились о том, чтобы обзавестись довольно многочисленной артиллерией. Однако в большинстве правильных сражений, кроме боя под Равенной, пушки не сыграли решающей роли. Дело в том, что они еще были тяжелыми, двигать их было трудно, обслуживали их очень медленно. Что позже произведет революцию в тактике, так это более легкое оружие — мушкет, а до него аркебуза; но если аркебуза и была уже известна, удобным оружием она пока не стала, и фактически использовали ее редко. В армиях Карла VIII и Людовика XII она почти не упоминалась. Даже позже, говоря о событиях 1523 г., Монлюк писал в своих «Комментариях»: «А ведь надо отметить, что в отряде (пехоты), каким командовал я, были одни арбалетчики, поскольку в то время среди нашего народа аркебузировавшие еще не было». Жоашен Дю Белле датирует первое настоящее применение аркебуз во французской армии 1521 годом. Тем не менее,

артиллерия, пусть и не оказывая решающего влияния на судьбу боев, наносила ущерб противнику.

Долгое время военные только и знали, что проклинать ее. Монлюк восклицает: «Дал бы Бог, чтобы этот злосчастный инструмент никогда не изобрели, я не носил бы отметин от него... и столько храбрых и доблестных мужей не погибло бы чаще всего от рук [людей] трусливейших и подлейших, которые бы не посмели посмотреть в лицо тому, кого издалека повергли наземь своими злосчастными пулями. Но это ухищрения дьявола, рассчитанные на то, чтобы мы перебили друг друга». Так в XVI в. говорили все, и почти никто еще не понимал, что артиллерия может иметь тактическое применение. Пьер де Брантом позже напишет (говоря о битве при Павии 1525 г.): «Оный маркиз Пескайре [Пескара] выиграл эту битву со своими испанскими аркебузирами вопреки всякому военному устройству и распорядку сражений, но за счет настоящей неразберихи и хаоса»²¹.

Таким образом, Итальянские войны еще были во многом средневековыми. Французский, итальянский, немецкий или испанский тяжелый кавалерист, швейцарский пехотинец — вот бойцы, от которых зависела победа.

²¹ *Pélissier L.-G.* Sur quelques épisodes de l'expédition de Charles VIII en Italie // *Revue historique*. 1900 (72). P. 291–313; *L'expédition de Charles VIII en Italie: histoire diplomatique et militaire* / ouvrage publié par H.-F. Delaborde. Paris: Firmin-Didot, 1888.

Союзники и противники Франции

Поход, который так давно ожидался, который несколько раз откладывался, который предсказывали и стремились предотвратить противники и друзья Франции, наконец состоялся. Предполагось пересечь Италию с севера на юг, чтобы завоевать Неаполитанское королевство.

Союзниками, более или менее надежными, Карл VIII уверенно считал Лодовико Моро, герцога Савойского, маркиза Монферратского. Пьеро II Медичи и папа Александр VI объявили себя его противниками, но предпринимать враждебные действия были не готовы. Кроме того, король Неаполя, готовясь обороняться у себя в королевстве, послал сухопутную и морскую армии в Генуэзский залив. Но Карл VIII (как мы уже говорили) препоручил авангард герцогу Орлеанскому, который в июне ввел в Геную, по согласованию с Лодовико, гарнизон из швейцарских и ломбардских войск. Неаполитанские войска были отброшены от Генуи и в сентябре разбиты при Рапалло.

Вступление в Италию

Тем временем основная французская армия пересекла Альпы через перевал Монженевр; 9 сентября 1494 г. она прибыла в Асти. Денег уже не хватало, и их ссудил маркграф Монферратский. Случился более тяжелый инцидент — заболел король Карл, и пошли разговоры о возвращении во Францию; но его упрямство преодолело все колебания. Выздоровев, король двинулся к Павии, где встретился с Лодовико и Галеаццо; там он принял жену молодого герцога, которая на

коленях умоляла его о поддержке против Лодовико, но получила лишь неопределенные обещания. Впрочем, Галеаццо вовремя умер; Лодовико провозгласил себя герцогом Миланским и заключил с Францией договор.

Король и флорентийцы

Из Павии король направился во Флоренцию. При вести об этом перепуганный Пьеро II 31 октября решился подписать с ним соглашение, и хотя флорентийцы, подстрекаемые Савонаролой, рады были бы изгнать Пьеро, деспотизм которого давно их тяготил, тем не менее, они изъявили готовность принять королевские войска. Последние прошли через Пизу, город, который с 1406 г. подчинялся флорентийцам, но использовал любую возможность сбросить их господство и который рассчитывал как раз на приход Карла VIII, чтобы выйти из-под их власти. Поэтому пизанцы восстали с криками: «Свобода! Да здравствуют французы!» Из-за этого восстания пизанцев и из-за того, что Карлу VIII приписывали опасные планы, в столице Тосканы его приняли очень недоверчиво, затаив гнев. Поэтому его советники поспешили составить импровизированный договор, который был подписан 25 ноября. Потом двинулись дальше на юг и 31 декабря были в Риме. Папа, пороки которого, выставленные на всеобщее обозрение, уже вызвали живое негодование в Европе, очень испугался — и французов, и церковного собора, который, по слухам, они «привезли». Поэтому подписать с ним договор оказалось не трудней, чем с флорентийцами. Это был третий договор после перехода через Альпы.

Они все три стоили друг друга, и, чтобы доверяться им, нужны были либо самонадеянность, либо наивность.

Карла VIII и его окружение, несомненно, вводило в заблуждение еще и то, что военная кампания имела вид триумфального шествия в чистом виде. Ее главными эпизодами были не сражения, а входы в города, когда происходили помпезные церемонии, демонстрировавшие всю пышность воинского убранства.

Вступление во Флоренцию

Во Флоренции «четыре человека, бившие двумя руками в гигантские барабаны, громадные, почти как бочки, и два дудочника предшествовали семи сержантам, шедшим в одну шеренгу и занимавшим улицу во всю ширину. Далее шли арбалетчики, пешие лучники, о появлении которых оповещал барабанный бой; швейцарцы, вооруженные протазанами, очень короткими и толстыми, как брусья; пикинеры со своими знаменосцами и флейтистами; алебардщики короля, одетые в его цвета. Эта длинная процессия пехотинцев служила авангардом по отношению к кавалерии — жандармам, сидящим верхом на могучих конях и увенчанным большими разноцветными султанами, одетым в раззолоченные налатники. Наконец, вслед за горнистами и барабанщиками ехали восемьсот ордонансных дворян, одетых в вороненые или золоченые железные латы, в шлемах с огромными плюмажами, со щитами ярких цветов; потом — пажи и лакеи в золоте и бархате, выстроившиеся в два ряда по бокам балдахина, под которым гарцевал король

верхом на своем знаменитом вороном коне *Савойе*. Поверх лат, украшенных золотом, жемчугом, драгоценными камнями, на нем были парчовый камзол и длинная мантия синего бархата. Белая шляпа с черными перьями, увенчанная короной, крепилась лентами под подбородком. Замыкали кортеж члены Большого совета, судейские и финансисты»²².

Движение армии

Почти с такой же пышностью двигались по длинным пыльным дорогам, из Флоренции в Рим или из Рима в Неаполь. Короля обычно окружала его тяжелая кавалерия, за которой следовала артиллерия и очень многочисленный обоз, где находились всевозможные работники и «множество французских куртизанок». Его видели то верхом, то в экипаже, запряженном очень красивыми конями. Реяли штандарты с французским гербом, увенчанным короной, и с девизами «*Voluntas Dei*» [Воля Божья] и «*Missus a Deo*» [Посланный от Бога]. Люди из окружения короля несли на одежде его инициалы и инициалы королевы; грохотали барабаны.

Тем не менее, время от времени сражались — были стычки с бандами авантюристов и атаки на отдельные маленькие крепости, которые пытались обороняться. Против *furia francese*²³, а также численного превосходства ничто не могло усто-

²² *L'expédition de Charles VIII en Italie: histoire diplomatique et militaire / ouvrage publié par H.-F. Delaborde. Paris: Firmin-Didot, 1888. P. 458–462.*

²³ Французской ярости (*um.*).

ять. Монте-Сан-Джованни, сильную крепость, взяли за несколько часов: «Уверяю вас, — писал Карл VIII герцогу Бурбонскому, — что видел прекраснейший в мире бой, какого никогда прежде не видел, и что атаковали столь хорошо и смело, как только возможно». Чего он не написал — это что все защитники крепости, около 900 человек, были вырезаны или сброшены со стен.

Все события, происходившие после появления французов, поражали воображение итальянцев, но не лишали их его. Они не стеснялись оценивать своих врагов. Пеший Карл VIII казался им маленьким и дурно сложенным; утверждали, что он трус. Солдат и даже дворян находили грубыми и неуклюжими, а главное — догадывались об их неопытности во всех политических делах.

Прибытие в Неаполь

Но во время этой полосы удач, какая иногда сопровождает начало рискованных партий, пришла весть об отречении Альфонса в пользу его сына Фердинанда II; эта смена монарха под огнем противника парализовала всю оборону. Марш на Неаполь продолжался в самом энергичном темпе. 11 февраля вошли в Сан-Джермано, 18 февраля — в Капую, 22 февраля — в Неаполь. С тех пор как ступили на почву Италии, прошло без малого пять месяцев. Современники и историки находили, что эта кампания велась с исключительной быстротой. Однако, поскольку итальянские государства пропускали Карла VIII, пройти Италию (не завоевать ее) за пять месяцев значило двигаться с большими задержками. Обратный путь займет меньше времени.

Французская оккупация

Прийти было недостаточно, следовало обосноваться. Тут начались трудности. Военные препятствия преодолели легко: Кастель-Нуово, Замок Яйца, Гаэта, Таранто, Галлиполи были взяты в течение марта. Но удерживать неаполитанский край с его могущественными феодалами и беспокойной чернью, склонной к мятежам (особенно в Неаполе), было непросто. Начали с уступок — подтвердили «капитоли», то есть привилегии Неаполя, включая сохранение рабства «для белых и черных», ведь в Италии еще были рабы. Но вскоре принялись присваивать все, что можно было захватить. «Им [неаполитанцам] не оставили ни одной ни должности, ни службы... Все службы и должности были отданы французам»²⁴, — если в этих словах Коммина и есть преувеличение, то небольшое.

Раздел добычи

«Раздачу» начали с Этьена де Веска: он получил графства Авеллино и Альтрипальду, герцогства Асколи и Нолу. Он занимал должности главного камергера, суперинтенданта королевства, председателя Счетной палаты. Представители рода Колонна, римские дворяне, союзные Франции, получили более тридцати фьефов; не обошли при разделе даже королевских слуг. Очень популярным занятием было заключение браков: Карл VIII женил сира де Линьи на герцогине Альтамурской, владевшей частью Апулии. Королев-

²⁴ Филипп де Коммин. Мемуары / пер. Ю. П. Малинина. М.: Наука, 1987. С. 303.

ская канцелярия, некоторые служащие которой прибыли в Неаполь вместе с королем, тщетно пыталась умирить эту горячку. То, что многие французы спешили перепродать недавно приобретенное, показывая тем самым, что пришли только нажиться и уйти обратно, придавало завоеванию вид коммерческого предприятия. В общем, положение и состояния отдельных лиц повсюду стремительно менялись. К этому впечатлению добавлялись наглость победителей, совсем как двумя веками раньше, и их распущенность: «Французы — люди трусливые, грязные и распутные»; «Французы — очень разнузданное племя», — писали итальянские хронисты, исполненные ненависти.

Забытый крестовый поход

Однако чем занимался Карл VIII? Он поселился в Неаполе и считал свое положение прочным; он предоставлял окружающим свободу действий, посещал дворцы, парки, думал лишь о церемониях. Он «рассуждал о своих чепраках и нарядах для въезда и торжественной инвеституры». Что касается крестового похода — то ли цели экспедиции, то ли повода для нее, — то о нем, похоже, никто уже и не помышлял. Хотя епископ Гуркский, посол Максимилиана, специально приехал из Рима в Неаполь, чтобы поддержать в этом короля, тот уже почти не говорил о выступлении на Константинополь. Но, правду сказать, разве эти константинопольские прожекты когда-нибудь были чем-то иным, кроме как предлогом для завоевания Неаполя или игрой воображения?

Венецианская лига (март 1495)

Вот как «повернулись события» в Италии. Максимилиан и Фердинанд Испанский вступили в переговоры с Венецией. Лодовико вышел из союза с Францией, чтобы взять на себя роль поборника итальянской независимости; он обратился к Венецианской республике и заговорил о европейской интервенции. Коммин, который был в Венеции послом Франции и доводил до де Веска слухи о создании Лиги, тем не менее оказался отчасти обманут: он принял предложения о соглашении, выдвинутые с единственной целью — «говорить одно и делать другое». Договор о создании Лиги был подписан 25 марта 1495 г. на двадцать пять лет. В ее состав вошли папа, Венеция, герцог Миланский, Максимилиан, Фердинанд и Изабелла — монархи, которые были чужестранцами для Апеннинского полуострова, брали на себя обязательства лишь в отношении своих итальянских владений. 1 апреля о ее создании известили Коммина, особо отметив ее чисто оборонительный характер и слова «сохранение мира», записанные в договоре. Но радость, проявившаяся в Венеции, и антифранцузские волнения, вспыхнувшие в Риме, показали весь масштаб только что совершившегося события. Фактически иностранные монархи и итальянские государства объединились для защиты независимости Италии от Карла VIII. «Это первая из коалиций против Франции»; «Это уже Священная лига», — писали современники. Подобных преувеличений довольно, чтобы судить о политике, приведшей к таким результатам.

В последующих эпизодах выявилась вся наивность французов. Сеньор де Веск сумел только вспылить, узнав о создании коалиции. Карл VIII рассуждал как ребенок: «Какой позор, ведь я всегда говорил вам всё!»; «Какие плохие люди эти ломбардцы, и прежде всего папа!» — восклицал он.

Во Франции давно чувствовали угрозу и проявляли беспокойство или недовольство. Дю Бушаж, один из советников короля, оставшийся по эту сторону гор, писал, что страна больше не хочет давать денег. Максимилиан уже начал вооружаться. Сообщение об этом содержалось в официальном письме от 26 февраля 1495 г., которое король послал жителям Труа.

Торжественное вступление в Неаполь

Тем не менее 12 мая состоялось его торжественное вступление в Неаполь, включавшее большой церемониал. Король появился там «одетым в императорское облачение, в шарлаховую мантию с большим отложным воротником, подбитую чистым горностаем с хвостиками, держа круглое и орбикулярное золотое яблоко в правой руке, а в левой — свой большой императорский скипетр, в большой золотой короне на императорский манер, отделанной множеством драгоценных камней, храбро изображая тем самым императора Константинопольского, в каковые произвел его папа, и весь народ в один голос приветствовал его криками “августейший император”... Прекрасные и знатные дамы страны яв-

лялись на главных улицах и площадях и, проходя по ним, представляли королю своих юных детей». Потом король направился в собор, где на главном алтаре находилась «глава» святого Януария. На следующий день он устроил пир, где присутствовали знатные сеньоры королевства, которые по завершении трапезы принесли ему присягу на верность «с прекрасными изъявлениями таковой». 20 мая Карл VIII покинул город, оставив вице-королем герцога де Монпансье.

Отступление к северу

Надо было спешить, если хочешь вернуться во Францию. 6 апреля Лодовико начал вооруженную борьбу с Людовиком Орлеанским, который, рассчитывая предъявить претензии на Миланскую область, оставался с войсками в Северной Италии и очень беспокоил герцога. Людовик даже сумел захватить Новару. Но в то же время за оружие взялись венецианцы, как и соседние князья. Довольно сильную армию возглавил маркграф Мантуанский Франческо Гонзага, генералиссимус Лиги. 1 июня Карл VIII вернулся в Рим, потратив десять дней на дорогу, на которую несколько месяцев назад ему понадобилось тридцать; 13 июня он вошел в Сиену (тринадцать дней перехода вместо двадцати). Обойдя Флоренцию, хоть она и не объявляла себя противницей Франции, прошли через Пизу. Оттуда вышли 23 июня. Тут начались настоящие трудности отступления.

Переход через Апеннины

Удалившись из Пизы на север, вышли в очень труднопроходимую местность: слева — море, справа — отроги Апеннин, почти отвесно спускающиеся в Средиземное море. От маленького бурга Виареджо до Сарцаны дорога тянулась вдоль берега, и над ней нависали плато, ошетилившиеся замками (которые отчасти сохранились) или городками: Пьетрасанта, Монтиньозо с башнями, старинный квадратный замок Сарцанелло. Еще северней прохода либо не было вообще, либо он был труднопроходимым. Другая дорога шла из Сарцаны в Парму через перевал Понтремоли. Но апеннинские перевалы, даже невысокие, — это сплошь отвесные стены, жаркие пески, непроходимые леса; все это в сочетании с июльским зноем, казалось, должно было остановить армию. Кроме того, входить в эти опасные ущелья надо было почти на виду у врагов, которые стояли лагерем на восточном склоне с 15 тыс. кавалеристов и 24 тыс. пехотинцев²⁵. Гонзага, командовавший ими, 25 июня прибыл в Понте-Таро; там с ним уже соединился венецианский кондотьер Каяццо. Взятие Понтремоли маршалом де Жье смутило войска коалиции и позволило французам пересечь перевал — не без трудностей, особенно для артиллерии.

Сражение при Форново (июль 1495 г.)

5 июля французская армия вступила в Форново, откуда двинулась прямо на противника. Нет ничего более запутанного, чем рассказы о сраже-

²⁵ По свидетельству Бурхарда в «Diarium».

ниях, кроме, может быть, самих сражений. Переговоры еще продолжались, когда битва уже началась. Карл VIII вел себя там как храбрый рыцарь. Надо отметить два основных факта: главные силы французов потеснили венецианцев; отряды маркграфа Гонзага совершили обходное движение и разграбили французские обозы, так что победу могли приписать себе обе стороны. Маркграф возвел капеллу «делла Санта Виттория» [Санта-Мария-делла-Виттория] и поместил туда картину Мантеньи, на которой он стоит на коленях перед Святой Девой, совершая благодарственный молебен²⁶. Расчеты итальянских историков, которые оценили битву как «durissima»²⁷ и насчитали три тысячи убитыми (треть со стороны французов, две трети со стороны союзных войск), отдают преимущество Карлу VIII: в конечном счете он получил то, чего хотел, — возможность пройти. Но союзники не были разгромлены, раз начали преследование французского короля, который довольно скоро свернул лагерь, чтобы прибыть 15 июля в Асти. С тех пор как король покинул Неаполь, прошло шестьдесят дней; отступление продлилось на три месяца меньше, чем наступательный марш.

Возвращение во Францию (октябрь)

Ситуация оставалась очень сложной. Казалось, Лига готова действовать. Максимилиан на Вормском рейхстаге, созванном в июне, обратился

²⁶ Ныне в музее Лувра (№ 1374).

²⁷ Тяжелейшую (*um.*)

с призывом к государствам, враждебным к Франции, и послал в Милан армию в десять тысяч человек; на границе по Пиренеям собирались испанские войска; Лодовико осадил герцога Орлеанского в Новаре при поддержке маркграфа Гонзага. Французская армия почти два месяца пребывала между Турином и Къери, ожидая подкреплений, которые так и не пришли. В Королевском совете, по-прежнему глубоко расколотом, царил разброд: Жье и Коммин были за мир, Бриссонне — против. Порой споры грозили перерасти в драку. Тем не менее, 26 августа договорились с Флоренцией, но на условии, которое невозможно было выполнить, — возвращения флорентийцам Пизы. 16 сентября подписали перемирие, а 9 октября — мир с Лодовико, возвратив ему Новару. 15 октября Карл VIII возобновил обратный путь во Францию.

Потеря Неаполя (1495–1497 гг.)

Тем временем Неаполитанское королевство было почти полностью потеряно, несмотря на победу д'Обиньи при Семинаре 28 июня. В Неаполе вспыхнуло восстание, и 7 июля туда вернулся Фердинанд II. Французов, которых заставляли на улицах врасплох, убивали; Веск едва успел укрыться в Кастель-Нуово. Что касается провинций, король-победитель их без труда возвратил себе. Монпансье пытался защищаться с десятью тысячами солдат, которые у него остались; он послал Веска во Францию, прося во что бы то ни стало прислать подкрепления. Но 20 июля 1496 г. он капитулировал в Ателле; 19 ноября свои ворота открыла Гаэта. 25 февраля 1497 г. сдался Та-

ранто, и в тот же день было подписано временное перемирие, распространявшееся на все королевство²⁸. Настоящими победителями были венецианцы, получившие от Фердинанда порты Апулии в вознаграждение за их дипломатические действия против Карла.

Неудача Максимилиана в Италии (1496 г.)

В Италии все успокоилось, но не сразу, хотя Максимилиан попытался было выполнить задачи Венецианской лиги. Он в 1496 г. созвал в Линдау рейхстаг, призвал там империю оказать помощь против Франции, «создающей в Италии угрозу», а потом, так как немецкие князья остались равнодушны, снарядил за свой счет экспедицию, которая потерпела жалкую неудачу. Он некоторое время бродил по Северной Италии и в конце года вернулся в Германию.

Трудности во Франции

Во Франции внешние события сказались на финансовом положении. 6 марта 1496 г. издали указ, «чтобы оплатить расходы на войну», о принудительном займе с основных городов королевства. С Парижа потребовали 30 тыс. экю, с Труа и Амьена — по 3 тыс., с Бове и т. п. — по тысяче. Король 30 мая написал жителям Труа, чтобы они передали деньги в руки Понше, одного из казначеев; он писал о делах, «столь срочных, что более невозможно ждать»; он обещал вернуть заем

²⁸ Фердинанд 6 октября 1496 г. умер; ему наследовал племянник [дядя] Федерико.

за счет финансов Неаполитанского королевства; но это поручительство становилось недействительным уже в тот самый момент, когда давалось. Потом узнали, что к Лиге присоединилась Англия и о браке испанской инфанты Хуаны с австрийским эрцгерцогом Филиппом Красивым, браке, который мог оказаться опасным для Франции. Гравиль советовал снарядить флот, чтобы перекрыть Филиппу доступ из Фландрии в Испанию. К нему не прислушались и, напротив, 15 февраля 1497 г. подписали временное перемирие с Фердинандом Арагонским, превратившееся 25 апреля в перемирие на пять месяцев, которое члены Венецианской лиги по настоянию Испании обещали соблюдать.

Союз Франции и Испании (ноябрь 1497 г.)

В этот самый момент случился один из тех странных поворотов, какие до конца спектакля будут происходить в ходе Итальянских войн: державы, сражавшиеся в Италии против Франции, вступили с ней в переговоры: их предметом стал Апеннинский полуостров, который жаждала заполучить каждая из враждующих сторон. Карл VIII воспрянул духом: 25 ноября 1497 г. он подписал в Алькала-де-Энарес договор об оборонительном и наступательном союзе с Испанией, сопровождавшийся планом раздела Италии. Он рассчитывал также на Максимилиана и Александра VI. В январе 1498 г. он поддержал флорентийцев в их намерениях: он хотел начать поход до Иванова дня!

Смерть Карла VIII

Его смерть пресекла эти замыслы или по меньшей мере приостановила их выполнение, так как договор в Алькала стал прелюдией к политике Людовика XII. Карл VIII скончался в результате несчастного случая 8 апреля 1498 г. Эту инфантильную жизнь, направляемую случайностью, случайность и завершила.

Италия после освобождения

Некоторые события, случившиеся за Альпами, имели для мировой истории совсем другое значение, чем поход или замыслы Карла VIII. В Риме и во Флоренции боролись с проблемами, возникшими в христианской церкви.

Александр VI в Риме

Александр VI отличался сложным характером. Он был прежде всего человеком чувственным и страстным. Даже лицемерие никогда не могло заставить его сдерживать свои прихоти. Неожиданные порывы, постоянно возбужденный, беспокойный ум, крайности в проявлениях смелости и трусости, ненасытная алчность, удовольствие, почти варварское, от подсчета своего золота — этот человек заведомо не был создан для далеко идущих замыслов и взвешенных суждений. Его единственной целью было хорошо жить и избегать всего, что могло нарушить привычный для него образ жизни. Разумеется, не было речи ни о какой вере и ни о каких угрызениях совести по поводу чего угодно. «Александр VI всю жизнь изощрялся в обманах, — пишет Макиавелли, — но

каждый раз находились люди, готовые ему верить. Во всем свете не было человека, который бы так клятвенно уверял, так убедительно обещал и так мало заботился о выполнении своих обещаний»²⁹. Другой современник, посол Капелло, в 1500 г. писал: «Папе семьдесят лет; он с каждым днем молодеет; его заботы длятся всего одну ночь; он обладает веселым нравом и делает только то, что ему угодно. Его единственное желание — сделать своих детей могущественными. Все остальное ему безразлично». Действительно, кроме себя самого, он любил только своих детей, но прежде всего его подчинил себе, почти запугав, второй сын — Чезаре Борджиа.

Чезаре Борджиа

Поход Карла VIII не подорвал материального могущества папства, и Александр VI намеревался основать в Папском государстве суверенную династию. Прежде всего, он вступил в борьбу с семьей Орсини, но окончательно так и не сокрушил этот грозный дом, хоть и хвалился, что «его руки красны от крови Орсини». Потом на сцену вышел Чезаре Борджиа. В июне 1497 г. исчез старший сын папы, Джованни Гандийский; после долгих поисков его тело нашли в Тибре; Чезаре попал под сильное подозрение в братоубийстве. Через некоторое время он отказался от кардинальского сана и тем самым получил возможность сыграть, при помощи папы и соуча-

²⁹ Цит. по: *Макиавелли Н. Государь* / пер. Г. Муравьевой // *Макиавелли Н. Малое собрание сочинений*. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 77.

стии Франции, роль кондотьера высокого полета. Так он едва не стал властителем Центральной Италии.

Савонарола во Флоренции

Что касается Флоренции, то после ухода французов она оказалась предоставлена самой себе, и все долго подавлявшиеся чувства горожан вырвались наружу. Еще во время экспедиции Карла VIII было учреждено, возможно, самое демократичное устройство, какое только могла допустить Флоренция. Савонарола, его инициатор, хотел большего: всеобщей реформы церкви, а для начала — низложения Александра VI, папы-симоныяка и клятвопреступника. Он настойчиво писал в посланиях Карлу VIII, Максимилиану, государям Европы: «Клянусь вам именем Господа, что этот Александр — лже-папа!» В ответ он получал лишь равнодушные отписки.

В самой Флоренции суровость его доктрины, непримиримость его веры, строгий надзор за нравами, какой он ввел, вызывали у многих недовольство, которое усердно поддерживали сторонники изгнанного Пьеро Медичи. Вскоре его внешние и внутренние противники вступили в союз. В мае 1497 г. папа рискнул его отлучить. Савонарола, вынужденный обороняться от флорентийской Синьории и от народа, ворвавшегося в монастырь Сан-Марко, где он укрывался, в конечном счете сдался. 13 мая 1498 г. его подвергли пытке, а его сочинения развеяли по ветру. Когда кардинал объявил приговор, отлучавший его от «торжествующей и воинствующей церкви», Савонарола нашел ответ: «От воинствующей церкви —

да, — воскликнул он. — От торжествующей — нет!» Действительно, что ни говори, его идеи церковной реформы отчасти восторжествовали в XVI в., как в католичестве, так и в протестантизме. Но, главное, в нем воплотился демократический христианский дух итальянского или, скорей, флорентийского XV века.

После его смерти в Италии освободилось место как для светского папства, так и для любых иностранцев.

Глава II

Миланские и неаполитанские дела и брачная политика

I. Людовик XII, Анна, Жорж Амбуазский. — II. Завоевание Милана. — III. Попытка крестового похода. — IV. Завоевание и потеря Неаполя. — V. Попытка устроить франко-австрийский брак. — VI. Договоры в Блуа. — VII. Расторжение франко-австрийского брака. — VIII. Восстание в Генуе и встреча в Савоне

I. Людовик XII, Анна, Жорж Амбуазский

Людовик XII

Карл VIII не оставил детей. Ему без затруднений наследовал Людовик Орлеанский, его ближайший родственник; он за несколько часов (за свой счет, говорят его панегиристы) организовал похороны предшественника, и началось новое правление.

Людовик XII — один из королей, которых представляют себе старыми. Он довольно скоро состарился после того, как пришел к власти. Но начал он править в молодости, и даже довольно бурной. Это надо знать, чтобы понимать некоторые особенности его царствования, контрастирующие с его общеизвестной репутацией мудрого Нестора. В 1498 г. ему шел тридцать шестой год. Его портрет, какой мы видим на некоторых официальных изображениях или довольно многочисленных миниатюрах, хорошо соответствует описанию автора того времени: «Голова маленькая, заостренная, лоб узкий, глаза большие и выпуклые, лицо худое, ноздри широкие, губы толстые, подбородок острый, шея тонкая и короткая, плечи узкие, руки и кисти маленькие и удлинённые, кадык выступающий, талия тонкая, грудь узкая.

Король скорей низок, чем высок». Создается впечатление, что это был человек довольно щуплый, которого молодые годы, несомненно, измотали, а годы власти ослабили дополнительно. Людовик XII часто болел и плохо переносил болезни, которые были как его личной проблемой, так и средством ведения дипломатии. Иностранные посланники все время говорят в письмах о здоровье короля. «Малейшая неприятность влечет последствия, — пишет один посол, — для столь щедедушного тела. Его ослабленное здоровье непрестанно ухудшается».

Его характер

Он обладал определенными нравственными достоинствами — умеренностью, гуманностью, кроме как на войне, где он вел себя сурово до жестокости. Если он и не произносил знаменитых слов: «Король Франции не мстит за оскорбления, нанесенные герцогу Орлеанскому», то, во всяком случае, действовал в их духе. Он заботился об общественном благе, возможно, проявлял участие к судьбе бедняков. Его второй брак (с Анной Бретонской) выглядел весьма благопристойно. Он был умней Карла VIII, хотя и обладал умом не выше среднего, а прискорбная слабость характера все портила. Он всегда находился под влиянием: в молодости — безвестных конфиден-тов, в зрелом возрасте — жены или друга, Жоржа Амбуазского. Однако в достижении своих замыслов он был очень упорным. Поэтому он мог добиваться успеха, сталкиваясь с несложными проблемами или слабыми врагами, поскольку не отвлекался от цели, какую ставил перед со-

бой. Но, определив направление движения, он никогда не умел проявлять гибкость или приспособливаться к меняющимся обстоятельствам. Он до конца своих дней оставался человеком, о котором в 1498 г. сказали: «Миланский вопрос поглотил его всецело».

Жорж Амбуазский

Жорж Амбуазский, более известный как кардинал Амбуазский, пришел к власти вместе с новым королем, для которого был другом, наперсником, слугой. В последние годы царствования Карла VIII он отошел в сторону, но не прекращал следить за судьбой Людовика, которую не отделял от своей. В 1498 г. ему было 38 лет, и он уже занимал кафедру архиепископа Руанского — одну из самых значимых во Франции. Этот человек и по сей день остается темной лошадкой. Известно, что он играл важную роль в царствование Людовика XII, но в чем именно состояла эта роль? Надо ли видеть в нем человека, фактически исполняющего роль премьер-министра? Или же его следует рассматривать только как очень уважаемого советчика?

С 1498 г. все послы упоминали его как одну из влиятельных фигур, и он принимал участие во всех делах. Но таким считали не его одного: наряду с ним называли таких людей, как герцог Немурский, Линьи, Стюарт д'Обиньи, канцлер Рошфор; Немур, в частности, пребывал в большом фаворе по 1503 г. Говорили, что «архиепископ Руанский и светлейший герцог Немурский — главные руководители любого предприятия короля».

Следовало считаться и с маршалом де Жье вплоть до его драматичной опалы в 1504 г.

Однако Жорж Амбуазский, похоже, всегда приходился королю по сердцу. Он сделался для Людовика настолько близок, что иногда мирил королевскую чету после ссор, вразумлял королеву Анну, имевшую горячий нрав, успокаивал ее мужа, довольно злопамятного. Такое положение посредника между супругами хоть и требовало большой искусности, но давало и некоторые преимущества — делало Жоржа Амбуазского необходимым, если ему удавалось не надоесть.

Семья Амбуаз

К тому же его могущество, как часто бывает, росло само по себе. В 1498 г. он получил кардинальскую шапку, позже — титул легата во Франции. Потом вокруг него собралось и его многочисленное семейство. Добиваясь должностей для родственников, он приобретал новые рычаги влияния или союзников. Своего племянника Шомона Амбуазского он сделал кем-то вроде военного советника. Он контролировал церковь с помощью братьев — Людовика, епископа Альби, Пьера, епископа Пуатье, Жака, епископа Клермонского и аббата Кюни. «Верный Слуга» отмечает, что он «наделил большими богатствами всех, кто происходил из его рода, как в церкви, так и за ее пределами». Он добавляет, что сам Жорж «не хотел иметь более одного бенефиция». Жорж Амбуазский в полной мере сохранял королевскую милость до самой смерти в 1510 г.

Развод Людовика XII

Едва взождая на престол, Людовик XII приступил к осуществлению двух замыслов, какие давно вынашивал, — расторгнуть брак с Жанной Французской, чтобы жениться на Анне Бретонской, и завоевать Миланскую область; неизвестно, что из этого он принимал ближе к сердцу.

Несчастливая королева, дочь Людовика XI, обладала всеми добродетелями (церковь причислила ее к лику блаженных), но отличалась исключительным уродством, судя по посмертной маске. Людовик женился на ней вопреки своему желанию, в 1476 г., когда Орлеанский дом был полностью подчинен воле Людовика XI. Рассмотрение дела о расторжении брака или, лучше сказать, о его аннулировании началось в августе 1498 г., и вели его церковные судьи и два делегата от папы³⁰.

Процесс

Сослались на четыре основания для аннулирования брака: 1) Жанна Французская и Людовик были родственниками в степени, в которой вступать в брак запрещено; 2) Людовик XI был крестным отцом Людовика XII, что по каноническому праву приравнивалось к биологическому

³⁰ *Procédures politiques du règne de Louis XII* / publ. par M. de Maulde. Paris: Impr. nationale, 1885 [Collection de documents inédits sur l'histoire de France. Ire série, Histoire.]; *Maulde La Clavière R. de. Jeanne de France, duchesse d'Orléans et de Berry (1464–1505)*. Paris: H. Champion, 1883; *Maulde La Clavière R. de. Alexandre VI et le divorce de Louis XII // Bibliothèque de l'Ecole des chartes*. 1896 (57). P. 197–204.

отцовству; 3) брак был заключен по принуждению; 4) он так и не был осуществлен. Оба первых довода отпадали, потому что церковь легко вступала в сделку по этим пунктам, третий – тоже, потому что после смерти Людовика XI герцог не высказал протеста. Оставался четвертый, и считают, что он еще более усиливал скандальность процесса, бросавшего тень на память о короле и на достоинство всей королевской династии. Процесс показательно провели в соответствии с законами того времени, что только подчеркивает лицемерие организаторов. Ведь никто не обманывался: это дело король проиграл бы, не будь предварительной договоренности. В этом гигантском нагромождении расследований, контррасследований, допросов, ответов, заполнившем огромный том, одна только королева вела себя достойно. Ее подвергали всевозможным расспросам, настоящим моральным пыткам; она отвечала с восхитительной простотой и хладнокровием. Ей говорили, что она уродлива, она кротко признавала, что «знает, что не так красива и не так хорошо сложена, как многие другие женщины». На непристойные вопросы об отношениях с мужем, о бесплодии, какое ей приписывали, она отвечала с той же учтивой простотой³¹.

Когда ей предложили подвергнуться медицинскому освидетельствованию, она изъявила «готовность сделать то, что обязана сделать по предписанию церкви». Почему она в конечном счете заявила, что полагается во всем на клятву

³¹ Подробности расследований и допросов см. «Procédures politiques du règne de Louis XII».

короля? Она надеялась, что он не рискнет пойти на клятвопреступление? Или устала отбиваться от низостей? Людовик XII явно предпочел бы избежать этой крайности. Но папа, от которого зависело аннулирование брака, затягивал дело и откладывал приговор. 5 декабря король решил-ся дать клятву, которая влекла за собой аннулирование брака и включала не менее 55 статей; некоторые утверждения вынудили его сыграть довольно скверную роль.

Общественное мнение во Франции

Память о бедной королеве Жанне и ощущение, что совершена несправедливость, сохранялись долго. «Верный Слуга» через двадцать пять лет писал: «Папа отрядил судей, которые вели да вели процесс и наконец присудили, что она ему не жена... Хорошо это было сделано или дурно, одному Богу ведомо». Можно догадаться, что он подозревал: Бог знает, как к этому относиться.

Союз с Александром VI

В деле о разводе папа, ведя, как всегда, довольно двусмысленную игру, тем не менее, оказал королю добрые услуги. Ведь он очень нуждался в Людовике XII. Он был занят устройством браков своей дочери Лукреции и сына Чезаре; он не считал свое положение прочным, даже в самом Риме. Поэтому папа поспешил отправить во Францию посольство, чтобы поздравить Людовика XII со вступлением на трон, и после некоторых колебаний в августе заключили соглашение о намерениях между Францией и Святым

престолом. В качестве посредника по принятым обязательствам выступил кардинал Джулиано делла Ровере, бывший враг Борджиа, примирившийся с ними.

Чезаре Борджиа во Франции (октябрь 1498 г.)

В октябре 1498 г. Чезаре приехал во Францию, где был принят со всеми почестями. Его въезд в Шинон 21 декабря превосходил «великолепием въезды императоров в Рим». Он привез обещание папы упростить заключение брака между королем и Анной Бретонской, а также кардинальскую шапку для Жоржа Амбуазского. Взамен Чезаре были предоставлены сеньория Валентинуа, возведенная в ранг герцогства, командование ротой, рента и, главное, дано обещание помочь в женитьбе. Выполнить последний пункт удалось не без затруднений. Понадобилось вмешательство Жоржа Амбуазского и даже Анны Бретонской, чтобы Ален д'Альбре, хоть и не очень разборчивый человек, согласился выдать дочь Шарлотту за этого «весьма честного и доброго мужа, мудрого и скромного». Так гласило поручительство, выданное королевой.

Брак с Анной (январь 1499 г.)

Король не стал дожидаться результатов рассмотрения дела о своем разводе, чтобы приступить к подготовке второго брака. Анна Бретонская из хитрости или из щепетильности (поскольку две эти черты характера она весьма своеобразно сочетала всю жизнь) поначалу показала себя очень строптивой. «Никакие бла-

га, — говорила она, — никогда не сделают меня наложницей короля». К 19 августа ее настроение достаточно переменялось, чтобы она приняла от Людовика XII торжественное обязательство жениться на ней в течение года либо вернуть ей в управление бретонские города Нант и Фужер, что отдавало Людовика XII на ее милость. Потом она вернулась в Бретань и вновь приступила к управлению ею.

После того как папские комиссары 17 декабря объявили о расторжении первого брака, больше ничто не мешало заключению второго. Условия, оговоренные заранее, в январе 1499 г. были включены в договор. Герцогство Бретонское оставалось независимым; будущая королева должна была править им, так же как прежние герцоги. В герцогстве гарантировались традиционные вольности, сохранялись Штаты; отмечалось, что знать будет нести службу за пределами страны лишь в случае абсолютной необходимости. Более того, Бретань должна была отойти второму сыну, который родится от этого брака, или, если сын будет только один, второму из внуков. Если король переживет жену, он примет управление герцогством на себя, но обязуется соблюсти права законного наследника. То есть Анна собиралась остаться герцогиней Бретонской и уберечь герцогство от присоединения к королевству.

Анна Бретонская

Во втором браке Анна была более счастливой и обладала гораздо большим влиянием, чем в первом. Королевская чета до конца оставалась довольно дружной. Даже если не доверять все-

цело Сейселю, заявившему, что «нет других людей, которые так хорошо ладили бы друг с другом и поступали бы так всегда, когда они вместе», они, конечно, были по-настоящему близки, несмотря на ссоры, вносившие в историю королевской семьи некую остроту. Людовик XII любил свою «милую бретонку», как образцовый муж. Любила ли его Анна? Несомненно, любила настолько, насколько могла испытывать это чувство при ее очень практичном складе ума. Несколько раз, когда он тяжело болел, она сохраняла исключительное душевное спокойствие. Но Анна смогла обрести над мужем прочную власть; она этим пользовалась, чтобы все надежней обеспечивать независимость Бретани, к которой до конца была привязана с ревнивым пристрастием. Эта забота беспокоила Людовика XII всю жизнь, и поставила точку в ситуации только смерть жены. Что до остального, то Анна была резкой, мстительной, эгоистичной. Это покажет судебный процесс, который она возбудила против маршала де Жье. Жоржу Амбуазскому требовались вся его гибкость и привычка к интригам, чтобы оставаться рядом с ней. Ни как женщина, ни как королева эта превосходная бретонка и плохая француженка не заслуживает похвал, которые столько раз произносились в ее адрес.

II. Завоевание Милана³²

Притязания Людовика XII на Милан

Едва вступив на трон, Людовик XII принял титул герцога Миланского одновременно с титулом короля Франции и, говорят, старался называть Лодовико Сфорца просто «господин Лодовико». Однако его права вовсе не были бесспорными. Он их основывал на браке своего деда Людовика Орлеанского с Валентиной, дочерью Джан Галеаццо I Висконти, герцога Миланского. Но Миланская область была имперским леном, и разные инвеституры, какие в XIV в. давали императоры, то допускали дочерей к наследованию, то исключали их из него. Кроме того, в XIV и XV вв. ситуацию несколько раз меняли брачные договоры или завещания. Таким образом, видимость прав могли предъявить многие претенденты, и Лодовико как представитель Сфорца столь же убедительно выглядел наследником Висконти, как и Людовик XII.

³² Для всего этого раздела см. *Pélissier L.-G. Recherches dans les archives italiennes. Louis XII et Ludovic Sforza (avril 1498–23 juillet 1500). Paris: A. Fontemoing, 1896. 2 vol.*

С другой стороны, прежде чем думать о завоевании Милана, было необходимо уладить дела на материке и принять меры против возможного вмешательства.

Переговоры в Европе (июль 1498 г.)

В июле 1498 г. был возобновлен Этапльский договор с Англией: Франция поддерживала отношения с Иаковом IV Шотландским, вынуждавшие Генриха VII вести себя осторожно. 31 июля новое соглашение подписали Людовик XII и суверены Испании. В отношении Максимилиана того же успеха поначалу достичь не удалось — он сохранял всевозможные связи с Лодовико Сфорца, которому Людовик XII угрожал. Но вторжение в Бургундию, которое он попытался предпринять, не удалось, и этот человек, у которого лучше получалось строить планы, чем их реализовать, согласился на перемирие. Правда, это не мешало ему оставаться полностью готовым к борьбе.

Оммаж Филиппа Красивого (июль 1499 г.)

Зато правительству Людовика XII удалось отколоть от Максимилиана родного сына, эрцгерцога Филиппа Красивого, который принес королю официальный оммаж за Фландрию, Артуа и Шароле. Канцлер Франции в июле 1499 г. отправился в Аррас в сопровождении растопителя воска (*chauffecire*), «каковой вез печать вместе с двумя герольдмейстерами». «Монсеньор эрцгерцог с непокрытой головой явился к названному мною господину канцлеру, дабы принести оный оммаж.

После того как он показал, что желает стать на колени, чего названный мною господин канцлер не пожелал допустить», последний произнес: «Вы становитесь человеком короля, вашего верховного сеньора, и приносите ему присягу и тесный оммаж, обязуетесь служить ему до самой смерти против всех, кто может жить и умирать, безо всяких оговорок». Видно, как сохранялись феодальные обычаи, по меньшей мере внешне, даже в отношениях между суверенными монархами.

Швейцарцы

Прежде всего Людовик XII постарался обеспечить себе безопасность со стороны швейцарских кантонов.

Еще в XV в. швейцарцы стали первоклассной военной силой. Они удивили Европу и почти привели ее в замешательство, сокрушив грозную державу Карла Смелого. Швейцарская конфедерация, образованная в 1353 г. с объединением восьми первых кантонов, выросла в 1481 г. за счет Фрибура и Золотурна. В 1501 г. к ней добавятся Базель и Шаффхаузен, а в 1513 г. Аппенцель; с тех пор она стала такой, какой останется до Французской революции. Она уже протянулась на юг от Альп, завоевав Айроло, Джорнико, Файдо; вскоре она захватит Бьяску и Беллинцону. Но по большей части Швейцария состояла из регионов, расположенных северней Гларнских и Бернских Альп; если она уже не принадлежала к империи, она еще оставалась в огромной мере германской территорией.

Ее внутренняя организация создавала всевозможные трудности. Даже до большого кризиса

Реформации случались конфликты между Люцерном и Берном, Цюрихом и Ури. А ведь общее собрание, хоть и сформированное из представителей кантонов, не могло навязывать решений — каждый кантон сохранял суверенитет. Эти разногласия иногда сковывали швейцарскую политику, но служили ей также на пользу, не позволяя стране глубоко втягиваться в чужие конфликты.

Конфедерации предстояло тридцать лет играть в европейской политике свою роль, и очень важную. Борьба с Карлом Бургундским развила в швейцарцах воинственность. После победы в стране сформировался новый социальный слой, состоявший из людей алчных и агрессивных. В Швейцарии распространялся кондотьеризм — кондотьеризм грубый, довольствовавшийся демонстрацией силы или удовлетворением примитивных потребностей, кондотьеризм скорее солдатский, чем командирский.

Политика швейцарцев

Для большой силы надо было найти применение. Сен-Готардские перевалы давали швейцарцам доступ в Италию, привлекавшую горцев очарованием, какое она всегда внушала северянам; соседство с Германией, сохранявшиеся притязания Священной Римской империи или Австрии могли вовлечь ее в противоборство с германскими монархами; наконец, расширение до Юры, приблизившее швейцарцев к французской границе, тоже придало их амбициям новое направление.

Для Германии они были неудобными соседями до дня, когда Максимилиан в 1499 г. Базельским

договором признал их фактическую независимость. С тех пор Конфедерация ограничивалась тем, что позволяла жителям кантонов по собственному выбору наниматься в армии, сражавшиеся за или против императора. В XVI в. между обеими странами всегда сохранялось некое родство, укреплению которого способствовала Реформация.

Отношения с Францией были беспокойными. Французские короли непрестанно вели переговоры с кантонами и просили у них солдат. Трудности возникали из-за взаимных требований обеих стран, а иногда также из-за притязаний на Бургундию, которые появлялись у швейцарцев. Их поведение в отношении Франции определяла прежде всего их итальянская политика. Поскольку они питали очень горячее и стойкое желание приобрести отдельные части Миланской области, они действовали наперекор Франции, и в последние годы царствования Людовика XII и первые — Франциска I швейцарцы были противниками французов.

Однако поначалу они нашли общий язык с Людовиком XII, и его послы 16 марта 1499 г. добились договора, разрешавшего нанимать войска в этой стране.

Договор со скандинавскими государствами

В Северной Европе скандинавские страны еще разбирались с последствиями Кальмарской унии, которая была заключена в конце XIV в. и объединила Данию, Швецию и Норвегию. Дания, которой правил Ханс I (1481–1513 в Дании, 1497–1502

в Швеции и Норвегии), находилась в самом тесном контакте с Германией и могла опасаться вмешательства империи в свои дела. Поэтому, естественно, Франция, желая контролировать германские силы и сдерживать их, обратила взоры в направлении скандинавских государств. Карл VIII за некоторое время до смерти завязал переговоры с Хансом; Людовик XII в июле 1498 г. подписал с ним договор. Предусматривались вечный союз между обоими государями, свободная торговля и свободный въезд в обе страны для подданных и купцов из той и другой.

Все помыслы короля были направлены на Италию.

Политика Лодовико

Лодовико, опираясь на союз с Максимилианом, женатым на его племяннице, уверенный в своих финансовых ресурсах и престиже, похоже, совершил большую ошибку, посчитав, что замыслы его врагов так же неопасны, как и раньше, когда ему легко удавалось расстроить их козни. Однако обстоятельства переменились: прежде всего, в начале любого царствования возникает как бы новая движущая сила, союзники у Лодовико были сплошь ненадежные или слабые, а враги, наоборот, решительные и грозные, прежде всего Венеция. Но Лодовико, пренебрегая опасностью, какой подвергался, хотел вести тонкую игру. Даже с Максимилианом, который, конечно, мог проявлять непостоянство без всякого повода, Лодовико до конца говорил недомолвками.

Союз Людовика XII с Венецией (февраль 1499 г.)

Французское правительство для достижения своих целей в Италии решило объединить усилия с Венецией. В последние месяцы 1498 г. переговоры стали особенно активными; по дороге между Венецией и Парижем непрерывно сновали гонцы, преодолевая ее без малого за семь дней. Достичь соглашения оказалось тем сложнее, что в правительстве республики возникли разногласия: окончательное решение приняли только после обсуждения, затянувшегося на девять дней. Король, Жорж Амбуазский, Жье не раз выражали раздражение этими купцами, которые «торгуют словами». Наконец все сложилось. 9 февраля 1499 г. в Блуа был подписан союз между странами. Король и республика обязались объединить силы ради завоевания Миланской области. Это было тяжелым поражением для Лодовико Сфорца и сомнительным успехом для Венеции, которая в лице Людовика XII должна была приобрести соседа куда более опасного, чем Сфорца. «Поверь, читатель, — пишет современник, — что основания и обиды, заставившие Синьорию договориться с Францией, чтобы погубить герцога Миланского, были весьма велики».

Лига против Милана

Франко-венецианский союз объявил себя открытым для всех государств, которые пожелают к нему примкнуть. 29 июля 1499 г. во Франции обнародовали названия государств, вошедших в Лигу. В списке оказались папа, Венеция, король

и королева Испании, короли Англии, Шотландии, Португалии, Венгрии, Чехии, швейцарцы и т. д. В нем оказались даже император, Священная Римская империя и ее курфюрсты, и это опять-таки дает понять, что и здесь «торговали словами» и что заблуждаться насчет ценности этого блестящего списка не стоит. Не попали в него только герцог Миланский, король Неаполя и несколько мелких итальянских сеньоров.

Набор войск

В реальности борьба пойдет почти исключительно между Людовиком XII и Венецией, с одной стороны, и Лодовико Сфорца с другой. Все три армии отчасти комплектовались путем *кондотты*, то есть найма солдат. Венеция вербовала бойцов повсюду и выставила армию численностью около пятнадцати тысяч человек. С одним кондотьером, графом Питильяно, она заключила настоящий коммерческий договор. Питильяно проявлял несговорчивость, потому что уже получил предложение от Лодовико. Он требовал от Синьории оплатить его долг размером в 12 тыс. дукатов, а также повысить на треть его пенсию и жалованье. После некоторых колебаний Венеция приняла его на службу на четыре года. Лодовико взялся за дело в 1499 г., с некоторым запозданием. Зачастую ему оставалось обращаться лишь к кондотьерам, недовольным Венецией или уволенным ею. Так, он нанял Марко Мартиненго за ежегодную пенсию в тысячу дукатов, Уголино Анконского, который «не хотел больше служить республикам, а только сеньорам». Он набрал и много швейцарцев, особенно в кантоне Вале;

его агенты брали всех без разбору и платили любую цену. Капитан в среднем получал в месяц 25 флоринов, солдаты — по 4,5. Помимо войск, набранных таким образом повсюду, так что некоторые подошли только к концу первой кампании, у Лодовико были и довольно многочисленные национальные войска. Людовик XII тоже не пренебрегал вербовкой людей за границей, особенно в Швейцарии, пользуясь договором, подписанным с Конфедерацией. Позиции, указанные с мая по июль 1499 г. различным французским корпусам в направлении Гренобля с выдвижением одного корпуса под Асти и венецианским корпусам в направлении Лоди, предвещали скорое наступление.

Тривульцио

Ведущую роль во главе королевской армии был призван сыграть миланец, враг Лодовико и изгнанник во Франции — Джан Джакомо Тривульцио. Он находился на службе поочередно у Галеаццо Сфорца, у Фердинанда Неаполитанского, у Карла VIII. В возрасте за пятьдесят, толстый, низкорослый и коренастый, он сохранял силу и удивительную энергичность — по-прежнему ездил верхом и преодолевал путь из Италии во Францию как бы играючи, за несколько дней. Достаточно ловкий полководец, он умел командовать итальянцами, каждый из которых в большей или меньшей степени обладал душой кондотьера, — ведь сам Тривульцио был итальянцем, кондотьером и вожаком клики.

Взятие и потеря Милана

Поначалу казалось, что предстоит не более чем военная прогулка. Когда заняли несколько крепостей и перебили всех жителей, повсюду распространился ужас. Эти побоища, похоже, были тактикой, какую своим заместителям рекомендовал Людовик XII; она оправдалась. Галеаццо Сансеверино оставил сильнейший город герцогства, один из самых враждебных в отношении Франции, — Алессандрию; венецианцы в то же время взяли Кремону; Лодовико покинул Милан, куда вошли французы, и укрылся в Германии у Максимилиана. Начавшись в августе, в октябре кампания как будто закончилась: губернатором Милана был назначен Тривульцио, и там организовали новую администрацию. Но Лодовико нашел поддержку в Германии и купил войска в Швейцарии. В феврале 1500 г. он вернулся к себе в герцогство, а в марте отбил Комо, Милан и даже Новару. Все надо было начинать заново.

Новая кампания. Новара (апрель 1500 г.)

В этих критических обстоятельствах Людовик XII назначил кардинала Амбуазского генерал-лейтенантом за горами со всеми полномочиями «начинать, посредничать и определять, как бы он делал сам лично». Вместо Тривульцио военное командование принял Ла Тремуй. Французы были вынуждены отойти к реке Сезии и сосредоточили там войска. Армия Ла Тремуя и армия Лодовико в первых числах апреля стали друг против друга в окрестностях Новары. С обеих сторон были

бургундцы, немцы, швейцарцы. Конфедерация, согласно д'Отону, хотела «помешать продолжению сражения и войны», то ли чтобы «половить рыбку в мутной воде», то ли чтобы спасти Лодовико. «Сеньоры Лиги» послали гонцов, чтобы запретить выходцам из кантонов сражаться, до нового приказа.

Захват Лодовико

Со швейцарцами из армии Лодовико вступили в переговоры; договорились, что солдаты Конфедерации, находящиеся в Новаре, уйдут из нее, «взяв с собой все, что смогут». Лодовико заперся в городе. «Мы заключили соглашение, — пишет Ла Тремуй, — что, если застанем Моро с ними, мы его схватим; так было условлено». Действительно, солдаты Лодовико отказались его выдавать, но согласились позволить его схватить. Потом, в последний момент, они, возможно, не решились совершить это предательство. Дело едва не дошло до боя. Ла Тремуй уже отдал приказ атаковать Новару; но швейцарцы из его армии воспротивились, потому что в городе были их соотечественники. Они «не желали, чтобы им пришлось убивать своих людей». Тогда заключили новую сделку: наемники из Новары согласились один за другим пройти «под копьём» перед французами. И Лодовико, который пытался ускользнуть, смешавшись с их толпой, после трех часов поисков был обнаружен среди них. «Государь, — писал Ла Тремуй, — вы получили все, чего просили, и в этом многим обязаны Богу». Даже после захвата Лодовико оказалось, что разговор со швейцарцами на французской службе еще не закон-

чен. Они потребовали, чтобы им «всем заплатили монетами-экю с солнцем, дали выючных животных для перевозки багажа и за захват сеньора Лодовико заплатили за месяц вперед». Когда им отказали, «онные швейцарцы, громко стуча ногами и алебардами, подступили к двери комнаты, где находились французы, и начали ее ломать». Бальи Дижона, представлявший при швейцарцах интересы французского короля, был схвачен за волосы, и его стали бить кулаками в нос и по лицу, «так что у него едва остались волосы на голове». Пришлось удовлетворить этих грозных союзников, чтобы отделаться от них; потом узнали, что на обратном пути они заняли Беллинцону³³, принадлежавшую герцогству Миланскому.

Лодовико увозят во Францию

Но, как ранее писал Ла Тремуи, решающим фактором был захват Лодовико. И Людовик XII направил своему заместителю три письма с настоятельным требованием немедленно прислать свергнутого герцога, «ибо я не буду чувствовать себя спокойно, пока не увижу одного Лодовико по сю сторону гор». Привезенный сначала в Лион и заключенный в замок Пьер-Ансиз, Моро после этого был перевезен в железной клетке, помещенной в деревянный короб, в замок Ли-Сен-Жорж в Берри. Там с ним обращались достаточно сурово, что бы ни говорили панегиристы Людовика XII, и в 1508 г. он безвестно умер.

³³ Kohler Ch. La conquête du Tessin par les Suisses (1500–1503) // *Revue historique*. 1891 (45). P. 308–323.

«Тем самым герцогство Миланское за семь с половиной месяцев было завоевано французами дважды».

Жорж Амбуазский в Милане

Когда Жорж Амбуазский вступил в Милан после того, как сначала поселился в замке, ему навстречу вышла «жалкая» процессия: «Один доктор преподнес несколько красивых вещей, обещая никогда не бунтовать против священного французского величества». Они заявили, что походят на святого Петра, испытавшего немало угрызений совести после того, как он покинул Иисуса Христа. Кардинал остроумно ответил, чтобы они не слишком подражали Петру, ведь он отрекся от своего учителя трижды. После обмена долгими церемониальными речами наконец перешли к делу. На некоторые города были наложены очень тяжелые контрибуции; нескольких самых запятнанных лиц казнили.

Организация Миланской области

Формирование политической и административной организации герцогства было начато еще во время первого завоевания, а именно ордонансом от 11 ноября 1499 г.³⁴ Его оставалось в основном утвердить и дополнить. Чтобы представлять короля, герцога Миланского, назначили военного губернатора и гражданского губернатора. Был создан сенат, состоящий из семнадцати

³⁴ *Pélissier L.-G. Recherches dans les archives italiennes. Louis XII et Ludovic Sforza (avril 1498–23 juillet 1500). Paris: A. Fontemoing, 1896. T. II. P. 329–341.*

сенаторов, или советников: два прелата, четверо военных, одиннадцать юристов. В его состав включили как итальянцев, так и французов, однако с таким расчетом, чтобы перевес всегда был на стороне последних. Сенат имел полномочия утверждать или объявлять недействительными ордонансы короля, касавшиеся Миланской области, формировал верховный суд, осуществлял контроль за судейскими чиновниками, издавал указы, подлежащие исполнению наравне с указами Королевского совета Франции, наконец, ратифицировал дарственные, помилования, пожалование льгот. Это была организация, позволявшая герцогству принимать участие в судебной и административной деятельности. Регулярное движение гонцов связало Лион и Милан. Мало-помалу в Миланской области жизнь вновь пошла своим чередом, и после первоначальных волнений и жестокостей завоевания казалось, что область не должна страдать под французским владычеством, разве что ход последующих войн неминуемо сказывался на ней³⁵.

Положение французов в Италии

В конце концов, коль скоро ряд рациональных причин и эмоциональных соображений влек французских королей за Альпы, в Ломбардии они еще имели какие-то шансы закрепиться надолго. Однако не без сложностей. Нужно было прочно

³⁵ Ресурсы Миланской области были значительными. Бюджет 1510 г. оценил доход в 715 тыс. ливров, расход в 709 тыс. ливров. Очень много французов получало пенсии из доходов герцогства.

привязать к себе альпийских князей, чтобы всегда иметь возможность свободно пересечь горы и любой ценой удерживать Геную. С другой стороны, следовало предвидеть, что швейцарцы, венецианцы и Священная Римская империя очень косо посмотрят на вторжение Франции в страну, на которую они имеют права или притязания. Наконец, возникала необходимость поддерживать отношения с государствами Центральной Италии, особенно с Римом и Флоренцией, и тем самым принимать участие в решении очень сложных вопросов. Но в Италии была территория, которую Франция очень хотела заполучить, — Неаполитанское королевство. Туда она нехотела и ринется.

Влияние Жоржа Амбуазского

В июне в Лион вернулся Жорж Амбуазский. Король устроил ему «столь любезный прием, что пожелал его почтить как самого близкого человека». Он добавил к этому и графство Ломеллину близ Алессандрии в качестве дара. Никто не извлек больше выгод из этой экспедиции, чем кардинал. Он вел себя за горами как хозяин; в Милане с ним обращались как с победоносным сувереном, и он оставил там в качестве своего представителя собственного племянника Шарля Шомона Амбуазского. Он все сильнее вмешивался в «итальянские дела».

III. Попытка крестового похода

Доминирование Франции в Италии (1500 г.)

Повторное занятие Милана на какое-то время усилило положение Франции. Герцог Феррарский, маркграф Мантуанский, Болонья и семья Бентивольо, Сиенская республика почитали за счастье, если им удавалось добиться соглашения ценой более или менее тяжелых жертв. «Они столь глубоко запустили руку в дукаты, что ладонь распухла». Флоренция тоже заключила сделку, но союз с собой продала очень дорого. Она поставила условие: послать французское войско, чтобы напасть на Пизу (это было выгодно флорентийцам). Зрелище вышло странным: пизанцы провозгласили, что «все они — добрые и верные французы и хотят жить и умереть как таковые, что всякий раз, когда французская армия пожелает войти в город, все его ворота будут для нее открыты», но при условии, что их не передадут в руки флорентийцев. Они энергично оборонялись, крича: «Да здравствует Франция!» и водрузив над собой королевское

знамя³⁶. Швейцарцы на королевской службе взбунтовались, сославшись на то, что им не заплатили жалованье, и это стало поводом для снятия осады в июле 1500 г. Папа и Чезаре Борджиа с каждым днем выдвигали все больше требований. Чезаре, осуществляя свой замысел — создать собственное княжество, напал на сеньории Романьи. В 1499, 1500 и 1501 гг. он завоевал с помощью французских войск Имолу, Пезаро, Римини, Фаэнцу. Папа с молчаливого согласия Людовика XII возвел Романью в ранг герцогства для сына, а благодаря новым успехам 1502 г. это герцогство расширилось. Тем самым он при поддержке Франции готовил взлет могущества Юлия II, которое станет для французов роковым.

Недовольство Максимилиана

По-прежнему следовало беспокоиться о том, какие действия предпримет Максимилиан I. В начале 1501 г. раскрыли заговор, имевший целью передать ему город Бон. Он сам сетовал на планы Франции: «Французскому королю, — говорил он на рейхстаге в 1500 г., — мало его завоеваний в Италии, он настраивает против нас Венгрию и Польшу и прилагает все усилия, чтобы добиться императорской короны». Правду сказать, первое из этих обвинений имело под собой некоторые основания.

³⁶ На миниатюре из одной рукописи Жана д'Отонна изображены пизанцы, водружающие на стене своего города во время штурма знамена Франции.

Договор с Владиславом Чешским (1500 г.)

Венгрия и Чехия на самом востоке начали привлекать внимание дипломатов. Обе этих страны, несмотря на этнографические различия, разделявшие их, в XV и в XVI вв. имели отчасти общую историю. Та и другая успешно боролись против турок, продвижение которых на запад почти на полвека, с 1458 по 1490 г., приостановил Матьяш Корвин. Но с его смертью, хотя уния между Чехией и Венгрией благодаря двойному избранию Владислава сохранилась, могущество обоих государств ослабло. Им уже угрожали с одной стороны турки, с другой — Австрийский дом. Что касается Польши, еще сильной при Казимире IV, умершем в 1492 г., то при Яне Ольбрахте (1492–1501) она все еще тщетно пыталась заключить унию с Литвой.

Чехия, Венгрия и Польша, где знать была очень энергичной и воинственной, представляли собой силу. Людовик XII направил к Владиславу и к Яну Ольбрахту послов, и трое монархов в июле 1500 г. подписали договор. В этом документе, который был составлен в очень торжественном стиле и которому предшествовала преамбула, написанная на весьма хорошей латыни, государи заявляли о заключении вечного союза против турок, а также против любых нынешних или будущих врагов. В войнах, начинаемых по взаимному согласию, каждый будет оказывать помощь другим. Правда, из числа возможных противников исключались верховный понтифик, Священная Римская империя, Римский король, Венеция, и им

даже открывали доступ в союз. Тем не менее это следовало расценивать как политическую акцию, которую Франция предприняла на востоке и за счет которой зашла с этой стороны в тыл Германии, как благодаря союзу со скандинавскими государствами могла зайти к ней в тыл с другой стороны. Значение этого договора прояснится лучше, когда Владислав пошлет к Людовику XII посольство, прося руки французской принцессы. Несколько позже, в 1502 г., его брак с Анной де Фуа, племянницей Анны Бретонской, казалось, должен будет уравновесить немецкое влияние в Чехии и Венгрии³⁷.

Сближение с Максимилианом

Аугсбургский рейхстаг тоже согласился издать постановление о наборе войск и предложить учреждение имперской кассы. Но, как говорил один советник Максимилиана, «ждать от немецких князей чего-либо ради блага империи — все равно что надеяться собрать виноград с чертополоха». 16 августа 1500 г. император подписал с королем Франции перемирие на шесть месяцев, впоследствии продленное до 1502 г.

Всеобщий мир (1500 г.)

В конечном счете к середине 1500 г. по всей Европе был мир. Франция, казалось, находилась в зените могущества и процветала. «Принимая

³⁷ *Le Roux de Lincy A. Discours des cérémonies du mariage d'Anne de Foix, de la maison de France, avec Ladislas VI, roi de Bohême // Bibliothèque de l'École des chartes. 1861 (22). P. 156–185.*

во внимание, — гласил один протокол, составленный амьенскими эшевенами, — что, слава богу, Французское королевство пребывает в добром мире, а также хлеб и вино весьма дешевы и все блага в изобилии, следует благодарить Бога...»

Планы крестового похода

Казалось, наступил момент вновь задуматься о крестовом походе против турок. Максимилиан не переставал об этом говорить, — но он вообще говорил так много! Нельзя сказать, что неверные не беспокоили Испанию. Ей следовало опасаться контрнаступления мусульман в отместку за взятие Гранады. Африканские мавры волновались. В 1501 г. Фердинанд послал Петра Мартира, итальянского гуманиста, осевшего при его дворе, к египетскому султану³⁸. Мартиру было поручено наблюдать за положением на Востоке и договориться о соглашении с Египтом, которому угрожал константинопольский султан. Это позволило бы сдерживать одновременно Баязида и африканские племена Средиземноморья. Португалию побуждали к действию интересы в Азии, где также властвовали мусульмане.

В Европе воображение людей было возбуждено, словно в ожидании больших событий. Только и ходили слухи, что о чудесах. В льежской зем-

³⁸ *Mariéjol J.-H.* Un lettré italien à la cour d'Espagne (1488–1526): Pierre Martyr d'Anghera, sa vie et ses oeuvres, thèse pour le doctorat, présentée à la Faculté des lettres de Paris. Paris: Hachette, 1887. P. 48 et suiv.

ле появлялись кресты со следами крови, они отпечатывались на волосах или на одежде женщин и девушек. В 1501 г. во всем христианском мире славили юбилей крестового похода, от Страстной пятницы до Иванова дня. Как четыре века назад, на Восток направлялись группы паломников. Так что казалось, что можно вновь приступить к совместным действиям и осуществить планы, которые пятьдесят лет назад в связи со взятием Константинополя возникли почти повсюду. Однако идея крестового похода настолько противоречила интересам времени, что вылилась лишь в химерические предприятия.

Французский поход на Восток (1501 г.)

Одни только Людовик XII и Анна Бретонская показали, что склонны отстаивать интересы христианства³⁹. В 1499 г. Людовик XII отправил на Восток флот, который должен был действовать совместно с венецианцами. Близ побережий Модона было дано много боев, но поход провалился из-за ссоры с Венецией и дезертирства венецианского адмирала. В 1501 г. король и королева организовали новый поход с более значительными силами. Они должны были направиться в Эгейское море, чтобы действовать вместе с родосскими рыцарями и произвести высадку на острове Митилена. Рассчитывали на венецианцев и на Владислава. Король отправил в море

³⁹ *La Roncière Ch. de. Histoire de la marine française. T. III: Les guerres d'Italie. Liberté des mers. Paris: Plon-Nourrit et Cie, 1906. P. 37–59.*

объединенный флот. «Госпожа Анна Бретонская как благочестивая католичка выложила свои сокровища и распродала их, чтобы нанять большое число воинов и снарядить множество кораблей; и пожелала, дабы среди прочих в путь отправились ее большая каракка под названием “Кордельера” и несколько других». Общее командование двенадцатью кораблями из Бретани и Нормандии и четырьмя галерами, «очень скорыми и весьма грозными в море», находившимися под началом Прежана де Биду, было доверено Филиппу де Равенштейну. Флот прошел Неаполь, Корфу, Модон, Милос, где к нему присоединились венецианские галеры. Наконец, «на двадцать четвертый день октября 1501 года подошли к означенному острову Митилене так близко, что были ясно видны башни и замок города».

Провал крестового похода

Атака на крепость была отбита, несмотря на доблесть крестоносцев, из-за колебаний командиров или разлада между ними и из-за опоздания родосских рыцарей. Пришлось возвращаться во Францию. На флот, обремененный больными или ранеными, обрушились бури. Корабль, на котором находился Равенштейн, потерял управление близ острова Чериго [Киферы] во время шторма; еще один затонул. Равенштейн и сопровождавшие его дворяне, «один в рубахе, другой босой и третий нагой, при свете луны, ярко блестевшей, приблизились к скале, ухватились за нее, как могли, и выбрались на сушу». После того как жители, «грубые люди и бесчеловечный народ», их прогнали, их наконец подобрала генуэзские галеры.

III. Попытка крестового похода

Венецианцы, если верить д'Отону, откровенно радовались этим несчастьям. Эта авантюра была последним крестовым походом с участием Франции. Через двадцать пять лет Франциск I вступит в союз с османами.

IV. Завоевание и потеря Неаполя

Гранадский договор

В тот самый момент, когда Людовик XII готовил этот крестовый поход, он решил предъявить права на Неаполь по соглашению с Фердинандом Арагонским; сочетание своеобразное, которое создаст для Франции всевозможные проблемы.

По договору, подписанному в Гранаде 11 ноября 1500 г., оба суверена разделили Неаполитанское королевство. На ком лежит ответственность за этот политический выбор? Не без оснований полагают, что в окружении Людовика XII было много людей, сохранявших интересы в Неаполитанской области: имения, которые дал Карл VIII и которые были потеряны после поражения, выгодные должности, долги, какие следовало получить. Людовик XII, возможно, поддался их уговорам, как и собственным побуждениям, а кардинал Амбуазский, как всегда, стал послушным и энергичным орудием его воли.

Марш на Неаполь

В июне 1501 г. французская армия покинула Миланскую область. Она двигалась в правильном и внушительном боевом порядке: в авангарде пе-

хотинцы, артиллерия, обоз; потом шли тяжелые кавалеристы, верхами и в доспехах, «с копьем у бедра и в шлеме на голове». «Так прошли они город Рим под звуки труб и горнов, и больших барабанов швейцарцев». Командиры продолжали тактику террора, какую Людовик XII впервые применил в миланской кампании. Солдаты замка Марильяно, вынужденные сдаться «на милость французских капитанов», были повешены вместе со своими офицерами. Уцелел один начальник гарнизона; дело в том, что у него была жена, «на диво красивая», и она «так нежно умоляла сеньора де Молеона и пришлось ему так по душе, что спасла мужа, который мог потом хвалиться тем, о чем многие умалчивают».

Федерико в плену

Король Неаполя Федерико рассчитывал на Фердинанда Арагонского, действительно обещавшего ему помощь; Фердинанд, напротив, послал армию, чтобы захватить Апулию. Когда французы, взяв Капую, подошли к Неаполю, Федерико оставил им крепость на условии, что сможет удалиться на остров Искью и получить шесть месяцев перемирия, чтобы отправить послов к Людовику XII и вступить с ним в переговоры. Тем временем подошел большой флот, посланный против турок. Равенштейн, командовавший им, получил от короля полномочия предпринимать любые действия против османов и «их приверженцев». Он остановился перед Неаполем как раз вовремя, чтобы помешать утверждению капитуляции, и король Федерико был отправлен во Францию. Впрочем, там с ним обошлись не как

с пленником, а почти как с сувереном: он получил Анжу в качестве компенсации за Неаполь и до самой смерти в 1504 г. играл определенную политическую роль; он даже участвовал во многих переговорах между Францией и Испанией.

Трудности в отношениях с испанцами

Верховное управление Неаполитанским королевством было вверено молодому герцогу Немурскому с миссией «править, руководить и командовать» армией, принимать сдачу крепостей, «выслушивать всяческие посольства». Но прекращение завоевания создало куда больше трудностей, чем само завоевание. Никак не удавалось договориться с испанцами о реальных условиях раздела территорий, и долгие месяцы были потрачены на бесплодные и не слишком искренние попытки найти общий язык, пока испанцы и французы бок о бок жили в этих краях.

Настроения в Италии (1501–1502 гг.)

Ситуация в Италии оставалась неясной, а политические комбинации — малоотчетливыми. Официально Франция находилась в союзе с папой и с Венецией, но на самом деле как Венеции, так и папе французы доверяли все меньше, а Жорж Амбуазский лелеял надежды на папский престол. Уверяли, что Римский король, короли Франции и Испании дружно низложат папу и его заменит этот кардинал (что должно было произойти к 1501 г.); перечисляли даже условия, какие

будут поставлены последнему. Это не мешало ни Александру VI, ни Чезаре по-прежнему заниматься своими делами: Чезаре желал получить Болонью, угрожал Флоренции, завязывал отношения с Пизой. Все, кто чувствовал себя в опасности или мечтал о мире, надеялись на появление Людовика XII. В июле 1502 г. он решил отправиться в Италию в сопровождении неразлучного кардинала Амбуазского, чтобы «дать возможность всем, кто имеет право и желание, поговорить с ним и посвятить в свои дела». Когда король приехал в свое имение Асти, посольства к нему прибыли почти со всего Апеннинского полуострова. Посланники Венеции в депеше с пометкой «cito, citissimo, celerrime»⁴⁰ (от 14 июля 1502 г.) писали: они полагают, что французы «считают теперь папу противником». Ничуть не бывало. Чезаре Борджиа изъяснил смиренную покорность, которую король принял. Дело было в том, что Жорж Амбуазский рассчитывал на помощь Чезаре в получении папского престола, на который давно зарился, а смерти Александра VI ждали еще в 1502 г.

Война с Фердинандом Арагонским

Пока шли переговоры, между обеими армиями-завоевательницами в области Неаполя малопомалу стал разгораться военный конфликт⁴¹. Поначалу это были мелкие стычки, вылазки с од-

⁴⁰ «Быстро, очень быстро, как можно быстрее» (*um.*).

⁴¹ См. прежде всего *Auton, Jean d'*. *Chroniques de Louis XII* / éd. publ. pour la Société de l'histoire de France par R. de Maulde La Clavière. Paris: H. Laurens, 1889–1895. Т. I, II, III и примечания де Моа.

ной стороны на другую — французы грабили испанцев либо испанцы французов. Затем, в июне 1502 г., испанцы внезапно решили захватить Трою в Апулии, и эта попытка ознаменовала начало настоящих враждебных действий. В сражениях примут участие самые известные дворяне Франции; некоторые из них к тому времени уже прославились, как Ла Палис, Луи д'Ар, Ив д'Алегр; другие лишь начали создавать себе репутацию, как «некий Пьер Байард», или же терялись в блеске этих знаменитых имен, как Пьер де Покьер, д'Юрфе и т. д.

По большей части в это время воевали так же, как и в XIV и XV вв. Война в Италии состояла из осад городов, перемежаемых отдельными сражениями, не приносившими перевеса ни одной из сторон. И только после битвы на Гарильяно стали происходить решающие события. Похоже, эту войну вообще вели как бог на душу положит — и Гонсало, воевавший во главе испанцев, и Немур, главнокомандующий французской армии. Командир любого небольшого отряда зачастую действовал в одиночку, сам по себе. Настоящий интерес вызывают лишь отдельные эпизоды.

Луи д'Ар

В какой-то момент операции сосредоточились вокруг Барлетты, где засел Гонсало, чье положение к тому времени было довольно тяжелым. Сражения сочетались со смелыми набегами французов и испанцев, с атаками на маленькие крепости, с поединками, с вызовами на бой — со всем арсеналом героев и всеми перипетиями рыцарской войны. Луи д'Ар с отрядом не более чем

в сотню человек занял городок Бишелье. Но замок внутри города испанцы удержали. Луи атаковал замок и был отброшен до городских ворот. Там он остановился и «изо всех сил охранял выход». Он выдерживал натиск шесть часов. Байард, стоявший лагерем в нескольких лье, узнал, какая опасность грозит д'Ару. «Не глянув, кто за ним последует, он с тремя своими людьми, конными и вооруженными, пустил коней вскачь, а сразу за ним во весь опор помчался Луи де Сен-Бонне с тридцатью тяжеловооруженными всадниками и сорока лучниками». Они успели вовремя, а за ними пришли другие; Луи д'Ар был вызволен, на стены замка взобрались по лестницам и всех испанцев перебили.

Сражение одиннадцати

В феврале 1503 г. сир д'Юрфе послал вызов испанцам, и те изъявили готовность выставить одиннадцать человек, чтобы сразиться с одиннадцатью французами. Ла Палис сразу выбрал лучших из своих тяжелых кавалеристов: это были д'Юрфе, Байард, де Покьер, Ла Ривьер, Гиффрей, дю Фай, Сен-Бонне, Ла Шене, Клермон, Мондрагон и Буван. Взволновалась вся страна. Говорят, более десяти тысяч человек устремилось на стены Трани, желая присутствовать при этом зрелище. Испанцы, прежде всего, старались сохранить свои копья невредимыми и убить коней французов; французы, напротив, метили противникам в корпус и ломали оружие о кирасы. Поэтому в какой-то момент они оказались в опасности. К счастью, на конях и при оружии остались Байард и д'Юрфе, и они прибегли к «приему, который

мало кто мог бы умело совершить» и который действительно требовал исключительной силы и ловкости. Когда испанцы бросались на них, они отскакивали в сторону, хватали на скаку копье одного из нападавших, резким движением вырывали его из рук противника и передавали пешим французам, которые таким образом снова получали оружие. В конечном счете испанцы столпились в углу ристалища, больше не пытаясь атаковать противников, которые, в свою очередь, «сгрудившись, каждый с копьем в руке, вызывали их на поединок». Поскольку силы были признаны равными, договорились покинуть поле «не побежденными и не победителями». Прежде чем покинуть ристалище, все обнялись друг с другом; потом они вышли, точно в том же порядке, чтобы до конца демонстрировать абсолютное равенство обоих лагерей. Тяжелые ранения в этой долгой и жаркой схватке получили лишь два человека.

Поединок Байарда и Сотомайора

Байард пережил и более драматичное приключение. Когда испанец Алонсо де Сотомайор попал в руки одного гасконского капитана, с ним, похоже, в плену обращались довольно дурно. Он обвинил Байарда в причастности к этому, упрекнул при свидетелях «в дурных намерениях, трусости и коварстве» и вызвал на рукопашный бой. Судя по ответу Байарда, «залог сражения был брошен испанцем, поднят французом». Дело чести не запрещало каждому искать для себя преимуществ. Сотомайор добился, чтобы его признали защитником (*défendeur*), что давало ему право выбирать форму сражения, и он потребовал (Бай-

ард считался самым лихим наездником своего времени) пешего боя в полных доспехах, с эстоком и кинжалом и с открытым лицом. «В доброй схватке мне все равно, быть защитником или зачинщиком», — сказал Байард. Это уже был бой не из числа тех, из каких, разбив в щепки копья о кирасы, рыцари выходили изнуренными, разбитыми от усталости, но чаще всего невредимыми. Оба бойца должны были сразиться в рукопашную, в ближнем бою; оговорка об открытом лице делала этот бой смертельным. И действительно, Сотомайор был поражен в горло, а потом в лицо. Поскольку по обычаю побежденным считался лишь защитник, покинувший ристалище, Байард взял врага за ноги «и с великим трудом, сколь бы усталым и измученным ни был, выволок наружу».

Поражения французов

От всех этих подвигов пользы было мало, потому что Немур не обладал ни решительностью, ни боевым опытом; капитаны ему подчинялись плохо, и он плохо их поддерживал. Повсюду воцарился разброд. Гонсало получил подкрепления и вновь перешел в наступление. Д'Обиньи был побежден при Семинаре в апреле 1503 г., Немур — при Чериньоле в том же месяце. Повсюду вспыхнуло восстание; испанцы вошли в Неаполь.

Гаэта

Против них держалась одна Гаэта. Французы собрали в этой крепости многочисленную артиллерию, а в соседних водах крейсировал Прежан де Биду с шестью каракками и пятью галерами; он установил на них более тридцати орудий и об-

стреливал лагерь испанцев. Со своей стороны последние девять дней непрерывно стреляли по валу, пока не проделали в нем брешь в 370 шагов. Когда в городе стала кончаться провизия, Людовик XII велел вывести из Савоны флотилию, чтобы доставить в Гаэту продовольствие; капитан Конфлан, командовавший ею, встретил неприятельский флот и дал ему яростный бой, во время которого суда с припасами смогли пройти. Испанцы сняли осаду.

Французские подкрепления перед Римом (август 1503 г.)

Тем не менее Людовик XII прилагал большие усилия, чтобы вернуть себе удачу; было сформировано две армии: одна из них должна была идти на помощь французам в Неаполитанское королевство, другая — напасть на испанцев в Руссильоне. Последняя после долгих и жестоких злоключений потерпела поражение. Неаполитанская армия казалась огромной: она включала тысячу копий, легкую кавалерию и пехоту, которая, по самым низким оценкам, насчитывала шесть тысяч человек. Командование ею получил Ла Тремуй.

Жорж Амбуазский — кандидат на папский престол

Когда Ла Тремуй приближался к Риму, смерть Александра VI, случившаяся 12 августа, открыла перед Жоржем Амбуазским перспективу, какой тот ожидал уже давно. При этой вести Людовик XII поспешил отправить своего друга Жоржа в Италию с двумястами лучниками охраны. Марк-

граф Мантуанский получал от короля письма в таком роде: «Прошу вас делать все, что скажет и напишет или велит вам сделать мой кузен легат. Вам достаточно понятно, каким благом для меня и моего королевства было бы, если бы Святой престол занял добрый и выдающийся папа, мой друг, справедливый к каждому». Армию, которая шла на помощь Неаполю, Ла Тремую приказали пока остановить под Римом.

Избрание Пия III (сентябрь 1503 г.)

Однако провал Жоржа Амбуазского было легко предвидеть. Помимо того, что некоторое сопротивление оказывали Испания и император, итальянцы, в частности римляне, мало сочувствовали его намерениям, и приверженцы Сфорца, еще многочисленные, вели себя беспокойно. Кардинал делла Ровере, изображая преданность Франции, интриговал в свою пользу. После семи дней обсуждений мнения конклава разделились между несколькими кандидатами. Жорж Амбуазский, за которого подали тринадцать голосов, отчаялся получить большинство и передал их кардиналу Сиенскому, добившись от того обещания сделать его легатом во Франции и Бретани, а одного из его племянников — кардиналом. Так был избран Пий III. Людовик XII и Жорж Амбуазский предварительно заключили соглашение с Чезаре Борджиа. Станный поручитель и странный покровитель для человека, который, говорят, хотел реформировать церковь! Впрочем, через двадцать пять дней после избрания Пий III умер.

Избрание Юлия II (ноябрь 1503 г.)

На сей раз Жорж Амбуазский воздержался от того, чтобы торжествовать, потому что огромное большинство кардиналов, заключив соглашение, прямо-таки внесло на престол кардинала делла Ровере. Делла Ровере был провозглашен папой под именем Юлия II почти без дебатов. Во всяком случае, он сдержал обещания предшественника и свои: несмотря на очень энергичное сопротивление Апостолической палаты, он на консистории 4 декабря обнародовал назначение кардинала Амбуазского легатом во Францию и в Конта-Венессен. 8 декабря легат покинул Рим, и коллеги проводили его до ворот города, несмотря на проливной дождь. В столицу христианского мира, где он надеялся царить, он больше не вернется.

Сражения близ Гарильяно (октябрь–ноябрь)

Французская армия оставалась в окрестностях Рима три месяца, без всякой пользы для Жоржа Амбуазского и к большому ущербу для французских дел в Неаполитанском государстве. В довершение бед заболел Ла Тремуй, и Людовик XII вынужден был доверить командование войсками сначала маркграфу Мантуанскому, а позже маркграфу Салуццо, двум итальянцам.

Когда в октябре к французам, стоявшим лагерьом на правом берегу реки Гарильяно, близ устья, подошли подкрепления, Гонсало уже успел сосредоточить на левом берегу многочисленную армию. Поначалу французы имели преимущество,

может быть, благодаря своей артиллерии: девять пушек крупного калибра, две больших кулеврины, восемь средних и десять фоконов, которые обслуживали «тридцать шесть добрых канониров». Кроме того, Прежан де Биду со своими кораблями контролировал побережье и навел через реку наплавной мост, близ которого собрали всю артиллерию, чтобы испанцы не попытались по нему переправиться. Последние окопались недалеко за мостом, в траншеях; там они поджидали французов, которые могли идти в атаку лишь в малом количестве.

Байард на мосту через Гарильяно

Начали со стычек: мост перешло пятнадцать французских тяжелых кавалеристов; Байард, желая быть в числе первых, не успел надеть доспехи; за ними последовало триста-четырееста бойцов; с тыла их поддерживало двадцать артиллерийских орудий, ведших непрерывную стрельбу. Но на другом берегу их встретили 1200 испанских пехотинцев и триста кавалеристов и женетеров. Вынужденные отступить, французы сгруппировались перед входом на мост на левом берегу, защищая подступы. В первом ряду был Байард. Его друг Беллабр «весьма строго говорил ему, поминая всех чертей, чтобы он убирался отсюда, и тянул его изо всех сил, но тщетно, тот ни за что не хотел уходить». Этим подвигам недоставало одного — координации между собой и следования единой тактической задаче. Байард и его люди, героически держась на противоположном берегу реки, мешали артиллерии стрелять. К тому

моменту два французских командира, Жак де Сюлли и Луи д'Эдувиль, решили остановить бой, сочтя, что начинать генеральное сражение рано. С мечами в руках они направились к кавалеристам, перекрывшим подступы к реке, запретив им под страхом виселицы идти вперед. После этого могли вступить в бой сухопутная и морская артиллерия; испанцев «опрокинули и отбросили», плацдарм остался за французами. Д'Эдувиль приказал укрепить его.

Любопытный эпизод, в котором ясно виден контраст, противоречие между удалой отвагой и более продуманными комбинациями, основанными на использовании новых сил. В тот день последние в конечном счете одержали верх, но как слабо умели их использовать!

Бедственное положение французов

Обе армии почти три месяца сторожили друг друга. Гонсало, несмотря на страдания своих солдат, заявлял, что будет удерживать позиции до конца; для него не было никакого интереса атаковать французов, ему было достаточно их сдерживать. Он поступал как настоящий воин, потому что положение его противников было ужасным: сидя в лагерях среди болот, под постоянным дождем, они вскоре пришли в полное отчаяние. Те из тяжелых кавалеристов, кто привел по четыре-пять коней, с большим трудом сохраняли одного. Особенно сильно ненавидели армейских казначеев, которые не платили войскам и пренебрегали их снабжением.

Отступление к Гаэте

29 декабря пришлось начать отступление к Гаэте. Это был жалкий переход: к городу направились больные бойцы, спешенные кавалеристы, пехотинцы. Кавалеристов, сохранивших коней, собрали, чтобы сдерживать противника. Тяжелую артиллерию отправили по реке, и Прежан де Биду должен был погрузить ее на свои галеры. Но море «было настолько бурным, что шум волн было слышно за две мили». Флот попал в шторм и потерял управление; Прежан де Биду спас свою галеру, пройдя через тысячу опасностей. Артиллерия утонула. Тем временем армия с трудом продолжала отступать. Пятнадцать кавалеристов, выбранных среди самых энергичных, были назначены оставаться в арьергарде — Пьер де Байард, его друг Беллабр, Пьер де Тард; вместе с ними в качестве поддержки маркграф Салуццо, Луи д'Эдувиль, Лафайет и двести кавалеристов. «Испанцы весьма сильно напирали на пятнадцать последних, принимавших натиск на себя». Когда под Байардом убили коня, маркграф Салуццо и сир де Сандрикур пришли ему на помощь и вызволили его. В ходе этого бегства совершались блестящие подвиги. Стюарт д'Обиньи, чтобы поддержать товарищей по оружию, вышел из Гаэты со всеми более или менее боеспособными людьми навстречу испанцам, «желая жить или умереть на службе королю». Последний бой продлился более часа. Байарду пришлось дважды менять коня; последний, на которого он сел, довез его до Гаэты и пал под ним. Когда жандарма Бернара Дессанона взяли

в плен, меч в его руке был «в крови, как мясницкий нож». Гонсало, придя в восхищение, просил его поступить на службу к испанскому королю, но тщетно.

Потеря Гаэты (январь 1504 г.)

Когда армия собралась в Гаэте, ее положение оказалось немногим лучше: крепости, очень сильной, не хватало провизии. Гонсало, неизменно благоразумный, счел бесполезным предпринимать осаду; он вступил в переговоры. Договорились, что французы сдадут город при условии, что смогут отступить по морю. Кроме того, испанцы должны были выдать пленников, взятых в ходе кампании 1503 г. Немало бойцов не переживут эти страшные события. Много командиров и солдат умерло в самой Гаэте, Лодовико Салуццо — в Генуе, Бернар Дессанон и многие другие — в Лионе.

Луи д'Ар в Неаполитанской области

Луи д'Ар, раненный в апреле в сражении при Чериньоле, добрался до Венозы, в то время как армия направилась к Гаэте. Долгие месяцы он оставался в глубине Апулии, в глубоком тылу противника. В то время он снова стал кем-то вроде командира большой роты или кондотьера, сражающегося за самого себя; но он сражался еще и за своего короля и сюзерена. Оставаясь «человеком» Людовика XII (в феодальном смысле слова), он был и «человеком» Луи де Линьи, владевшего землями в Апулии. В июне 1503 г. он укрепился в Венозе, призвал к себе французов, рассеянных

по местности, собрал шестьсот пехотинцев из всех стран и двести легких кавалеристов, которым платил сам, и решил держать оборону.

Партизанская война

Однажды со своим маленьким отрядом, двумя пушками крупного калибра и одной большой кулевриной он пошел в поход и захватил город Андрию. Но поскольку эти земли принадлежали Лины, он не стал грабить город; он провел там три недели, пока не кончилась провизия. Он узнал, потому что у него везде были лазутчики, что испанцы решили на него напасть; он умело использовал против них немногочисленную артиллерию, а потом атаковал их со своими пятью лейтенантами, командовавшими конницей: Сен-Суденом, де Шо, дю Брёем, Ле Груаном и Монтьё, «вполне уверенными, что не сделают ложного шага, какой мог бы стать гибельным». Он разгромил врагов, преследовал их больше двух миль и рассеял. «День и ночь он думал, как ему побить врагов и нанести им какой-то ущерб». Его включили в договор о капитуляции, подписанный французской армией в Гаэте; он отказался его признавать, заявив, что не был «при осуществлении этого дела, что если французы отправятся в безопасную землю, чтобы жить в свое удовольствие, он останется в воюющей стране, чтобы сносить страдания». В конце концов, он получил от Людовика XII приказ прекратить борьбу; он подчинился и пошел через Италию с четырьмя сотнями человек — триумфальный переход, во время которого французов встречали криками «Франция, Луи д'Ар!» Но подвиги такого рода не имели определяющего значения в политике.

Неаполь был потерян навсегда. В марте 1504 г. Людовик XII подписал перемирие с Испанией на три года. Он признал свершившиеся факты.

Причины поражений Франции

Людовик XII долго не прощал тех, кто был связан с этими событиями. Он отказался видеть большинство из них и не выпускал их за пределы Миланской области. В то же время он преследовал некоторых финансистов, совершивших злоупотребления; один из них был казнен. Ему следовало бы упрекать и себя самого, и своего министра Жоржа Амбуазского, поставившего стремление стать папой выше армейских операций, и политику, одновременно авантюристическую и робкую, и, наконец, «втягивание» в итальянские дела, столь запутанные. Во всех этих событиях, какое ни возьми, был один изначальный изъян: они не соответствовали реальным интересам Франции. Французские дипломаты и государственные мужи напоминали людей в лабиринте, которые на ощупь пробуют все пути, после того как свернули не туда на самом входе.

V. Попытка устроить франко-австрийский брак⁴²

Новый смысл Итальянских войн

После окончания Неаполитанской войны Италия осталась территорией, где сталкивались амбиции европейских стран, главным местом сражений между армиями; но саму по себе ее уже почти не принимали в расчет. Милан и Неаполь находились в руках иностранцев, Флоренция ушла на задний план, так же как Рим и Венеция, по меньшей мере до 1508 г. С другой стороны, успехи Карла VIII, а потом Людовика XII привлекли внимание других держав, прельщенных столь легкими завоеваниями. Поэтому в борьбу включилось больше участников, и в этих узких рамках, по-прежнему сохраняя видимость войн, ведущихся в Италии, стали разворачиваться европейские конфликты. Но еще некоторое время на сцену выходили не государства как таковые, а династии

⁴² *Auton, Jean d'. Chroniques de Louis XII / éd. publ. pour la Société de l'histoire de France par R. de Maulde La Clavière. Paris: H. Laurens, 1889–1895 и примечания де Мода.*

монархов — французские Валуа, австрийские Габсбурги и испанские Арагоны.

Во время военных событий 1501, 1502 и 1503 гг. европейская дипломатия не прекращала свои действия.

Политика Максимилиана

Политику Максимилиана определяло его тройственное положение — императора, суверена Австрии и князя Бургундии. Как император⁴³ он предъявлял притязания на Милан, на Верону, на Падую. Как представитель Бургундского дома он находился в довольно сложном положении, потому что его противником был собственный сын — Филипп Красивый, по титулу и по праву обладатель бургундских государств как внук Карла Смелого по матери, Марии. Максимилиан, правда, утверждал, что «отец, хранящий и завоевавший мечом страны и владения сына, по праву должен быть пожизненным узуфруктуарием оных»; однако такое требование ставило его во враждебное положение по отношению к сыну и особенно к фламандцам. В то же время, грезя о величии, он непрестанно мечтал предоставить сыну, а позже его потомству державу, которая бы распространялась на весь мир. Он был буквально одержим идеей объединить Испанию, Италию, Фландрию и Священную Римскую империю под одной властью.

⁴³ Или скорее как Римский король, потому что титул императора он принял только в 1508 г.

Филипп Красивый

Очень похоже, что Филипп Красивый, сеньор Нидерландов и Франш-Конте, супруг Хуаны Испанской с 1496 г., вел собственную политику. У него были вассальные обязанности перед французским королем за часть Нидерландов, и ему было важно их соблюдать, потому что согласие с Людовиком XII обеспечивало ему спокойное владение доменами, придавало определенную устойчивость его положению в отношениях с отцом и позволяло противодействовать его тестю Фердинанду Арагонскому, с которым он с самого начала спорил о потенциальном наследовании Кастилии.

Фердинанд Арагонский

Политику Фердинанда в большинстве случаев диктовала ситуация, которую создал его брак с Изабеллой Кастильской, почти такая же, какая возникла во Франции и Бретани в результате брака Людовика XII с Анной. Кому отойдет Кастилия после смерти Изабеллы, которая на два года старше Фердинанда? Испанское право предписывало, что владеть ею должна их дочь Хуана, а через нее — ее муж Филипп Красивый. Фердинанд использовал влияние, какое имел на жену, чтобы обеспечить обладание, или, по меньшей мере, управление Кастилией за собой. Но какая-нибудь ссора, перемена решения могли все разрушить, тем более что в Кастилии существовал очень выраженный партикуляризм. Было очевидно, что после кончины королевы возникнут большие трудности, и уже ожидание

их порождало бесконечные разногласия и озлобление в отношениях между королевской четой и Филиппом.

Партикуляризм монархов

В этой чисто персоналистской политике, сотканной из амбиций и семейных интересов, заключение браков было до 1508 г. осью, вокруг которой крутились все политические комбинации. Противоречие между династическими интересами и задачами монархов как глав государств объясняет одновременно непоследовательность их действий и мелочность в поступках.

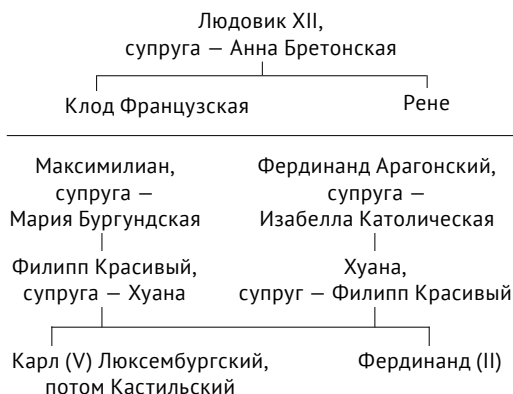
Эту противоречие можно обнаружить прежде всего в действиях Людовика XII и тех, кто его окружал. Король Франции оставался герцогом Орлеанским: он думал только о Миланской области, потому что она была наследием его собственного рода. Это не всё: он довольно легко допускал, что эти владения, для приобретения которых было потрачено много золота и пролито много крови его подданных, можно оставить в приданое его дочерям Клод или Рене и тем самым отдать территории во власть иноземцев. Знание о таком его умонастроении, возможно, поможет понять, почему он не боролся с партикуляристскими пристрастиями жены. Даже у главной фигуры в правительстве, у Жоржа Амбуазского, поскольку он мечтал о папском престоле, были частные интересы помимо французской политики, которой ему полагалось руководить.

Следствием этого была очень сложная дипломатическая игра, которую надо подробно из-

учить, потому что она много значила для людей того времени и представляет собой крайне характерную примету эпохи.

Проект франко-австрийского брака

В 1501 г. возникли матримониальные планы. К этому времени власть французов над Миланской областью оставалась шаткой, так как Максимилиан не дал бы им инвеституру; а обладание Неаполитанским королевством было под большим вопросом из-за происков Фердинанда, вызывавших все большую тревогу. Поэтому французское правительство задумало справиться с этими трудностями, предложив Максимилиану и Фердинанду в ближайшей перспективе передать оба этих региона под власть их внука, будущего Карла V, которому едва исполнился год. Договорились о браке между ним и Клод Французской, старшей дочерью Людовика XII, которая была старше его приблизительно на шесть месяцев. Клод получала в приданое Бретань, Милан и Неаполь, которые должны были остаться за ней, если у нее не родится брат.

Жорж Амбуазский в Германии

После этого решили, что от Максимилиана можно получить что угодно. В сентябре к нему был послан Жорж Амбуазский с миссией добиться «отправки грамот об инвеституре (на Миланскую область), в доброй и должной и пространной форме, для короля и его прямых наследников мужского пола, а в отсутствие таковых для госпожи Клод и монсеньора герцога Люксембургского (Карла)». В то же время он должен был просить об отзыве инвеституры, которую в свое время получил Лодовико. Его приняли очень торжественно, и 13 октября даже был согласован проект договора.

Филипп Красивый во Франции (ноябрь 1501 г.)

Чтобы более наглядно показать, что между монархами якобы заключено соглашение, в ноябре того же года во Францию прибыл эрцгерцог Филипп. Все очень удивились, что он приехал, не потребовав заложников ради своей безопасности; это было воспринято одновременно как проявление храбрости и как признак полнейшего согласия между всеми государями. Фауст Андрелин, один из «поэтов-лауреатов» французского двора, воспел это событие латинскими стихами в форме триумфальной песни. Уже повсюду считали, что воцарился мир.

Хитрость Максимилиана

Но Максимилиан был большой мастер изворачиваться. Когда посланцы короля в начале 1502 г. появились в Инсбруке, чтобы получить инвестицию, они узнали, что римский король пожалует ее, но «тайно у себя в покоях», по причине «большого крика, какой устраивают для него ломбардские изгнанники». Хоть Максимилиан и пригласил французского посланца, «чтобы откровенно заявить ему, что у него на душе», от прямых ответов он уклонялся; поэтому наш посол сообщал Жоржу Амбуазскому об «изменчивости, переменах во мнениях и непостоянстве человека, с которым мы должны иметь дело». Расстались «со всей сердечностью».

Попытка достигнуть соглашения с Испанией (январь 1503 г.)

Один Филипп Красивый продолжал играть свою роль мирного посредника; в январе 1503 г. он заявил, что имеет поручение и особую доверенность для того, чтобы провести переговоры о мире между Людовиком XII и Фердинандом и «поклониться в соблюдении такового и согласовать его, что подтвердит оной доверенностью, подписанной королем и королевой Испании». Но на сей раз он попросил заложников, к большому удивлению короля, «о чем многие думали что хотели». Соглашение было основано на двойном отказе обоих суверенов от прав на Неаполь в пользу эрцгерцога Карла и госпожи Клод. Его заключили в Лионе 5 апреля 1503 г. и отметили фейерверками, которые продолжались недолго,

потому что стало известно, что Гонсало отказывается признавать соглашение под тем предлогом, что «у него нет никаких писем от короля Испании».

Двуличная политика Людовика XII

Так накапливалось все больше двусмысленностей. Искренне не вел себя никто, сам Людовик XII, проводя переговоры о замужестве дочери, в то же время принимал меры, направленные против возможных последствий этого союза. Секретной декларацией, датированной 30 апреля 1500 г. в Лионе, он объявлял недействительным как противоречащее обещаниям, данным при посвящении в королевский сан, любое соглашение о браке его дочери с кем-либо другим, кроме Франциска Ангулемского, единственного наследника престола (он был потомком Карла V Мудрого по мужской линии), ведь у Людовика XII сыновей не было. Впрочем, это его обещание было ненадежным, поскольку рождение «сына Франции» могло и аннулировать по-настоящему опасные обязательства, принятые им. Но какой же своеобразной была политика, в которой судьбы великих держав зиждились на столь непостоянных основах!

VI. Договоры в Блуа

Несомненно, успокоив себя мысленными оговорками о посвящении в сан, а с другой стороны, подталкиваемый королевой Анной, замыслы которой помогал осуществлять кардинал Амбугазский, Людовик XII целиком посвятил себя матримонимальной политике. Едва оправившись от болезни, настолько тяжелой, что «некоторые думали, что ему пришел конец», он вернулся к проекту брака между Клод и Карлом.

Договоры в Блуа (сентябрь 1504 г.)

10 июля Максимилиан дал своим послам полномочия провести с Людовиком XII переговоры обо всех спорных вопросах, расхождении интересов, как на суше, так и на море; о вопросах, касающихся герцогства Миланского и плана договора, составленного в Тренто в 1501 г., и даже о неаполитанских делах. Он изъявил готовность сделать все, чтобы установить нерушимую дружбу между ним, суверенами Испании, эрцгерцогом Филиппом и Францией. Договоры, названные Блуаскими, были с ним подписаны 22 сентября. Первый договор: нерасторжимый союз между

Максимилианом, Людовиком XII и Филиппом, которые будут «не более чем одной душой в трех телах». Инвеститура не позже чем через три месяца на герцогство Миланское для Людовика XII и его потомков мужского пола или, при отсутствии таковых, для Карла Люксембургского и госпожи Клод. Не заключая сепаратного мира с Фердинандом или Федерико Неаполитанским в конфликте из-за Неаполя, король Франции обязуется в этом отношении согласовывать свои действия с Максимилианом. В договоре учитывались интересы итальянских союзников Людовика XII; его хранителями назначались курфюрсты Священной Римской империи, и допускалось, что его подпишет король Арагона при условии, что передаст Неаполитанское королевство под охрану эрцгерцога Филиппа до тех пор, пока сын последнего не вступит в брак. Второй договор: заключение брака между Карлом Австрийским и Клод Бретонской; супруги получают Бургундию, Милан, Геную, Бретань, графства Асти и Блуа, если король умрет, не оставив наследников мужского пола. Третий договор (секретный), в котором участвовал папа: план создания лиги против венецианцев, давно вызывавших раздражение у Людовика XII и Максимилиана.

Как ни старайся понять в истории всё, не удастся объяснить, по каким причинам, в расчете на какие материальные выгоды король согласился подписать подобные соглашения, а его советники — дать согласие на это. В этом можно видеть лишь следствие мономании Анны Бретонской и старческой немощи Людовика XII: отказаться не только от итальянских завоева-

ний, но и от Бретани с Бургундией, и это после того, как Карл VIII вернул или уступил Артуа, Франш-Конте, Руссильон! А что сказать о роли Жоржа Амбуазского и тех, кто в этой связи по-прежнему добавлял к своему имени «мудрый министр»?

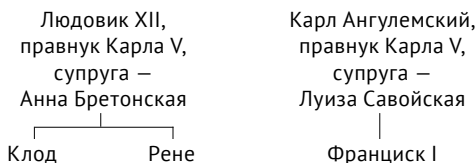
Соперничество Анны Бретонской и Луизы Савойской

Почти невозможно не признать, что в основе лежала давняя, хоть и скрытая вражда между королевой Анной Бретонской⁴⁴ и графиней Луизой Ангулемской⁴⁵, матерью Франциска. Две этих женщины, столь разные по духу и по характеру, ненавидели друг друга. Анна женским чутьем догадывалась, что соперница рассчитывает на лучшее будущее. Она страстно желала родить сына, но каждый раз надежда оказывалась бесплодной, несмотря на все новые беременности, и ее выводило из себя присутствие юного графа Ангулемского, назначенного наследника королевского престола. Перспектива брака дочери, Клод, с Франциском Ангулемским не слишком устраивала Анну, прежде всего потому, что ее настораживало полученное им воспитание, а также потому, что она хорошо понимала: после смерти Людовика XII все влияние приобретет мать ново-

⁴⁴ *Maulde La Clavière R. de. Louise de Savoie et François Ier, trente ans de jeunesse (1485–1515). Paris: Perrin, 1895.*

⁴⁵ Ее называют то Луизой Ангулемской, то Луизой Савойской. По воцарении Франциска I ее будут также величать «Мадам».

го короля, и герцогство Бретань не останется под властью ее дочери.

С подписанием Блуаских договоров Анна добилась огромных преимуществ. Поскольку ей разрешили утвердить брачный проект, 4 октября она поспешила поставить свою подпись. Потом она поехала праздновать в Париж, впервые устроив себе торжественный въезд. При ее проезде играли «новые комедии... весьма прославляя великолепие лилии (Франции) и высшее совершенство горностая (Бретани)»; ей преподнесли большой золотой корабль весом в шестьдесят марок; вокруг нее теснились принцы и «баронство Франции и Бретани». Но за этим триумфом последовало жестокое разочарование: 22 декабря стало известно, что королева не беременна, как она какое-то время думала. Луиза Савойская еще могла питать надежды на сына, которого называла «своим Цезарем».

Смерть Изабеллы Кастильской (ноябрь 1504 г.)

Едва были подписаны договоры в Блуа, как изменилась политическая ситуация, а тем самым и французская политика. 26 ноября 1504 г. умерла королева Изабелла Кастильская. А ведь она оставила управление Кастилией своему мужу Фердинанду Арагонскому, в ущерб доче-

ри Хуане и зятю Филиппу Красивому. Тем самым интересы Филиппа вошли в полное противоречие с интересами его тестя; он немедленно принял титул короля Кастилии. Французская дипломатия попыталась воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы одновременно извлечь из Блуаских договоров некоторые преимущества, какие те включали, и урезать обязательства, а позже даже и расторгнуть соглашения. Король отрядил к Максимилиану Жоржа Амбуазского «в сопровождении множества епископов и других церковных сеньоров, а также многочисленных дворян». Двадцать четыре лучника эскорта в своих окетонах несли по четыре тысячи экю, предназначенные для оплаты инвеституры на Миланскую область. 4 апреля 1505 г. в Хагенау Максимилиан ратифицировал Блуаские соглашения; 6 апреля кардинал принес оммаж и получил инвеституру. Людовик в качестве герцога Миланского обязывался отныне быть «верным и преданным слугой Римского короля, своего истинного сеньора, извещать его о заговорах, плетущихся против него, выполнять без обмана и мошенничества всё, что обязан верный князь». Вот еще один искусственно сохранявшийся пережиток феодализма.

Роль второстепенных государств

Некоторое время Филипп Красивый, монарх по сути без настоящего государства, станет определять политику двух великих держав или будет близок к этому. Вместе с ним, и в этом своеобразии истории XVI в., на сцену выйдут другие

князя, территории которых на европейской карте занимали очень мало места: суверены Наварры и беспокойные сеньоры, поведение которых в любой момент было непредсказуемым, — седанские Ла Марки и герцоги Гельдернские. Ла Марки непрерывно расширяли свои владения в Нижней Германии или в Нижней Лотарингии. Карл Эгмонт, герцог Гельдернский, постоянно воевал с Филиппом или Максимилианом, все время приращивая свою территорию за счет епископства Утрехтского, Оверэйсела, Фризии. Эти князья могли оказаться полезными для Франции в борьбе с противниками с севера.

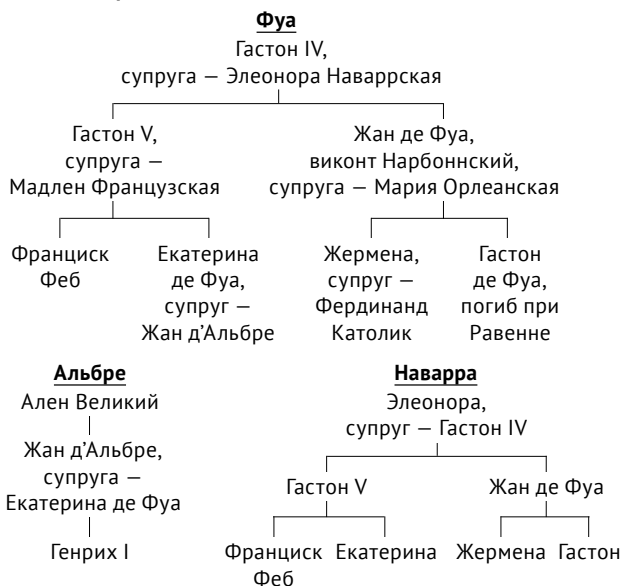
Наварра

На юге, между Францией и Испанией, в аналогичной ситуации находились Альбре⁴⁶. Ален Великий, глава этого дома, занял высокое положение на юге благодаря браку своего сына Жана д'Альбре с Екатериной де Фуа, наследницей Наварры, графств Фуа и Бигорр, Беарна и т. д. Он имел большое влияние на сына и невестку и фактически правил от их имени. Но ему и детям приходилось опасаться Франции и Испании, границы которых с их территорией постоянно были зыбкими, и бороться с притязаниями боковой ветви наваррского дома, Фуа-Немуров, которых пред-

⁴⁶ *Luchaire A.* Alain le Grand, sire d'Albret: l'administration royale et la féodalité du Midi (1440–1522). Paris: Hachette, 1877; *Boissonnade P.* Histoire de la réunion de la Navarre à la Castille: essai sur les relations des princes de Foix-Albret avec la France et l'Espagne (1479–1521). Paris: A. Picard et fils, 1893.

ставляли Жермена и Гастон де Фуа, племянники Людовика XII по их матери Марии. Последние, беспокойные и неуверенные в своих решениях, без конца переходили с одной стороны на другую, внушая тем самым подозрения обеим. Фердинанд закрепился на их территориях в силу ряда договоров 1494, 1495, 1496 гг., введя свои гарнизоны во многие крепости.

Альбре, Фуа, Наварра **Упрощенная генеалогическая таблица**

Приняв в начале царствования некоторые предосторожности, Людовик XII в 1503 г. вернулся к политике поддержки Немурской ветви; он возобновил тяжбу за графство Фуа в пользу Гастона. Его к этому подтолкнула жена, ненавидевшая Алена д'Альбре. Поэтому наваррцы снова обра-

тились к Фердинанду, подписав с ним 17 марта 1504 г. в Медине-дель-Кампо договор, обещавший Изабелле Австрийской, дочери Филиппа Красивого, руку Генриха д'Альбре, сына и наследника наваррских суверенов. Но чтобы не совсем оттолкнуть Францию, они предварительно испросили согласия Людовика XII, и он не смог им отказать.

Людовик XII, Фердинанд и Генрих VII (1505 г.)

Получив инвеституру на Миланскую область, Людовик XII сильно охладел к австрийским князьям и, напротив, все больше тяготел к Фердинанду. Сближение, как всегда, произошло посредством брака между французской принцессой и королем Испании, год как овдовевшим. После отказа Луизы Савойской, к которой обратились сначала, выбор Фердинанда пал на Жермену де Фуа; брак был заключен в октябре 1505 г. Стараясь приобрести союзников, французский король вступил в контакт и с Генрихом VII; опять же стали появляться проекты браков, разнообразие которых делало политику особо изощренной. Похоже, кандидатуры Луизы Савойской и ее дочери Маргариты одновременно или поочередно предлагались то Генриху VII, то его сыну, будущему Генриху VIII. Маргарита уклонялась от этих предложений; она говорила, что, «когда ее брат станет королем, она вполне найдет молодого, богатого и знатного мужа, не переправляясь через море».

Угрозы разрыва с Филиппом Красивым

Филипп Красивый, со своей стороны, старался укрепить власть над Кастилией и искал тесного союза с Наваррой. Это очень не нравилось Людовику XII, и он настраивал против Филиппа Гельдерн. Он требовал соблюдения регального права в графстве Фландрском в силу своего сюзеренитета, он желал получить компенсацию за афиши, оскорбительные для Франции, которые как будто там вывешивались. Его посланцы во всеуслышание говорили: «И мы требуем от Вас возмещения за обиды, какие Вы могли причинить и нанести королю». Перед угрозой войны Филипп отступил; в октябре он согласился выплатить требуемые компенсации, чтобы избежать «потери своих королевств».

VII. Расторжение франко-австрийского брака

Новая болезнь Людовика XII

В то время как создавались все эти комбинации, французское правительство сочло себя достаточно сильным, чтобы расторгнуть франко-австрийский брак. Об этом подумывали давно. Однако расторгнуть иностранный брак было недостаточно: надо было окончательно обязать Клод Бретонскую и Французскую вступить в узы единственного брака, совместимого с национальными интересами, — с Франциском Ангулемским. Людовик XII с этим смирился, но в начале 1505 г., в апреле, снова слег, «так что все думали, что ему конец». Д'Отон уверяет, что король «бредил», желая взять свой меч, чтобы вручить его дочери. Людовик как будто «говорил, что любой другой умрет, коснувшись его [меча]». В рассудке короля сомневались настолько, что дали ему просто палку. Об исцелении молились участники религиозных процессий; кардинал Амбуазский отправился молиться Богоматери в Клеры; Ла Тремуй принес обет Богоматери Льесской. Что касается поэтов на королевском жалованье, они проклинали или упоминали языческие божества: Смерть с ее

ным советом, куда наряду с королевой должны были войти Луиза Савойская, Жорж Амбуазский, Ла Тремуй, Роберте. Он запретил своей дочери Клод выезжать из королевства и оставил ей все частные владения Орлеанского дома, включая Блуа, Геную, Милан. Анна Бретонская, крайне раздраженная, покинула двор. 3 июня флорентийский посол написал: «Королева уже три-четыре дня как уехала в Бретань — говорят, затем, чтобы выполнить некоторые обеты, принятые во время болезни короля. Она вернется только через три-четыре месяца». Никто, конечно, не обманывался насчет этой поездки, которую услужливый прием бретонцев делал еще более показательной.

Король тем временем навестил в Амбуазском замке Луизу Савойскую и Франциска, которого увез с собой в Тур. Потом Совет озаботился гарантиями, что завещание будет исполнено. Капитаны тяжелых кавалеристов принесли письменную присягу в двух экземплярах, клянясь «проклятием своей души и своим местом в раю» служить Клод и Франциску «безо всякого исключения здесь и за пределами королевства». Кардинал безоговорочно поддержал новую политику. Филипп Красивый упрекнул его: мол, тот «очень странно и бесчестно изменил свою волю в его отношении». Но Людовик XII выразил ему полное доверие: «Учитывая великие заслуги кардинала Амбуазского, не щадившего ни своей особы, ни своего добра», он актом от 8 октября доверил ему «полное распоряжение особой герцога де Валуа» до его совершеннолетия.

Турские Генеральные штаты (май 1506 г.)

30 апреля 1506 г. посол Филиппа Красивого во Франции написал, что повсюду ходят слухи о скорой свадьбе Клод и Франциска. Но советники короля сочли, что надо прикрыться большим национальным мероприятием. Принцев крови, многочисленных епископов и архиепископов, сеньоров и баронов, делегатов парламентов, членов советов созвали в Тур вместе с депутатами от добрых городов и от университетов. Так были собраны «Турские Штаты».

14 мая они собрались в присутствии короля; депутаты от городов и прочие представители третьего сословия стали на колени, обнажив головы. Потом доктор Парижского университета Тома Брико изложил сомнения, недоумения, тревоги городов; он заявил, что страна горячо желает заключения брака между Франциском и Клод, чтобы королевские или герцогские имения не подверглись дроблению. Тогда депутаты пали на землю, «смиренно плача». Канцлер немедленно ответил, что это очень важное дело. 16 мая Штаты были официально извещены о совершении помолвки.

Помолвка Клод и Франциска

Торжественная церемония состоялась 21 мая; в зал собрания направились король и королева; госпожу Клод, которой было семь лет, внесла на руках госпожа де Фуа; потом свои места заняли герцог Франциск, которому было двенадцать лет, принцы и бароны. За ними последовали госпожа

Бурбонская (Анна де Божё), госпожа Ангулемская и «такая свита из дам и девиц, словно сюда переселилось женское царство». В присутствии всех «по мановению руки монсеньора Жоржа, кардинала Амбуазского и легата Франции», совершилась помолвка обоих детей. Наконец, 22 мая подписали брачные соглашения: брак совершится по достижении супругами зрелости; приданое Клод составят Блуа, Асти, Куси, Суассон, без учета королевского узуфрукта и с возможностью отмены в случае рождения ребенка мужского пола; Бретань тоже отходит будущим супругам, но королева Анна получит возможность распоряжаться ею для своего сына, если родит его. Поручкой исполнению договора, подписанного королем, скрепленного подписями высших сановников Франции и Бретани, служила клятва добрых городов. Ратификации испросили даже у Милана.

Раздражение Максимилиана

Между тем как фейерверки, поединки, турниры свидетельствовали о публично демонстрируемой радости, Анна «весьма досадовала на то, что делается», а Максимилиан и Филипп — того более. Людовик XII позаботился объяснить их послам, чтобы отменить обещания, данные насчет Карла Австрийского, что «короли Франции, достигая короны, дают столь сильную и нерушимую клятву, что всё, о чем они договариваются или что обещают после этого, не имеет никакого значения, хоть бы оно даже затрагивало благо и пользу королевства». Послы ограничились ответом, «что это странная новость ввиду заключенных и прежних договоров, каковые король клялся

и обещал выполнять», и посоветовали Филиппу уладить отношения с тестем. Филипп действительно примирился с Фердинандом Арагонским и не без иронии сообщил об этом Людовику XII; с другой стороны, 6 июня он заключил соглашение с Робером де Ла Марком. Людовик XII, со своей стороны, продлил союзный договор с Данией, укрепил связи с герцогом Гельдернским и «оказал до странного радушный прием Фердинанду».

Французское посольство в Германии (май–октябрь 1506 г.)

Однако он пытался избежать разрыва. 25 мая он отправил к Максимилиану посольство; его главой был сеньор де Рошешуар, а в качестве главного оратора при нем находился кардинал Дюпра. В Регенсбурге делегаты Людовика XII нашли представителей Максимилиана, который назначил им встречу в Каринтии. Рошешуар отказался, сославшись на то, что это далеко; добившись, чтобы аудиенция произошла в Линце, он приехал туда и оставался несколько дней, ничего не услышав о Максимилиане. В Граце, где последний ранее обещал, что будет находиться, посольство провело четырнадцать дней, «не слыша новых вестей». Римский король был занят борьбой с венграми и охотой на оленя! Рошешуар дал понять, что покинет Германию, «не сказав того, что ему поручено». Наконец договорились о встрече в Леобене. Дюпра произнес там прекрасную длинную речь на латыни, за которой последовала более задушевная, но безрезультатная беседа. Зато Генрих VII Английский любезно принял Клода де Сейсселя, отправленного к нему с официальным

посольством для объяснения причин брака. Сейсель произнес большую речь, которую опубликовал. Генрих VII ответил, что одобряет меры, принятые «без чрезмерной спешки».

Смерть Филиппа Красивого

Одно непредвиденное событие еще раз изменило направленность политики: 25 сентября 1506 г. умер Филипп Красивый. Оба его ребенка, Карл и Фердинанд, были еще малы. Людовик XII заявил, что «очень расстроен» смертью принца. Поскольку Фердинанду Католику следовало опасаться притязаний на Кастилию со стороны инфантов, поддерживаемых Максимилианом, он сохранил союз с Францией; впрочем, он дал понять, что после смерти зятя руки у него были развязаны.

Маргарита Австрийская

Но у Людовика XII появился новый и опасный противник, когда Максимилиан доверил опеку над юным Карлом и управление Нидерландами своей дочери Маргарите, бывшей невесте Карла VIII. У Маргариты не было причин любить Францию, которая в юные годы подвергла ее унижениям. Умная, энергичная, одновременно очень гибкая и очень решительная, она прекрасно умела пользоваться привилегиями своего пола: если к ней проявляли некоторую предупредительность, то она в отношении своих противников-мужчин не практиковала таковой. Впрочем, она была женщиной, способной «сцепиться» с Жоржем Амбуазским, прибегнуть как к лести, так и к «злым словам» и в конечном счете одурачить

его. По очень активной переписке, какую она вела с отцом, видно, что, внешне сохраняя по отношению к нему (не всегда) дочернее уважение и иерархическую почтительность, она давала ему советы, направляла его, сдерживала или подзуживала, смотря по обстоятельствам. Среди прочих средств воздействия на него у нее было одно, которое всегда срабатывало: надо было ссудить ему денег или побудить фламандцев сделать это.

Франция и швейцарцы (1506–1507 гг.)

Ничто не дает лучшего представления о постоянной враждебности между Австрийским домом и Францией или о приемах дипломатии того времени, чем действия, какие одновременно предпринимали оба государя в Швейцарии. Это было превосходное поле для публичных или скрытых переговоров, которое без конца и во всех направлениях пересекали официальные послы, тайные посланцы, вербовщики: у этих людей всегда были красивые слова на устах, чтобы польстить господам из кантонов, очень спесивым и очень обидчивым, а главное — деньги в руках, чтобы покупать совесть или солдат. После разрыва Блуаских договоров Людовик XII и Максимилиан удвоили усилия на территории «Лиг». 13 февраля 1507 г. Людовик XII решил набрать четыре тысячи наемников; он наткнулся на сильное сопротивление — стало известно, что он намерен использовать их для наступления на Геную, только что восставшую. А ведь этот город был имперской землей, и кантоны всегда заключали с королем Франции соглашения только «при условии

сохранения прав империи». Французские дипломаты вербовали солдат поодиночке; они даже заявляли в сейме, что швейцарские силы будут служить только в Миланской области и больше нигде. Но Максимилиан в свою очередь обратился к Конфедерации, и тон его был торжественным: «Конфедераты, вы — ближайшие родственники Священной Римской империи и германской нации, и вот по вашей вине король Франции близок к осуществлению своих замыслов!» Он потребовал от них отозвать свои войска. После этого Конфедерация или, скорей, отдельные кантоны сообразно своим привязанностям или чувствам стали то и дело задерживать выход своих солдат, разрешали им возвращаться, отзывали их. Эти колебания Людовик XII обратил себе на пользу: он пообещал двойную оплату, и большинство наемников остались у него на службе и были посланы даже против Генуи.

VIII. Восстание в Генуе и встреча в Савоне

Волнения в Генуе (1506 г.)

Дела в Генуе привлекали внимание всей Европы и могли иметь серьезные последствия для позиций Франции в Миланской области и в Италии. Город, который в 1499 г. передал себя под власть Франции, но в котором происходило жестокое соперничество между знатью и народом, в 1506 г. по инициативе народной клики попытался совершить внутреннюю революцию. Обе стороны поначалу обратились к Людовику XII. К сожалению, Равенштейн, управлявший Генуей от имени короля, показал себя очень нерешительным. Позже Людовик XII упрекнул его в том, что тот никогда толком не объяснял, «как идут дела в городе». Из-за его неловкости и неуверенности генуэзцы сочли, что французский король слишком слаб, чтобы действовать, и внутреннюю борьбу скоро сменило движение за независимость, направленное против Франции. Италия заволновалась; «многие мятежные города, даже в Миланском герцогстве, сочтя, что Генуя должна все смешать, в большом количестве послали туда солдат». Похоже, в Милане королевский наместник принял меры, соответствующие едва ли не осадному положению:

запретили ходить с оружием и выходить по ночам. Генуэзцы выбрали вождем Паоло да Нови и вскоре, в феврале 1507 г., открыто объявили себя противниками французского короля.

Подавление восстания в Генуе (апрель 1507 г.)

Узнав об этом, Людовик XII отправился в путь, вопреки мнению королевы, у которой это предприятие вызывало беспокойство. Жорж Амбазский, который все еще казался полезным советником и по-прежнему внушал королю полное доверие, был отправлен в Асти для организации приготовлений. Но о своем намерении вмешаться дал понять Максимилиан. Вместе с Юлием II они распустили слух, что цель экспедиции — завоевать Италию и подчинить Святой престол французскому королю. Людовик ответил, «что уже не остановится, но пойдет при оружии, так быстро, как сможет; и если кто бы то ни было станет у него на пути, желая помешать, он даст тому бой». Однако он принял некоторые меры предосторожности — послал герольда к Генриху VII, который заверил его в своей дружбе и одобрил его желание наказать генуэзцев. Он рассчитывал на Фердинанда, который действительно выслал четыре галеры.

Собрали четырнадцать тысяч пехотинцев, около девятисот тяжелых кавалеристов и мощную артиллерию. Дороги Дофине и Савойи покрылись молодыми дворянами, поступавшими на службу бесплатно, «полагая, что выйдут на смертный бой и заслужат честь». Двинулись на Геную. Несмотря на очень сильное положение города, опоясанного крутыми горами, ничто не выдерживало напо-

ра французских кавалеристов, при надобности спешивавшихся. Особенно отличались Ла Палис и Байард. В апреле 1507 г. генуэзцы были вынуждены сдаться на милость победителя.

Эффект, вызванный в Италии

Королевское правительство поспешило повсюду распространить эту добрую весть. Когда папа получил письмо короля, написанное из Генуи, он, говорят, после этого три дня не выходил из своих покоев. Король Арагона и Гонсало долго «не произносили ни слова». Такое же удивление и такую же досаду весть вызвала и в Германии. В самом деле, Людовик XII казался хозяином Италии, и ожидали, что он воспользуется своей победой. Он никак ее не использовал и постарался успокоить папу, по-прежнему склонного думать, что Жорж Амбуазский зарится на Святой престол. Даже с Генуей обошлись не столь строго, как можно было ожидать. После торжественного въезда по обычаям эпохи 11 мая обнародовали акт о помиловании. Генуэзцы выплатили двадцать тысяч экю. Потом Людовик XII совершил триумфальное путешествие в Миланскую область.

Позиция Фердинанда

В Милане он принял послов Венеции, поспешивших приехать на поклон, послов Флоренции, еще раз попросивших о помощи Франции против пизанцев, послов папы Юлия II, «принесшего все поздравления, какие люди этой нации привыкли приносить государям, имеющим в руках силу». Но важная встреча состоялась в Савоне — с Фердинандом. Она должна была укрепить в глазах всех

идею о политическом согласии королей. Чтобы лучше подчеркнуть ее характер, Фердинанд отказался останавливаться в Остии, где его ждал папа. Впрочем, его отношения с верховными понтификами осложнял неаполитанский вопрос, поскольку они предъявляли сюзеренные права на Неаполь. В позднейшем письме король Арагона упрекал своего вице-короля Неаполя за то, что тот не арестовал и не повесил папского гонца, который привез буллу с посягательством на его права.

Фердинанд в Савоне (июнь 1507 г.)

Людовик XII заявил, что готовится «радостно встретить Фердинанда»; тот прибыл с королевой Жерменой, несколькими придворными дамами и приблизительно с четырьмя сотнями дворян. Французский король был вынужден сократить свою свиту, поскольку Савона была слишком мала, чтобы вместить такую массу людей. В момент высадки Фердинанда он вышел навстречу последнему, и оба суверена «довольно долго» обнимались; Людовик XII предупредительно передал в руки Фердинанда ключи от Савоны, которые тот поспешил ему вернуть. На следующий день оба суверена общались с глазу на глаз, а потом присутствовали на мессе, которую служил легат. Позже устроили большой пир (ведь церемониальные обычаи никогда не менялись), на котором король Арагона занял почетное место, в то время как королева Жермена сидела рядом с Людовиком XII. Совсем рядом с ними сел Гонсало де Кордова, «державшийся с великой важностью». На другой день после ужина короли направились

в красивый сад, располагавшийся на террасе над морем. Людовик XII и его племянница Жермена сели рядом с окном, выходящим на рейд, и долго беседовали, между тем как Фердинанд разговаривал с кардиналом Амбуазским, а вокруг них, как на картине Веронезе, прохаживались самые знаменитые принцы и прелаты. Несмотря на все это, некоторая напряженность так и не исчезла. Французы были особенно недовольны молодой испанской королевой, которая вела себя высокомерно, сухо, не слишком учтиво.

Франко-испанское соглашение

В течение этих четырех дней обсуждали серьезные вопросы⁴⁸. Между государями состоялась дипломатическая беседа, а потом король Арагона и кардинал Амбуазский удалились в комнату, где провели «целых три часа или более». Пришли к согласию по первой статье, единственной, содержание которой тогда обнародовали: Фердинанд предоставлял в поддержку Людовика XII вспомогательные войска. Это говорило по меньшей мере о союзе против Максимилиана. Современники полагали, что эта встреча предвещает крупные события; но она только сохранила положение вещей на основе статус-кво. Это было немного.

Угрозы Максимилиана

Это не остановило Максимилиана; в мае в Констанце собрался рейхстаг. «Король Франции, — воскликнул он, — хочет похитить у германской

⁴⁸ См. *Maulde R. de. L'entrevue de Savone en 1507 // Revue d'histoire diplomatique. 1890 (4). P. 583–590.*

нации императорскую корону! Я намерен вести в Италию армию и короноваться там императорской короной; после этого я приложу все усилия, чтобы развеять надежды французов и изгнать их из Италии. Ради этого я взываю к вашему душевному величию, к вашей храбрости — к добродетелям, которые всегда были главными достоинствами немцев». Красноречие римского короля «пролилось во все сердца, подобно расплавленному золоту». Князья пообещали войска.

Максимилиан очень надеялся «доставить беспокойство» Людовику XII. Он вступил в переговоры с Венецией, отправил агентов в Швейцарию, но французские послы раздавали там деньги «на улицах, на перекрестках, в деревнях, в купальнях, на постоянных дворах, на рынках». Этой ценой французский король сохранил свои позиции, и швейцарцы послали его врагу только свои знамена, то есть просто-напросто свидетельство верности империи — верности, которая осталась бездейственной.

Поражение Максимилиана в Италии

Тем не менее, Максимилиан направился в Италию. В феврале 1508 г. он принял в Тренто титул императора, правда, папа его не короновал. А поскольку Венецианская республика отклонила предложения о союзе, которые он ей направил, он решил вынудить ее силой принять их. Но его войска были разбиты, и он вернулся в Германию. Ему недоставало ресурсов, коль скоро он написал Маргарите, чтобы она прислала ему в Мец десять тысяч флоринов золотом: «Мы потрати-

ли все наличные деньги, и нам придется искать денег в своих австрийских землях, откуда они придут не сразу». Маргарита хорошо знала, что из Австрии деньги не придут вообще. 6 июня Максимилиан подписал перемирие с Венецией, 13 июня — с Людовиком XII. Потом, в июле, одновременно с военными приготовлениями, которые обе стороны делали для виду, начались переговоры, которым предстояло через пять месяцев завершиться Камбрейским договором.

Бесплодность политики, проводившейся с 1500 по 1507 гг.

Подводя итоги десяти лет, прошедших после воцарения Людовика XII, замечаешь разительное несоответствие затраченных усилий и полученных результатов. Первым результатом королевской политики стал успех, которого добились энергичными действиями: была завоевана Миланская область. Но шесть последующих лет были отмечены почти исключительно ошибками или поражениями: неумело подготовленный союз с Испанией; поход на Неаполь, удачный, пока сражаться было не с кем, плохо управляемый и гибельный, когда появился серьезный противник. Планы, без конца перепутывавшиеся и мешавшие друг другу; зависимость армий и военных действий от смерти папы и амбиций кардинала, как в 1503 г.; потом работа гигантского дипломатического механизма, постоянно создававшего все новые комбинации династических браков; нескончаемая чехарда заключений и расторжений союзов между Испанией, Францией, Священной Римской империей; опасность, какой

было чревато само участие в столь рискованной политике, и неожиданные смерти государей, из-за которых одни сложные политические узлы на время развязывались, но возникали другие. Наконец, словно венец усилий обоих действующих лиц, императорская корона для Максимилиана и инвеститура на Милан для Людовика XII — два пустых титула!

Реальное значение фактов

Таким образом, эти годы можно было бы выбросить из истории, которую они не продвинули вперед ни на шаг. Следует ли сказать, что в них не было ничего интересного? Совсем наоборот. Дипломатический спектакль здесь следует воспринимать как представление, то есть как демонстрацию того, на что была направлена энергия той эпохи. Попытки что-либо совершить, даже неуклюжие, отражали состояние Европы в процессе ее формирования: она пребывала в движении, тратила избыток сил на осуществление замыслов, не заслуживавших этого. Но, если судить здраво, посредственной была политика, а не события. Или, скорей, люди того времени инстинктивно улавливали важные вопросы и преуменьшали их сообразно собственной несостоятельности. Ведь по существу Австрия, Испания и Франция, вступая в борьбу за Миланскую область или Неаполь, проявляли себя таким образом; возникла проблема равновесия между нациями. Франция при Людовике XII, неопытная во всех отношениях, осваивала политику, которую продолжит в борьбе с Австрийским домом.

Глава III

Коалиции

(1508–1514)

I. Лига против Венеции. — II. Аньяделло. — III. Смерть Жоржа Амбуазского. — IV. Священная лига. — V. Равенна. — VI. Два собора. — VII. Потеря Миланской области. — VIII. На сцену выходит Англия

I. Лига против Венеции

Венеция и Европа

В 1508 г. политические комбинации приняли новую форму. Борьбу между несколькими суверенами из-за Италии сменила попытка объединиться против одной итальянской державы, Венеции. Исходной точкой для этого было временное сближение между Францией и императором, которое превратило союз с Испанией из факта первостепенной важности во второстепенный факт. Неожиданным последствием этого станет выход папства из тени, в которой последнее до тех пор оставалось.

Венеция уже давно вызывала подозрения у великих держав. Расширение территории республики могло происходить только при помощи хитрой дипломатии, нескончаемого лавирования между интересами всех сторон. С тех пор как в 1501 г. в Тренто составили проект договора между Людовиком XII и Максимилианом, встал вопрос о действиях против Венеции; эта идея лежала в основе всех переговоров, и венецианское правительство отдавало себе в этом отчет. Чтобы избежать этой угрозы, оно, несомненно, рассчитывало на склонность Максимилиана затягивать

дела, на трудности, с какими сталкивалась политика Людовика XII, и на взаимное непонимание двух монархов.

Людовик XII упрекал республику в том, что она плохо выполняла союзные обязательства по договору 1499 г., что вела очень двусмысленную игру во время Генуэзского восстания; для него не было секретом, что она имеет виды на некоторые города Миланской области; нередко возникали и пограничные споры между обеими странами. Максимилиан ловко использовал недовольство Франции, чтобы втянуть ее в свои политические комбинации.

В августе Маргарита Австрийская писала Людовику XII: «Я приложу усилия и постараюсь вести дела столь искусно, чтобы, с Господней помощью, привести их к доброму завершению ради общего блага всего христианского мира, как я всегда желала и желаю». 22 ноября в сопровождении «440 верховых» в Камбре прибыл кардинал Амбуазский, облеченный «добрыми и достаточными полномочиями». В сходном же обществе в этот город, четко разделенный на два района, вступила Маргарита.

Камбрейский договор (декабрь 1508 г.)

10 декабря там были подписаны два договора. Император и французский король заключали меж собой мир, который должен был длиться, пока они живы, и год после смерти одного из них. Каждый включил в него собственных союзников, а именно папу, королей Англии, Венгрии, Араго-

на, а также Гельдерн. По настоянию папы между Максимилианом и французским королем следовало заключить союз для защиты христианской веры. То есть он должен быть направлен прежде всего против османов. Оба монарха обязывались предпринять поход на Восток, предварительно воззвав ко всем суверенам Европы, а если турки вторгнутся в христианские государства, все союзники «должны спешить туда как на пожар».

Но турки упоминались тут только для виду: христианская вера предполагала также сохранение прав и владений Святого престола. А ведь их узурпировали венецианцы, и император был настоящим «поверенным» папства. Обе договаривающиеся стороны создали против них специальную лигу, к которой примкнули папа, представленный кардиналом Амбуазским, и король Арагона. Предполагалось, что верховный понтифик наложит на Венецию интердикт. 1 апреля 1509 г. все союзники должны были вторгнуться на земли республики, и никто из них не имел права прекратить войну, прежде чем всем не вернут то, на что они претендуют: императору — Верону, французскому королю — Брешию, папе — Равенну, испанскому королю — Отранто и т. д. Хотя эти статьи и относились к секретному договору, они составляли главную суть соглашений.

Улаживание кастильских и наваррских дел

Поскольку арагонский король вошел в состав Лиги, договорились, что кастильские дела будут разрешены полюбовно. Они живо занимали им-

ператора и его дочь Маргариту. Каким будет статус юного Карла Австрийского после смерти его деда по матери Фердинанда Арагонского или даже при жизни последнего, не только в Кастилии, но и в Арагоне? Какое положение уготовят королеве Хуане и ее второму сыну Фердинанду? И главное, что будет, если арагонскому королю его жена Жермена родит сына? Чтобы добиться от Испании сотрудничества, Максимилиан согласился пока отложить все эти вопросы, но он помнил о них. Он счел нужным подключить к договору своих наваррских друзей, оговорив, что ни король Франции, ни Гастон де Фуа ничего не предпримут против них, во всяком случае в течение года. Людовик XII и Анна были настолько сердиты на наваррцев, что этот пункт едва не расстроил всё. В последний момент кардинал показал Маргарите «очень странные» письма, после чего она пригрозила покинуть Камбре. Кардинал был вынужден уступить.

Обязательства Максимилиана

В обмен на все эти уступки или обязательства Людовик XII добился согласия императора на расторжение франко-австрийского брака, на прекращение всех прежних ссор между австро-бургундским и французским домами, на обещание официально пожаловать инвеституру на Миланскую область, инвеституру, до тех пор остававшуюся неполной. Но обязательства, принятые Максимилианом, включали всевозможные оговорки. Инвеститура на Миланскую область предоставлялась только с момента, когда Людовик XII перейдет венецианскую границу, притом

что император брал отсрочку на сорок дней после 1 апреля 1509 г., чтобы собрать все силы. То есть он бросал французского короля вперед, оставаясь в резерве. Маргарита могла написать, что «надеялась угодить монсеньору и отцу — императору». Возможно, она даже была искренней, уверяя Людовика XII, что намерения ее отца, когда он составлял Камбрейские статьи, были самыми благими.

Смысл Камбрейских договоров

В самом деле этот договор был всецело выгоден императору, который мог только выиграть от борьбы с венецианцами и которому мир и союз с Францией или с папой давали возможности лучше охранять интересы Карла Австрийского в отношениях с Фердинандом. Что касается Франции, то помощь, какую она предоставляла своим новым союзникам для расширения их владений в Италии, Максимилиану — для достижения соглашения с королем Арагона, могла лишь ослабить ее могущество на Апеннинском полуострове. Правду сказать, настоящими политическими победителями были те, кто участвовал в этих переговорах лишь опосредованно, так сказать, укрываясь в полумраке — король Фердинанд и особенно папа Юлий II. Они оба могли только радоваться, видя, как Максимилиан и Людовик XII изматывают в Италии свои силы, в то время как они свои сберегают. Они уже намеревались вступить в игру в удобный для них момент.

Юлий II

Юлию II, папе с конца 1503 г., в 1508 г. было за шестьдесят пять, но возраст не ослабил его, и его страсти были более пылкими, чем когда-либо. Этот понтифик представляется чрезвычайно энергичным, неукротимым. Его портреты, особенно на фреске Рафаэля «Месса в Больсене», создают впечатление, что он был решительным и сильным. Взгляд у него сухой, глаза светлые, борода густая; сбритые усы открывают жесткие и тонкие губы. Этот удивительный человек, вспыльчивый, деспотичный, нечувствительный к опасности, созданный, чтобы повелевать как людьми, так и событиями, блистал даже в самых незначительных поступках. Несмотря на крайности, на какие его толкал темперамент, он имел ум гибкий, тонкий и в то же время обширный, живой и разносторонний. Как все люди того времени, он любил творения человеческого духа, но особенно искусство; он вносил в него пристрастие к великому, какое испытывал; он давал работу Микеланджело, Браманте, Рафаэлю, понимая их и даже побуждая их гений к высочайшим свершениям. Звание «лучшего папы века», каким облекли Льва X, ему подходит намного больше.

Роль Юлия II

Юлий II был в большей мере политиком, чем государственным деятелем. Прежде всего, он любил заниматься политикой как таковой, рассматривать планы, строить комбинации. Одновременно с политикой или дипломатией он любил и войну. «Что ты говоришь мне о книгах? — сказал

он Микеланджело, ваявшему его статую. — Дай мне меч!» Он лелеял прежде всего один замысел — отвоевать церковные провинции, сделать нерушимой светскую власть Святого престола. Для борьбы с Венецией, казавшейся ему слишком сильной, он позвал иностранцев. Потом он пытался столкнуть их между собой, и опять-таки скорее чтобы обеспечить величие Святого престола, чем чтобы освободить другие государства Апеннинского полуострова. Юлий II был патриотом Папского государства, а не Италии. И потом, большое место в его жизни надо отвести стремлению к личному величию, желанию господствовать, особому чувству, побуждавшему его вмешиваться в события или посредничать между людьми, чтобы подчинять или направлять их. В результате ему постоянно казалось, что нечто важное происходит без его участия. Он хотел, как говорил один посол, быть «*il signore e il maestro del gioco del mundo*»⁴⁹.

Оценка его политики

Поэтому, признавая такие его высочайшие достоинства, как энергия и непримиримое упорство, следует задаться вопросом: не было ли его политическое видение слишком мелочным? Не диктовались ли его замыслы мелкими амбициями или слепой ненавистью? Не пускал ли он в ход очень сложные комбинации просто-напросто затем, чтобы отнять у венецианцев Равенну или отомстить Жоржу Амбуазскому, которого не любил? Бесспорно, он более, чем кто-либо другой,

⁴⁹ Господином и мастером мировой игры (*um.*).

способствовал разжиганию воинственных страстей во Франции, в Германии, в Испании, в Швейцарии и не сумел (а ему следовало бы это предвидеть) не дать им обратиться против Италии. Он был одним из тех, кто подготовил появление Карла V — Карла V разграбления Рима, Карла V Болонского договора. «Италия, — сказал Виллари, — стала полем великих битв и в конечном счете была ввергнута в фатальные авантюры».

II. Аньяделло

Общественное мнение в Европе

К началу 1509 г. в Европе все пришло в движение — дипломатия и войска. 26 ноября 1508 г., возложив одну руку на крест, а другую — на статьи договора, лежащие на алтаре, Максимилиан поклялся перед епископом Парижским и графом Карпи соблюдать Камбрейский мир. Людовик XII совершил такую же церемонию; кардинал Амбуазский приложил «все усилия, какие мог, дабы дать своему повелителю знать» о превосходных намерениях императора. Папа по-прежнему медлил: он примкнул к союзу лишь в марте, а наложил на Венецию интердикт только в апреле 1509 г. Члены коалиции старались приобрести новых союзников в других местах, даже в Венгрии — впрочем, безуспешно. В Швейцарии распространился слух, что Камбрейский пакт направлен столько же против Конфедерации, как и против Венеции, и Национальное собрание объявило, что правительства кантонов не должны выпустить ни одного наемника.

Людовик XII в Италии

Людовик XII оказался готов первым, как он и обещал. 13 апреля 1509 г. Милан покинул герольд Монжуа в сопровождении трубача и направился

в Венецию, чтобы по принятому обычаю объявить войну. Король перешел Альпы 16 апреля. Как всегда, фигурой первостепенного значения при нем был кардинал. Страдая от подагры, он велел нести себя через Альпы на носилках. Он, по словам Жана д'Отонна, более чем кто-либо, хотел содействовать «предприятию, каковое он советовал совершить и о каковом вел переговоры, ради чести короля и королевства и всего христианского мира, даже Святого апостолического престола». Вместе с ним двигалось великое множество кардиналов, епископов, служителей церкви, образуя кавалькаду более чем в триста лошадей.

Национальная пехота

В составе армии был один отчасти новый элемент — национальная пехота. Людовик XII, как уже до него Карл VIII, часто применял в боях швейцарских солдат, но в конечном счете устал от их требований и недисциплинированности. И потом, как бережливый монарх, он находил, что они очень дорого обходятся. 12 января 1509 г. он издал ордонанс, вводивший набор пехотинцев во Франции и устанавливавший правила их использования⁵⁰. «Все оные капитаны (пехотинцев)

⁵⁰ Инициатором этой меры был маршал де Жье, который еще при воцарении короля советовал ему «взять на службу людей из своего королевства, как пехотинцев, так и дворян, и созвать свой бан и арьербан, к помощи коего не прибегали уже лет двадцать или двадцать пять». Он еще раз воспроизвел эти мысли во время Неаполитанской войны, в 1503 г. Он предложил набрать в королевстве двадцать тысяч

возьмут только добрых воинов, которые могли бы хорошо служить оному сеньору. После того как оные воины будут набраны, оные капитаны будут ими командовать и вести их, не покидая, и не потерпят, чтобы они грабили... и будут отвечать за их жизнь... Когда же состоится смотр пехотинцев, капитаны дадут комиссарам клятву, что не будут устраивать подложных смотров и не представят лиц, о каковых достоверно не знают, что те служили и пребывали на службе в то время, за которое им будет произведена оплата». Это были правила, введенные в XIV в. для жандармерии, но теперь их применили к пехоте.

арбалетчиков, лучников или копейщиков и дополнить эту меру составлением списка фьефов с указанием, какой воинский контингент можно требовать с каждого. Рекрутировать пехотинцев предполагалось в первую очередь в землях Нормандии, Пикардии, Анжу, Мена, Шампани, Дофине и Гиени, откуда до этого поступало больше всего добровольцев. Начали даже рассылать требования бальи. В Пикардии отобрали четыреста-пятьсот человек.

Успеха этого начинания не допустил кардинал Жорж Амбуазский. Возможно, и дворян встревожили эти планы, направленные на то, чтобы поставить на учет все военные силы королевства и жестко связать их со службой в арьербане. Впрочем, реформа военной организации перестала быть срочной, поскольку с 1504 г. несколько лет не столько воевали, сколько вели переговоры. — Текст ордонанса 1509 г.: *Mailles J. de. La très joyeuse, plaisante et récréative histoire du gentil seigneur de Bayart / composée par le Loyal Serviteur; publ. pour la Société de l'Histoire de France par M. J. Roman. Paris: H. Loones, 1878.*

Командиры

Чтобы командовать этими бандами, король выбрал прославленных капитанов из числа капитанов жандармских. Он формально оставил за ними должности командиров прежних рот, но хотел, чтобы в действительности они командовали пехотой, тем самым повышая ее престиж в глазах общества. Он обратился к Молару, Франсуа де Дайону, Галле д'Эйди, Ла Кропту, Ванденессу, Байарду. «Байард, — сказал он, — я хочу, чтобы в этом походе, притом что я даю Вам роту (тяжелой кавалерии) капитана Шателара, который, как мне сказали, умер, под вашим началом были бы пехотинцы, а ваших кавалеристов поведет ваш лейтенант, капитан Пьерпон, человек весьма достойный». Новые командиры должны были принести особую присягу, что будут выполнять январский ордонанс. Существует текст этой присяги, который 15 января подписали Галле д'Эйди, Дайон, Байард, Молар.

Под началом капитана пехотинцев находились, как правило, тысяча или пятьсот человек. Нанимали жителей Ле Мана, лимузенцев, гасконцев, нормандцев. С тех пор численность французов в королевских войсках стала превосходить численность иностранцев, хотя от найма воинов за границей так и не отказались.

Тем не менее блестящая и решающая роль осталась за тяжелой кавалерией. Среди ее командиров можно найти имена, самые громкие во Франции или в Италии, — Шомон Амбуазский, Ла Палис, Шарль де Бурбон, Ла Тремуй, Тривульцио, Сансеверино.

Аньяделло (май 1509 г.)

У венецианцев было около 40 тыс. бойцов и «столько артиллерии, причем такой прекрасной, что больше такого никогда не видели». Их боевой клич звучал так: «Италия и свобода!» Решительное сражение было дано при Аньяделло на реке Адде. Французская армия переправилась через реку, и король разбил лагерь на левом берегу, напротив лагеря венецианцев, после чего четыре дня прошли в артиллерийской перестрелке и в вылазках тяжелой кавалерии. Потом, 14 мая, почти неожиданно завязался бой. Один из венецианских командиров, Питильяно, к тому времени уже начал отступление, другой же, Альвиано, был больше склонен к авантюрам. Брантом о нем сказал, что он первым изобрел «рейды и кавалькады с участием многочисленных воинов весьма далеко в лагерь и расположение врага». При Аньяделло он, очевидно, счел возможным внезапно напасть на неприятеля, двигавшегося неравномерно, и его дерзкий план едва не увенчался успехом. Он ринулся на авангард и потрепал его достаточно сильно, чтобы пришлось вводить в бой ядро королевской армии. Но остальная венецианская армия не поддержала Альвиано, и тот изнемог в борьбе с превосходящими силами французов. Венецианские силы были расстроены, и достигнут гигантский моральный эффект. Казалось, Венеция обречена: король продвинулся до Брешии, до Пескьеры, замок которой взяли за шесть часов. Людовик XII по-прежнему практиковал систему террора, какую ввел в начале войн. «Несколько мужланов из замка Караваджо про-

верили на себе, что крепче — их шея или зубец стены; это сильно устрасило тех, кто находился в других крепостях».

Промедление Максимилиана

Но король был вынужден остаться на три недели в Пескьере, дожидаясь Максимилиана. Уполномоченные последнего, не жалея сил, торопили его; «все его благо, честь и возможности вашего дома зависят от этого, — писали они Маргарите Австрийской. — Королю Франции довольно, чтобы он (император) нынче выступил в поход; вы ссылаетесь на то, что не вся его армия готова, тогда как ему нужно взять всего лишь голубятню». Ничто не помогало, император не появлялся. Тогда король вернулся в Милан. Потом он уехал в Гренобль, чтобы встретиться с королевой, и супруги радостно приветствовали друг друга.

Тем не менее, можно было надеяться, что дело пойдет само собой. Крепости сдавались без единого выстрела, и французам оставалось только назначать в них охрану или передавать их императору: так произошло с Тревизо, с Падуйей, с Вероной.

Политика Венеции

Эти легкие успехи объяснялись тем, что республика не оказывала сопротивления. Она предпочитала переговоры. Она освободила своих подданных на Терраферме от присяги себе на верность, вернула папе города Романьи, а королю Фердинанду — города Неаполитанской области. Тем самым она обеспечила себе как минимум их нейтралитет и сосредоточила войска в своих

лагунах, зная, что там ее позиции неприступны, хотя Максимилиан, постоянно выдвигавший все новые планы, предлагал Людовику XII направить против нее мощный флот. Но почти внезапно ситуация переменялась. Горожане Тревизо изгнали войска Лиги; в июле венецианцы отбили Падую. Когда император наконец решил появиться в Италии, крестьяне области Виченцы начали против него партизанскую войну. Атаковав несколько дней Падую, он довольно жалким образом снял осаду, по своему обыкновению осыпав упреками Фердинанда и Людовика XII, а также Ла Палиса, командовавшего в то время армией. Но в 1510 г. Шомон вновь перешел в наступление, заявив, что за пятнадцать дней захватит земли, на которые имеет права император, при одном условии — что тот появится в Италии. Максимилиан ограничился заявлением, что в Вероне у него девять тысяч пехотинцев и три тысячи кавалеристов, но возглавить их не пришел.

Самоустранение Максимилиана

Как объяснить эти промедления императора, за которые над ним смеялись или его упрекали все, даже его уполномоченные? Один из них в постскрипуме к письму (с настоятельной просьбой сжечь это письмо) писал: «Не знаю, из-за какого черта все идет так плохо, я проклиная его долгие запаздывания, которые так затягиваются... другого писать не хочу». Людовик XII говорил об императоре довольно пренебрежительно, один флорентийский посланник утверждал, что «рассчитывать на него — все равно, что спорить о святой Троице». Одной из причин пассив-

ности Максимилиана было отсутствие у него денег. В мае 1510 г. он взял в долг 32 тыс. дукатов под залог Вероны и Леньяно. Он называл себя *exhaustus* (опустошенным). Но для его проволочек надо искать и более глубокие причины.

Отношения Максимилиана и Людовика XII (1509–1510 гг.)

И прежде всего в его отношениях с французским двором. При этом не было таких знаков любви, на какие бы скупились: Людовик XII, принимая оммаж за графство Шароле, который кардинал Гаттинара принес ему от имени Маргариты Австрийской, заявил, «что предпочел бы получить поцелуй (оммажа) от самой принцессы». Маргарита написала королю «собственноручное письмо, чтобы утешить его в болезни», а другое — кардиналу, страдавшему подагрой. Однако за всей этой благообразностью то и дело обнаруживались несогласия. Еще в июле 1509 г. встреча, которая должна была произойти между двумя монархами, чтобы они согласовали итальянскую политику, не состоялась «по вине дьявола». А когда венецианцы в ноябре 1509 г. послали в Мантую делегатов и те договорились там с представителями императора — позволить это Максимилиана тоже подтолкнул дьявол? «Было бы лучше, — говорили его собственные чиновники, — чтобы послов Венеции не принимали. Следуя нашим гибельным путем, мы только теряем репутацию и губим свое дело». Все это объясняет, почему Франция держала про запас вопрос Гельдерна: при необходимости герцога можно было бросить против Германии. Несмотря на переговоры, пред-

принятые в 1510 г., огонь возможной войны продолжал тлеть. Максимилиан, со своей стороны, не лишал покровительства суверенов Наварры.

Отношения Максимилиана и Фердинанда (1509–1510 гг.)

Контролировал ситуацию испанский король, потому что присоединение к Камбрейскому договору его мало к чему обязывало, и исход дела в пользу или в ущерб Венеции зависел от того, применит ли он оружие или воздержится. Поэтому вопрос Кастилии, по-прежнему остававшейся предметом спора между ним и обоими эрцгерцогами, Карлом и его братом, постарались уладить к его удовлетворению. Миссию арбитра принял на себя Людовик XII, и легат приложил все усилия, чтобы примирить обоих соперников. В конечном счете подписали новый союзный договор, в который вошли император, Фердинанд, Людовик XII, папа, король Англии. Этот договор воспроизводил обязательства, принятые в Камбре. Послы Максимилиана подчеркивали, что в настоящий момент для него сложилось трудное положение. Гаттинара в секретном письме писал: «Уверяю вас, что он никогда не имел ни столь низкой, ни столь жалкой репутации и его дело не оказывалось в столь большой опасности». Пытаясь разрешить ситуацию, Франция осталась ни с чем.

III. Смерть Жоржа Амбуазского

Двуличие Юлия II

Папа дурачил Францию уже давно. Юлий II принял депутатов от Венеции еще в июле 1509 г. После того как республика вернула Святому престолу свои завоевания в Романье, а также обязалась отказаться от всякого права назначения на церковные должности, от обложения духовенства налогом и от запретов, сковывавших деятельность папских коммерсантов в Адриатическом море, папа «собственными устами» предложил отпустить ей грехи на заседании консистории, состоявшемся в феврале 1510 г. Против высказались только кардиналы Германии и Франции. 24 февраля был снят интердикт. Это означало разрыв с Камбрейской лигой. Его инициатива исходила от великого понтифика, и этот разрыв знаменовал его настоящий выход на сцену.

Смерть Жоржа Амбуазского (май 1510 г.)

Почти тогда же не стало кардинала Амбуазского — он умер в Лионе 25 мая 1510 г. Болезнь уже давно предвещала это событие. Все письма конца 1509 г. и начала 1510 г. полны новостей о его

здоровье, состояние которого часто тормозило важные дела, даром что вместо него уже назначили Роберте и Дю Бушажа. Похороны ему устроили необыкновенно пышные; тело перевезли из Лиона в Руан в сопровождении гигантской процессии из сеньоров, чиновников, монахов, священников. Однако падение его семьи, ради возвышения которой до высших должностей он приложил столько труда, было внезапным и глубоким. Когда в феврале 1511 г. умер его племянник Шомон, из членов его династии остались одни неизвестные особы, которые поделили богатства, оставленные им, но сами остались на заднем плане. Неизвестно, вызвала ли его смерть искренние сожаления, как у короля, так и у его окружения. Агент Маргариты Австрийской, сообщая ей эту весть, добавил: «Мне кажется, Вам стоило бы написать мне письма для короля, чтобы утешить его в связи с этой кончиной, и послать какой-нибудь подарок г-ну казначею Роберте (он заранее позаботился намекнуть, что это человек практичный)», уже назначенному преемником кардинала. Что касается папы, то он, по словам Бембо, очень радовался смерти кардинала, что ничуть не должно удивлять.

Его роль во Франции

С 1498 по 1510 г. Жорж Амбуазский играл в государстве очень значительную роль. В этом сходятся все свидетельства — письма послов, которых непрестанно занимало, что думает, что говорит, что делает кардинал, рассказы или намеки хронистов, постоянно, почти в одних и тех же выражениях, возвращавшихся к мысли, что мне-

ния этого конфидента *управляют* королем. Его положение архиепископа, кардинала, легата *a latere* [со стороны папы] добавляло к этому политическому влиянию весомость церковных титулов, в то время столь внушительных для общественного мнения; «Ipse est vere rex Franciæ»⁵¹, — писал один современник.

Его политика

Не менее значительное место кардинал занимал и в Европе. Он был *par excellence* поверенным по итальянским делам. В Милан он вошел в первый же день одновременно с Людовиком XII и с тех пор побывал там много раз; в дипломатическом смысле он там почти натурализовался. Создавалось сильное впечатление, что он ведет две политики — министра и кардинала, иногда сочетавшихся, часто мешавших одна другой; первая была направлена на то, чтобы поддержать амбиции Людовика XII, вторая — чтобы содействовать его собственным притязаниям на папский престол. Пытаясь добиться успеха, сначала он решил заключить союз с императором; но права сюзеренитета, какие империя имела на Милан, давали возможность лишь для кажущегося союза, а при австро-бургундском императоре миланский вопрос дополнительно осложняло присутствие бургундского. В этой ситуации ему пришлось искать противовес в другом месте, и поначалу он счел, что нашел его в особе Филиппа Красивого. Когда эта комбинация развалилась из-за безвременной смерти последнего, он обратился к Фердинанду

⁵¹ Это настоящий король Франции (*лат.*).

Арагонскому; это был очень неосторожный шаг, усиливавший уже не князя без собственной страны, а главу могучего народа. Потом он вернулся к императору. Итогом всей этой политики нестабильного равновесия стал Камбрейский договор. Кардинал задумал его, не сводя глаз с Италии; он пожертвовал всем ради союза с империей, питая странную иллюзию, что может его усилить за счет подключения арагонского короля и папы, которых, несомненно, воспринимал как легко управляемых статистов! Ведь среди всех этих проявлений недостаточной проницательности надо отметить, что он ни о чем не догадывался в отношении Юлия II.

Оценка его политики

Следовательно, его политика была неудачной — неверной в принципе, плохо организованной в плане комбинаций. В лучшем случае можно сказать, что он исключительно легко варьировал средства. Большую силу ему придавал, несомненно, авторитет, и его достоинством была несомненная уверенность в себе, благодаря которой он обладал такой чертой характера, лучше всех компенсировавшей ошибки, как решительность. «Полагаясь на свои силы, — пишет Гвиччардини, — он смело брался решать вопросы самостоятельно, и эти качества не встречаются ни в ком из тех, кто позже был его преемником». Вот, можно сказать, верное суждение о его роли и о последствиях его смерти.

Что касается самой сути вещей, то не слишком заметно, чтобы эта смерть что-либо изменила. Еще до 25 мая спасение Венеции уже не мог-

ло вызывать сомнений: папа во всем действовал против Франции, Испания и швейцарцы относились к ней все хуже, Англия была недоброжелательна, а Австрийский дом, хоть и понес, по словам одного посла, «большую потерю» со смертью кардинала, еще до нее плел против французов подозрительные козни. Сложилась крайне неясная ситуация, вредная и опасная для Франции. Что сделал бы Жорж Амбуазский, чтобы нейтрализовать эти события во всё более усложнявшихся обстоятельствах, если он не смог не допустить их в момент наибольшего успеха, достигнутого королем?

IV. Священная лига

Политика Юлия II

В 1510 и 1511 гг. в европейских делах царила полная путаница. Но Юлий II начал принимать над ними руководство, и вся его политика была направлена против Франции.

Он использовал последствия своего примирения с Венецией с методичностью, при которой даже задержки способствовали осуществлению хорошо продуманных комбинаций. Он безоговорочно предоставил Фердинанду Католику инвеституру на Неаполитанское королевство и тем самым добился, чтобы тот объявил о своем нейтралитете и пообещал, что может примкнуть к Священной лиге. В Англии в 1509 г. умер Генрих VII, и его сменил его сын Генрих VIII. Новый король поспешил показать себя; он был умным, просвещенным, осторожным и жаждал скорей блеска, чем славы; враги Людовика XII находили в нем сочувствие. Папа поторопился повлиять на него.

Швейцарцы

Уже давно начались переговоры со швейцарцами. Среди них преобладали следующие настроения. Прежде всего, раздражение — особенно оно

чувствовалось в среде крупной буржуазии, вызванное милитаризмом и наемничеством: в январе-феврале 1510 г. собрание Швица приняло решение подвергнуть смертной казни и конфискации имущества любого дворянина или простолюдина, замеченного в вербовке солдат за чужой счет. Потом — очень ощутимое недовольство Францией, смешанное со страхом и завистью. Наконец, недоверие к Австрийскому дому. Несмотря на все это, Национальное собрание участвовало в многочисленных переговорах. Людовик XII обнаруживал очень мало проницательности. Он не хотел больше «позволять жалким мужланам обирать себя» и начал формировать национальную пехоту. Он ограничивался тем, что предлагал наемникам довольно скудные суммы денег, как во времена, когда к Швейцарии не обращались со всех сторон. Максимилиан был, несомненно, более ловким, так как в начале 1511 г. добился соглашения, обеспечивавшего ему поддержку швейцарцев если не в Италии, то по меньшей мере в герцогстве Австрийском и во Франш-Конте — последнее обстоятельство для Франции было достаточно неприятным.

Маттеус Шиннер

Папа добился успеха уже намного раньше. Он сделал проводником своих интересов одного из тех людей, которые, не располагая материальными средствами воздействия, иногда предрешают ход событий благодаря исключительному влиянию собственной сильной личности. Епископ Сионский Маттеус Шиннер отличался энергичным нравом, цельным характером, стремлением

возвыситься и сыграть видную роль, изобретательным умом, беззастенчивостью; все это он поставил на службу Святому престолу. Он стал в полном смысле слова помощником Юлия II.

Швейцарцы на службе папы (март 1510 г.)

В заслугу папе и его агенту можно поставить то, что они решительно приступили к обсуждению вопросов с Конфедерацией. «Папа, желая оборонить церковь от смутьянов, ищет помощи и поддержки у господ конфедератов». Всякий раз, когда римская церковь, ее глава, ее служители или ее владения окажутся под угрозой, кантоны должны были посылать шесть тысяч человек на службу его святейшеству. Взамен папа ставил их под защиту своего духовного оружия. Это, разумеется, не мешало договариваться по конкретным материальным вопросам — о ежегодном жаловании, либо кантонам, либо завербованным. Соглашение было подписано Национальным собранием 14 марта 1510 г. Швейцарцы на шесть лет станут врагами Франции.

Союз швейцарцев с папой тоже переживал конфликты, зачастую бурные⁵². После каждого поражения или каждой задержки жалования военные начинали творить ужасные бесчинства. В 1511 г. сам Шиннер, которого повсюду преследовали солдаты, был вынужден на некоторое время укрыться в лесах Граубюндена. В то время

⁵² Обо всех этих фактах см. *Kohler Ch. Les Suisses dans les guerres d'Italie de 1506 à 1512. Genève: J. Jullien, 1896.*

Юлий II вел резкие разговоры с делегатами кантонов. Они обвинили его в том, что попали из-за него в сложное положение. Он говорил с ними свысока. «Вы совершили там поступок не только неосмотрительный и кощунственный, но еще и глубоко оскорбительный. До какой вы дошли дерзости и насколько забылись, что посмели притязать на роль посредников между Римом и королем Франции, между тем как забота о нашей чести подобает высочайшим по положению государям, которые нам ежедневно предлагают свои услуги?» И он добавил: «Будь у меня полный зал дукатов, и этого бы не хватило, чтобы утолить непомерные притязания ваших наемников». Несмотря на все столкновения, союз выстоял.

Швейцарцы в Италии

Между тем Камбрейская лига практически распалась, а швейцарцы, Испания, Англия, Венеция и многие итальянцы начали объединяться вокруг Юлия II, в то время как Максимилиан и Людовик XII сохранили свой союз. Как часто бывало в ту эпоху, между князьями начались опосредованные враждебные действия, между тем как официально они еще считались союзниками. Не желая открыто начинать войну, Юлий II в августе 1510 г. нашел способ ввести в Италию швейцарцев — под предлогом нападения на герцога Феррарского, союзника Франции, но позаботился заявить, что не посягнет на Миланскую область. Опасность, тем не менее, выглядела очевидной. Максимилиан, чувствуя, что в Италии ему угрожают не меньше, чем Франции, не скрывал гнева. Он называл швейцарцев «торгашами, у которых

нет ни веры, ни верности». Швейцарская армия попыталась выйти к Брешии, не пересекая границы Миланской области. Потом, внезапно и без видимых причин, захватчики вернулись по своим следам в Беллинцону; в сентябре огромное большинство их возвратилось в Люцерн.

Собрание духовенства в Туре (1510 г.)

К тому времени скрытые конфликты между Юлием II и Людовиком XII перешли в открытые столкновения, но пока без формального объявления войны. Людовик XII, которого очень смущали перспектива бороться с папой и упреки королевы Анны, решил посоветоваться с духовенством Франции. Прелаты, собравшиеся в Туре, заявили, что король вправе сражаться с верховным понтификом ради безопасности государства и союзников, что никакое отлучение Людовика XII, вызванное этой войной, не будет действительным и никак не скажется на королевстве и что, если папа не пожелает мириться, они обратятся к христианским государям с призывом созвать вселенский собор. Они разъехались, договорившись о даре королю 240 тыс. ливров и назначив встречу на 1 марта 1511 г. в Лионе. Там и было принято решение о созыве Вселенского собора.

Первые поражения Юлия II (1511 г.)

Тем временем французская и папская армии столкнулись в Романье, где несколько городов и князей уже отвергли папское владычество. Юлий II уже взял «в руку меч», тот облик, в кото-

ром он хотел быть запечатленным Микеланджело. Но Тривульцио и французские полководцы во главе с Байардом вели войну умело. Повсюду терпя поражения, папа, дошедший было до Болоньи и Равенны, в июне 1511 г. поспешил запереться в Риме, отчаянно осыпая отлучениями противников, и в свою очередь назначил на 1512 г. вселенский собор. К несчастью, Людовик XII все еще питал иллюзию, что можно договориться. Юлий II играл им; он ловко пользовался своим титулом «отца верующих»; он адресовал королю «самые милостивые и самые человечные в мире» брeve; он говорил о заключении всеобщего мира, а потом выдвигал неприемлемые условия.

Что касается испанского короля, который пока открыто не откололся от Лиги, заключенной в Камбре, то он пообещал императору и Людовику XII войска, но при условии, что союзники не нападут на церковь (а на кого же им было нападать?) и что у него «не будет дел в собственном государстве». Чтобы скрыть свои истинные планы, он заявил, что готовит поход в Африку, и Людовик XII в шутку говорил: «Турок, на которого он хочет напасть, — это я».

Создание Священной лиги (1511–1512 гг.)

Когда в 1511 г. прошел слух о смерти папы, посол Маргариты Австрийской простодушно написал: «Дал бы Бог, чтобы он был в раю уже года полтора!» Желание, которое он выразил от имени Австрийского дома, куда более подходило бы Французскому дому. В самом деле, 4 октября 1511 г. Юлий II подписал с Испанией и Венеци-

ей договор, известный под названием «Священной лиги». Официальной целью этого соглашения было возвращение папе Болоньи и земель, отнятых у Святого престола, фактической целью — война с французами ради изгнания их из Италии. Это было увенчание политики, проводимой Юлием II после сражения при Аньяделло.

Лига не замедлила расшириться. 13 ноября в нее вступил король Англии и через несколько дней подписал с Фердинандом Католиком особый пакт, предусматривавший завоевание Гиени, — ведь Генрих VIII вернулся к притязаниям предков. Он хотел также напасть с севера на Францию. С февраля 1512 г. говорили о его приготовлениях к высадке в Кале, что наводило Людовика XII «на размышления». Казалось, вновь начинается старая распря времен Столетней войны.

Людовик XII не мог не сознавать, насколько мало можно полагаться на Максимилиана, на присоединение которого уже рассчитывала Священная лига. В отношениях между императором и французским королем по-прежнему чередовались охлаждение и шаги к примирению. Французские и имперские войска соединялись только затем, чтобы разойтись. Конфиденциальные письма императора, Маргариты или их агентов обнаруживают их истинные чувства. «Хочу вам честно признаться, — писал один из них, — что с тех пор как Франция является Францией, какую бы хорошую мину ни делали господа французы, они никогда не пребывали в таком удивлении, как ныне, потому что, как ни странно, они сомневаются в своем полном уничтожении».

V. Равенна

Великая война (1511–1512 гг.)

Фердинанд, Юлий II, венецианцы и швейцарцы подняли оружие против Франции и должны были, двигаясь на юг, на восток и на север, сойтись в Миланской области. Ситуация стала опасной.

Основные военные события происходили в Италии, на довольно ограниченном театре военных действий, так как крайние его точки — Верона и Милан и востоке и на западе, Комо и Болонья на севере и на юге — находились на расстоянии не более сорока-шестидесяти льё друг от друга⁵³. Выдающуюся роль здесь сыграет Гастон де Фуа.

Гастон де Фуа

Гастон по отцу принадлежал к дому Фуа-Наварра, давно ведущему борьбу с домом Альбре за трон Наварры. Поскольку его мать, Мария Французская, была дочерью Карла Орлеанского, Гастон приходился племянником французскому королю,

⁵³ О роли швейцарцев см. *Kohler Ch. Les Suisses dans les guerres d'Italie de 1506 à 1512. Genève: J. Jullien, 1896.*

питавшему к нему большую любовь, впрочем, отчасти корыстную: ведь Гастон мог препятствовать не только усилению рода Альбре, но и притязаниям, какие на Наварру выдвигал Фердинанд Арагонский как муж Жермены де Фуа. Король отдал ему герцогство Немурское, то и дело вмешивался от его имени в дела французского юга и даже добивался, чтобы тот принял титул короля Наварры. В 1511 г. Гастону едва исполнилось двадцать два года; судя по надгробной статуе и по портретам, он обладал всей свежестью и обаянием молодости. Он был немного долговяз для своего худощавого сложения, носил редкую и нестриженую бородку, и в нем было что-то от святого Георгия работы Донателло.

Гастон и Бойе

В феврале 1511 г. он сменил Шомона Амбюзского в качестве наместника короля в Миланской области. При нем находился Бойе, генерал финансов Нормандии. Из сообщений в разных местах можно сделать выводы о разногласиях между Бойе, приверженцем бережливости в духе Людовика XII, возможно, приставленным к молодому полководцу для надзора над ним, и Гастоном, который заботился прежде всего об обеспечении войсковых операций. Впрочем, полного совпадения во взглядах и единства в действиях не было ни между Максимилианом и французами, ни между венецианцами, папистами и арагонцами, из которых одни всегда не успевали за другими. По чудесным результатам, достигнутым благодаря решимости герцога Немурского, можно понять, какие успехи могли быть достигнуты,

получай он полноценную помощь, но Людовик XII непрестанно колебался и прежде всего скряжничал. Он хотел вести войну и политику задешево.

Швейцарцы в Миланской области (1511 г.)

Первыми на Миланскую область напали швейцарцы. Получив в октябре 1511 г. бреве Юлия II, граждане Швица, воодушевившись больше всех остальных, обратились к собратьям по конфедерации с призывом: «Во имя Господа Всемогущего, при виде пренебрежения, какое король Франции проявляет к нашим справедливым жалобам, мы решили развернуть против него наши знамена и вознести наши национальные эмблемы, как поступали предки. Мы пойдем к Беллинцоне, а оттуда кратчайшим путем вступим в королевские владения». Большинство кантонов откликнулось на эти воинственные интонации: около десяти тысяч человек пересекло по снегу Сен-Готард. В церковь внесли большой красный штандарт, на котором были изображены Страсти Христовы и который оставался запертым со времен сражений с Карлом Смелым. В тот день туманное небо внезапно прояснилось. Но, казалось, победу предвещает не столько это знамение, сколько согласованные действия папы, испанцев и венецианцев и недовольство миланцев.

Стратегия Гастона де Фуа

После того как швейцарцы 9 декабря подошли к Варезе, Гастон ограничился наблюдением за ними, пропустил их в очень внушительном количестве прямо к Милану и прочно укрепился в го-

роде, взяв тем самым миланцев под контроль. В то время как во Франции испытывали сильнейшую тревогу, швейцарцы стояли под мощными стенами Милана неподвижно и как бы обескураженно. Всего через пять дней они отыгрались на Монце. Они разрушили более двадцати деревень, оставляя за собой только выжженную землю. Поход продлился месяц, из которого почти пятнадцать дней пришлось на дорогу туда и обратно. Набеги, подобные этому, давали вооруженному плебсу возможность пограбить мирное население и выплеснуть излишнюю агрессию. Против этой вылазки Гастон не предпринял ничего, кроме выжидания, так же как и его предшественники. «Ведь швейцарцы, — сообщают «Мемуары» Флёранжа, — спускались к Милану два-три раза, и за то, что всякий раз множество французских всадников отсекало их от возможности получить провизию, они возвращались с пятью тысячами экю, какие им давали, и сражались с ними на таком оружии, как экю с солнцем, и тем самым знакомили с господином великим магистром Шомоном». Но у Гастона даже не было нужды платить солдатам из кантонов за то, чтобы они ушли.

Освобождение Болоньи (1512 г.)

Оригинальность его военного гения обнаружилась в кампании 1512 г. Папа и арагонский король во взаимодействии с венецианцами приготовились нанести сильный удар. К концу 1511 г. распространился слух, что арагонская армия, которой командует дон Рамон де Кардона и в состав которой входят 8000 пехотинцев,

тысяча тяжелых кавалеристов, 1500 женетеров и 22 артиллерийских орудия, направляется в Романью, где у папы восемьсот копий. Немур послал в Болонью триста копий, чтобы упредить события, так как говорили, что папа хочет «устроить там смуту». В январе 1512 г. испано-папская армия начала осаду Болоньи. Все полагали, что французский король не справится с объединенными силами венецианцев, папы и испанцев. Тем не менее, в середине января Гастон покинул Милан, соединился с герцогом Феррарским, союзником Людовика XII, и двинулся к Болонье. Осаждающие разместили часть своих войск на горе Сан-Микеле, возвышающейся над городом с юга, откуда они могли «видеть тех, кто прогуливается по площади оной Болоньи, наносить им великий урон и, швыряя камни, сокрушать дома в городе». В конечном счете они проделали в городских стенах брешь шириной в тридцать саженей. Но штурм был отбит. 5 февраля, в пургу, Гастон вступил в крепость приблизительно с 20 тыс. бойцов. В городе он оставил триста копий и четыре тысячи пехотинцев. Напуганные союзники отступили к Имоле.

Бой при Валеджо

Во время этих операций критическая ситуация вновь сложилась на севере. Брешия, так же как многие другие венецианские или ломбардские города, попавшие в руки французов, плохо переносила их владычество. 10 февраля венецианцы внезапным ударом вернули себе город. Узнав об этом, Людовик XII не хотел ни с кем говорить и на целый день заперся с двумя из своих камердине-

ров. Однако цитадель еще держалась. Освободив Болонью, Гастон немедленно повернул обратно на север. Он должен был переправиться через реку По в окрестностях Феррары и выйти на равнину между Минчо и Адидже; там, недалеко от Виллафранки, с «большой бандой» засели венецианцы, и он не мог думать о наступлении на Брешию, пока они остаются у него в тылу. В то время как они осаждали маленькую крепость Валеджо, он 16 февраля зашел к ним с правого фланга, в направлении Изола-делла-Скала. Для начала он бросил в атаку сто копий и семь-восемь тысяч пехотинцев и за несколько часов разбил венецианскую армию, оставившую на поле боя пять артиллерийских орудий.

Повторное занятие Брешии

Потом Гастон вступил в замок Брешии и предпринял яростный штурм города, который упорно защищали жители и венецианские войска. 19 февраля город попал под его власть. Французы много грабили и убивали; однако, даже по свидетельству противников, они не совершали всех тех ужасов, в каких их позже обвиняли. Байарда, который был ранен, приняли в одном из домов города и ухаживали там за ним, и по всему видно, что после хаоса, обычного для взятия крепостей, достаточно скоро был установлен порядок.

Это поражение венецианцев повсюду вызвало сильные чувства. Римляне рассказывали, что папа в бешенстве рвал на себе бороду. Что до Максимилиана, он спешно потребовал от королевских войск отбить Падую и Тревизо.

Переход к Равенне

Гастон встретился с посланником императора, после чего «немедля сел на коня», чтобы направиться к югу от реки По. 8 марта он написал королю, что стягивает свои войска к Финале, что ждет подхода четырех тысяч гасконцев и пикардийцев и что рассчитывает встретить испанцев к 17 марта в окрестностях Болоньи. Но продвижению вперед помешали дожди, настолько сильные, что «казалось, будто хочет обрушиться весь воздух», и что лошади шли по грудь в грязи; потоп продолжался до 25 марта. Испанцы, со своей стороны, старались выгадать время; они знали, что Венеция заново формирует армию; к ним каждый день поступали подкрепления. Они отступали медленно, методично, «располагаясь перед каждым городом в каком-нибудь укрепленном месте» и снимая лагерь, как только ему начинали угрожать французы. Так они отошли к Имоле, Луго, Баньякавалло, а потом сошлись к Равенне.

11 апреля, в день, когда завязались решительные действия, французский король жаловался, что из Италии нет никаких вестей. 17 апреля Роберте, *vix valens loqui*, почти не в состоянии говорить, сообщил двору о поражении испанского авангарда. Все остальное узнали на следующий день.

Армии под Равенной (апрель 1512 г.)

Гастон решил осадить Равенну, чтобы вынудить противников сразиться. Он даже попытался захватить эту крепость внезапным ударом. Отброшенный, он ринулся на союзников. Разные

реляции о битве совпадают в основных пунктах и прежде всего в том, какие позиции занимали обе стороны⁵⁴. Реки Ронко, текущая с юга, и Монтоне, текущая с запада, сливаются к юго-востоку от Равенны, образуя острый угол. В субботу, накануне Пасхи, армия Гастона заняла этот угол. Испанцы стали лагерем на правом берегу Ронко; они выкопали ров для защиты своего фронта, прежде всего с правого фланга, на левом же фланге оставили узкое пространство, чтобы там могла развернуться тяжелая кавалерия. Они расположились так: на левом фланге — тяжелые кавалеристы, которые опирались на Ронко и которых с фронта прикрывала артиллерия; по центру — пехота в три баталии, стоявшие одна за другой, а не в ряд; на правом фланге — легкая кавалерия. С фронта пехоты, вдоль рва, в некотором количестве были сосредоточены снабженные косами повозки, на которых установили легкую артиллерию. Главным изобретателем этого сочетания, в котором соединились концепции Нового времени и заимствования из тактики древности (повозки, вооруженные косами)⁵⁵, был, видимо,

⁵⁴ См. список исторических источников в изд.: *Pastor L. von. Histoire des papes depuis la fin du moyen âge / trad. par F. Raynaud. T. 6. 1493–1513. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1898. P. 703. N°4, и письмо Байарда в изд.: Mailles J. de. La très joyeuse, plaisante et récréative histoire du gentil seigneur de Bayart / composée par le Loyal Serviteur; publ. pour la Société de l'Histoire de France par M. J. Roman. Paris: H. Loones, 1878. P. 432.*

⁵⁵ В рукописях Леонардо да Винчи нашли рисунки повозок, чрезвычайно напоминающих те повозки, которые, судя по описанию, использовал Наварро.

Педро Наварро. Он в некотором роде играл роль главнокомандующего, потому что не был причислен ни к одной боевой части, но имел в распоряжении пятьсот пехотинцев и мог их располагать в угрожаемых точках.

Наступление французов

Французы оставили 400 жандармов под командованием Ива д'Алегра за рекой Ронко и 1000 пехотинцев за рекой Монтоне, чтобы помешать выходу гарнизона Равенны. С остальными они утром Пасхи, 11 апреля, форсировали Ронко. Поскольку немцы Якоба Эмпсера, оставленные Максимилианом на французской службе, продвигались вперед очень быстро, Молар, один из командиров французской пехоты, воскликнул: «Как, товарищи, неужели нас упрекнут, что немцы приблизились к врагу раньше нас! По мне, я бы лучше лишился глаза». И он внезапно бросился в воду и начал искать брод. Испанцы не препятствовали переправе армии — не очень понятно почему. На правом фланге Гастона находились жандармы, перед ними — прекрасная артиллерия герцога Феррарского; в центре — пехота, разделенная на три корпуса: немцы, гасконцы, французы с некоторым количеством итальянцев; на левом фланге — тысяча лучников.

Сражение

Поначалу в течение двух страшных часов шел артиллерийский бой: противники палили друг в друга с двухсот шагов, причем ни французы не хотели атаковать, ни испанцы — покидать свои укрепления. Тогда у Гастона (другие говорят, что

у герцога Феррарского) возникла одна тактическая идея. Он растянул свою армию полукругом, а потом переправил часть артиллерии с правого фланга на левый, чтобы атаковать врагов во фланг и отчасти нейтрализовать преимущества, какие давал им ров, за которым они укрывались. Они понесли страшные потери, хоть Педро Наварро и приказал пехотинцам лечь на живот. Не меньше пострадала тяжелая конница. Тогда «тысяча их жандармов как люди, пришедшие в отчаяние от того, что их изводила наша артиллерия, ринулись на нашу баталию, где находились лично господин де Немур и прочие, численностью до четырехсот жандармов или около того, которые встретили оных врагов со столь великим мужеством, что никогда не было видано, чтобы люди сражались лучше. Господин де Немур преломил свое копье меж обеих баталий и пронзил их жандарма насквозь и еще на полсажени».

Тем временем Наварро собрал всю свою пехоту в один корпус и бросил ее на гасконцев, которые поначалу подались под ударом. У испанцев было достаточно много аркебузирова, которые перебили почти всех капитанов. Но ландскнехты яростно возобновили бой. Ла Палис, понимая, что решается судьба сражения, вызвал к себе жандармов, оставленных с д'Алегром на левом берегу Ронко. Этот свежий отряд опрокинул вражескую кавалерию, в то время как гасконцы и немцы в свою очередь одолели испанцев. Вице-король Рамон де Кардона спасся. Все обратились в бегство; лучники энергично преследовали бегущих, *occidendo sempre* (все время убивая). Педро Наварро был взят в плен в бою.

Смерть Гастона

Гастон среди «своей баталии» пожертвовал собой. По преданию, в конце боя он с чисто рыцарским безрассудством бросился на отряд испанцев. Действительно, очень похоже, что он поддался боевому пылу, но это произошло в момент, когда судьба битвы еще не до конца решилась, и в том, чтобы воодушевить колеблющихся, определенная польза могла быть. Он погиб, получив восемнадцать ран, и все спереди. «Если король выиграл сражение, клянусь вам, что бедные дворяне его проиграли», — писал Байард. Вместе с Гастоном пали Ив д'Алегр и его сын, де Ла Кропт, Якоб Эмпсер, Молар, «за которого все его люди были бы готовы умереть», — почти все герои Итальянских войн. В долине Ронко осталось лежать от десяти до пятнадцати тысяч человек, и треть из них — французы.

Суждение о Гастоне де Фуа

Кампания Гастона де Фуа имела много примечательных свойств. Она не выявила, как утверждали, роль пехоты, даже в плане скорости переходов. В крайнем случае, это, если угодно, была более наглядная демонстрация понимания ее значимости, и скорей уж надо указать на удачное применение артиллерии. Тем не менее решающая роль осталась за жандармами.

Главным новшеством был военный гений Гастона де Фуа. Разнообразие в средствах — крайняя осторожность и молниеносная быстрота; поразительное умение вовремя проявить инициативу, бесподобная точность в движениях; пре-

красное умение ограничивать результаты, каких добиваешься, сообразно их реальной пользе, примечательная способность беречь средства, чтобы умножать их; верное ощущение ценности времени; удивительное видение стратегии и тактики — вот его некоторые выдающиеся черты. Они обнаружились в его кампании против швейцарцев, когда он сумел одновременно избежать сражения с ними и, главное, их преследования; в его походе на Болонью, которую он спас, едва коснувшись, словно взмахом крыла; в его новом наступлении на венецианцев, потом в маневренной кампании против испанцев и в молниеносном ударе под Равенной — словом, в этом утроении одной-единственной армии. Никто в большей мере не опередил свое время и не оказался лучшим предвестником появления таких полководцев, как Тюренн, Фридрих и Наполеон.

Колебания Юлия II

Послы при французском дворе говорят о скорби, какую выразил Людовик XII, получив известие о смерти Гастона. Как и смерть Жоржа Амбуазского, она была чревата всякого рода последствиями, роковыми для французской политики.

Равенна сдалась французам на следующий день после сражения, Романья подчинилась; папа в Риме затрепетал и даже подписал 20 апреля проект договора с Людовиком XII. Но итальянцы очень скоро заметили растерянность французов, ведь Ла Палис покинул Романью, узнав об угрозах Миланской области со стороны швейцарцев. Когда он получил от короля приказ вернуться на

юг, было слишком поздно: верховный понтифик воспрянул духом и разразился проклятиями по адресу врагов.

Швейцарцы в Миланской области (май 1512 г.)

Швейцарцы еще раз определили политику европейских государств, с обычной горячностью бросившись в войну. Шиннер, просивший у них помощи от имени Юлия II, говорил с ними на языке, который они понимали, и сопровождал свои речи самыми соблазнительными обещаниями. «Церковь, как и Италию, жестоко угнетают, истязают, терзают. Французский тиран хочет ее поработить, чтобы загнать под свое нечестивое иго весь христианский мир. Поэтому она просит скорой помощи от своих чад». 6 мая от двадцати до двадцати пяти жителей Конфедерации выступили в поход на юг. На сей раз армия вторжения вошла на Апеннинский полуостров через Тироль и Адидже; в Романье и Венето стояли войска Венеции и папы; к реке По двинулись испанцы из Неаполитанского королевства. Ла Палис был мало способен оказать сопротивление: Лотрек, д'Обиньи, Тривульцио завидовали и вредили ему. Тяжелые кавалеристы покидали армию, «*maledicendo il Roy*»⁵⁶. У него оставалось не более десяти тысяч пехотинцев и от тысячи до тысячи четырехсот копий; Бойе возражал против любого набора войск без особого приказа короля. Для защиты Миланской области не было приготовлено ничего. Кро-

⁵⁶ Проклиная короля (*ut.*).

ме того, военные дарования Ла Палиса были довольно скромными; он бесспорно был храбрым, но совсем не обладал решительностью.

Отступление Ла Палиса (июнь)

После первого удара швейцарцев и венецианцев по маленькой крепости Валеджо началось отступление французов, которые очень скоро откатились к Кремоне, к Пиццигеттоне, к Павии. Ла Палис вернулся во Францию в конце июня, и его до самых Альп преследовали банды наемников. Шиннер в своей грубоватой манере писал, что французы обратились в бегство, как жалкие бабы (он даже использовал более грубое слово). Он устроил себе торжественное вступление в Павию от имени папы; улицы, где он проезжал на носилках, протягивая руку благословляющим жестом, были заполнены дворянами, буржуа, простонародьем.

Людовик XII сближается с Наваррой (май–июнь)

С другой стороны, смерть Гастона де Фуа взломала рамки, в которые уже почти полвека был заключен наваррский вопрос. Действительно, Гастон де Фуа вместе с сестрой Жерменой олицетворял права Нарбоннского дома на королевство Наварру, княжество Беарн, графство Фуа. И Жермена де Фуа (на самом деле ее муж Фердинанд Католик) будет упорно предъявлять их и дальше, получив больше шансов добиться успеха. А ведь Людовик XII всегда поддерживал всеми возможными средствами притязания семьи Нарбоннов, дело могло решиться в пользу его племянника.

Теперь он попытался переменить позицию. Через два дня после того, как стало известно о смерти Гастона, в Блуа начались переговоры с домом Альбре, но их успешному завершению помешала злая воля королевы Анны, «величайшее препятствие, какое стоит перед нами здесь», — говорили наваррцы. Договора как такового не подписали, хотя Фердинанд утверждал обратное, и акт, текст которого он распространил, вступив в Наварру, был всего лишь фальшивкой, состряпанной в качестве предлога для вторжения. Когда участники переговоров в Блуа заявляли о себе как о «друзьях своих друзей, врагах своих врагов», они, несомненно, имели в виду арагонцев. Но напрямую в Фердинанда не метили, и официально Альбре сохраняли нейтралитет.

Испанцы в Наварре (июль)

Правду сказать, король Арагона давно подумывал о вторжении в Наварру. Он потребовал от наваррцев присоединиться к Священной лиге. В ответ на их отказ в страну вступили испанские войска и взяли Памплону; оставшаяся часть верхней Наварры подчинилась почти без боя. Фердинанду особо помог союз с папой.

Булла Юлия II

Сославшись на то, что Альбре поддержали Пизанский собор, созданный Людовиком XII, верховный понтифик издал против них отлучающую буллу: «Король Франции вовлек в схизму васконов и кантабров и все окрестные народы, которые всегда были преданы Святому престолу. Вот почему мы предупреждаем всех и каждого верую-

щих во Христа и особенно васконов и кантабров и их соседей, что всем лицам, которые в течение трех дней после обнародования настоящего текста не изъявят покорности Святому престолу и вооружатся против нас или против одного из союзников Апостольского престола, или получат субсидии от означенного короля Людовика и от схизматиков, или заключат с ним союз, вынесен приговор об отлучении». Арагонский король обнародовал эту буллу 21 августа в церкви Калаорры. Он воспользовался ею, чтобы объявить семью Альбре лишенными прав на Наварру и принять в сентябре титул короля Наварры, придававший его завоеванию окончательный характер⁵⁷.

Чтобы предотвратить контрнаступление противника, он рассчитывал на вмешательство Генриха VIII, ранее пославшего в Гиень десять тысяч человек. Но англичане были очень раздражены тем, что Фердинанд обратил свои силы против Наварры. Октябрьские дожди послужили им предлогом, чтобы отплыть обратно.

Поражение французов (декабрь)

После этого французы, казалось, получили шанс перехватить инициативу. Правительство приложило большие усилия. Франциск Ангулемский, которого назначили командующим армией вместе с Ла Палисом, принес с собой престиж своего имени. Фердинанд «стенал, проклиная

⁵⁷ Обо всех этих фактах см.: *Boissonnade P. Histoire de la réunion de la Navarre à la Castille: essai sur les relations des princes de Foix-Albret avec la France et l'Espagne (1479–1521)*. Paris: A. Picard et fils, 1893.

свою злую судьбу». Но то ли Ла Палису действительно было не по плечу его высокое положение, то ли ему еще раз не повезло попасть в самые неблагоприятные обстоятельства (Франциск Ангилемский проявил себя как человек бестолковый, бездарный и одновременно дерзкий), только в Наварру он вошел лишь затем, чтобы потерпеть там поражение под Памплоной. В декабре 1512 г. он осуществил катастрофическое отступление по снегам и льдам. В военном отношении Наварра была потеряна. Альбре отчаянно пытались ее спасти с помощью политических комбинаций. Но Людовик XII и Франциск I, даже предпринимая что-либо в их пользу, делали это с едва скрываемым равнодушием. Их взоры всегда были обращены в другую сторону.

VI. Два собора⁵⁸

В то время как в Италии и на границах Франции происходили эти политические и военные события, Людовик XII и Юлий II сражались на соборах.

Религиозная политика Людовика XII

Людовику XII пришла в голову неудачная идея смешать религию с войной. Возможно, положение, какое занимал Жорж Амбуазский, постоянный легат во Франции и в Авиньоне, открытые притязания последнего на папский престол и более или менее смутные планы реформы внушили королю и некоторым окружавшим его людям мысль, что Франция может противостоять папству как единое целое. Но, какими бы ни были духовные достоинства Жоржа Амбуазского, после его смерти у французской церкви определенно больше не было главы, способного на действия большого размаха.

Планы Максимилиана

Король Франции, желавший организовать созыв Вселенского собора, который принял бы решения о реформе церкви и низложении папы,

⁵⁸ Sandret L. Le Concile de Pise (1511) // *Revue des questions historiques*. 1883 (34). P. 425–456.

нашел сторонника в лице императора. Вопрос реформы волновал Германию совершенно особо; Максимилиан мечтал дать церкви больше независимости, добившись назначения местного постоянного легата, либо возвращался к идее издать Прагматическую санкцию в духе французской, экземпляр которой послал ученому Вимпфелингу, пользовавшемуся в Европе неоспоримым моральным авторитетом.

Созыв Пизанского собора (май 1511 г.)

Король Испании, к которому обратились, отказался примкнуть к Максимилиану и Людовику XII; зато они заручились поддержкой пяти кардиналов, которых насильственные действия папы изгнали из Рима и которые укрылись в Милане, в том числе испанца Бернардино де Карвахала, очень видного и очень уважаемого. Людовик XII послал уполномоченных к папе, чтобы просить его созвать собор. После отказа последнего он взял инициативу созыва на себя. Пятеро кардиналов встретились в Милане и 16 мая обнародовали письма о созыве, за которыми последовали почти идентичные письма, отправленные Людовиком XII и Максимилианом. Они ссылались на статью Констанцкого собора, предписавшую раз в десять лет созывать вселенский собор, и на принесенную в 1503 г. клятву Юлия II как можно скорей собрать представителей церкви. «Ввиду потребности в соборе и декрета “Frequens” Констанцкого собора и с учетом небрежения папы и нарушения им клятвы, данной в конклаве, представители римско-германского императора

и христианнейшего короля предложили созвать вселенский собор». 28 мая Юлий II обнаружил вывешенный на дверях церкви Сан-Франческо в Римини вызов на собор, дата открытия которого назначалась на 1 сентября и который должен был состояться в Пизе. Именно это Макиавелли и назвал «обрушить собор на голову папе».

Созыв Латеранского собора

Юлий II с 1510 г. готовился к борьбе, демонстрируя своими грубыми выходками готовность сражаться очень жестоко. Он без объяснения причин бросил в замок Святого Ангела кардинала Клермонского. 10 марта 1511 г. он произвел в кардиналы сразу восемь человек, чтобы обеспечить себе креатуры. Он позаботился включить в их число Маттеуса Шиннера, который отдал ему Швейцарию, и архиепископа Йоркского, который мог дать ему надежду на добрую волю Генриха VIII; он зарезервировал девятую кардинальскую шапку для епископа Гуркского, рассчитывая в тот или иной день переманить на свою сторону Германию. Потом, 18 июля, он созвал вселенский собор на 19 апреля 1512 г. в Риме.

Общественное мнение во Франции

Пизанский собор собрался в самых неблагоприятных обстоятельствах. Максимилиан проявлял к нему все больше холодности, всецело готовый, как уже бывало, разорвать союз с Францией. Французское правительство попыталось разогреть общественное мнение, мобилизовав некоторых писателей — Жана д'Отоня, Ле Мера

де Бельжа — или дав право на дерзости независимым поэтам, олицетворявшим некий старинный дух, одновременно галликанский и демократический. Ле Мер опубликовал «Трактат о соборах и схизмах». Гренгуар представил «Охоту на оленя из оленей» (*Chasse du Cerf des Cerfs*; гнусная игра слов, намекающая на «*cervus cervorum Dei*»⁵⁹) и «Моралите об упрянце». Но, за исключением некоторых намеков на тогдашние обстоятельства, во всем этом не было почти ничего, что шло бы дальше обычных вольностей мирян (и даже клириков) Средневековья, и воздействие этих текстов ограничилось узким кругом читателей.

Итальянское духовенство по преимуществу сохранило верность папе. Флоренция лишь очень неохотно разрешила избрать местом собрания Пизу. В то время она боролась с попыткой Медичи вернуть власть и понимала, насколько опасно для нее навлечь на себя неприязнь папы.

Пизанский собор (1511–1512 гг.)

1 ноября собрались семь кардиналов, два архиепископа, четырнадцать епископов, пять аббатов, некоторое количество богословов и юристов⁶⁰. Среди них были почти одни французы. В Пизе их приняли очень холодно, предоставить кафедральный собор отказались, и они были вынуждены заседать в другой церкви. Первая сессия была назначена на 5 ноября. Очевидец рассказывает о ее торжественности; он говорит

⁵⁹ Раба рабов Божьих (*лат.*)

⁶⁰ Несколько позже к собранию присоединилось еще восемь французских епископов.

о «grandes et inauditæ»⁶¹ церемониях, которые там совершались, — о мессе, отслуженной Карвахалем, кардиналом Святого Креста, о торжественных песнопениях, о речи кардинала, похоже, вызвавшей живое восхищение, о провозглашении Гийомом Брисонне пяти декретов, которые лягут в основу решений собора, о председательстве, которое единодушно доверили кардиналу Святого Креста, о заключительном «Te Deum». Но далее он вынужден перейти к перечислению участников, и список их не выглядит внушительно.

Совещания собора

После двух заседаний, 7 и 12 ноября, собор перебрался в Милан, причем многие участники к тому времени его покинули. Несмотря на присутствие французов, там их приняли не лучше. Впрочем, отцов собора, похоже, преследовало невезение, ведь они оказались в Милане во время вторжения швейцарцев. Четвертая и пятая сессии состоялись 4 января и 11 февраля 1512 г., шестая — 11 марта, в самый разгар войны. Отцы собора потребовали от папы явиться под угрозой заочного осуждения. «Два епископа, Шалонский и Сен-Флурский, в епископских облачениях, трижды выкрикнули с высоты алтаря: “Есть ли здесь папа Юлий или кто-нибудь, кто его представляет?” Потом они трижды повторили тот же призыв в середине нефа и у дверей церкви. Поскольку он остался без ответа, было объявлено о неявке папы». Седьмая и восьмая сессии прошли 19 и 21 апреля. После новых вызовов зачитали

⁶¹ Больших и неслыханных (лат.).

следующий декрет: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Святой Вселенский Собор, представляющий вселенскую церковь, во имя Святого Духа собравшийся в Пизе и перенесенный в Милан, постановляет: папа заслужил наказания, предусмотренные святыми декретами Констанцского и Базельского соборов, и мы приговариваем его к лишению всякой папской власти, которая по полному праву переходит к настоящему собору».

Провал собора

Но Гастон де Фуа погиб под Равенной. Когда французская армия была вынуждена покинуть Миланскую область, участникам собора пришлось последовать за спешным отступлением войск: они перебрались в Асти, потом, вперемешку с солдатами Ла Палиса, в Лион, где собор растаял как дым.

В этот самый момент Юлий II торжествовал и как духовный владыка, и как светский суверен. Как пишет Гвиччардини, «Фортуна, которая прежде так измывалась над ним, теперь без устали трудилась, чтобы обеспечить ему величие».

Латеранский собор

3 мая 1512 г., как раз когда французы покидали Романью, открылся Латеранский собор. Папа явился туда в облачении понтифика, сопровождаемый всеми членами Священной коллегии. Участники прибыли из Италии, Венгрии, Испании, Англии. Один только епископ Гуркский появился в этом собрании лишь в ноябре, когда было заключено политическое соглашение между папой и Максимилианом. Это собрание, происходившее

VI. Два собора

в момент полного триумфа папства, наглядно показывает, где проходили границы религиозных представлений Юлия II и церкви. Прежде всего, оно ставило перед собой задачи вступить в бой с Пизанским собором и уничтожить его (что уже осуществил сам ход событий), в торжественной форме провозгласить единство церкви, вернуться к абсолютистской теории, которая обеспечивала право созыва соборов только за папой, осудить Прагматическую санкцию и частные свободы церквей. Но о церковной реформе напоминала разве что фразеология главных речей, начиная с речи Юлия II. В этом вопросе (важнейшем из всех) от папства, такого, каким его сформировала Италия XV в., ожидать было нечего.

VII. Потеря Миланской области

Политическая неразбериха в 1512–1513 гг.

Максимилиан, фактически давно вышедший из союза с Францией, 19 ноября 1512 г. вступил в Священную лигу. К тому моменту во всей Европе царила дипломатическая путаница, за которой войны было почти не заметно. Максимилиан, Людовик XII, Венеция, Юлий II почти одновременно добивались внимания швейцарцев, которые в равной мере слушали их всех. Папа и арагонский король, казалось, были готовы заключить мир с Францией и в то же время сговаривались против нее с императором и Англией. Венеция имела одновременно три договора с разными воюющими сторонами. Однако можно сказать, что во всем этом было столько же двуличия, сколько и неопытности. Выражение «всеобщий добрый мир», столь часто встречавшееся в депешах, было в большей мере иллюзией, чем лицемерием.

Состояние Миланской области

Милану, на его несчастье, довелось оказаться в центре конфликта, как в политическом, так и в военном отношении. Когда швейцарцы после

Равенны изгнали оттуда французов, улаживание тамошних дел вызвало конфликт амбиций, и на Милане сосредоточились усилия и внимание дипломатов от Нюрнберга до Мадрида и от Парижа до Рима.

Юлий II считал себя хозяином положения: Венеция, его союзница, слишком ослабла, чтобы помешать ему; Фердинанда он отвлек, бросив его против Наварры. Но он не принял в расчет одного нового фактора: швейцарцы отказались от роли наемников и очень явственно вступили в большую политику. Национальное собрание потребовало, чтобы в клятву верности, какую миланцы должны были дать папе, Фердинанду и Венеции, были включены еще и кантоны. Отныне в «кондоминиуме» было четыре члена, и каждый, кстати, претендовал на все герцогство или на его часть. Если добавить к ним императора и французского короля, придется признать, что картина, которую широкими мазками набросал миланский канцлер Мороне, верна: «Я повсюду вижу страстное стремление к господству, глубокий хаос, неразбериху во всем. Это словно пучина, которая поглотит кровь всей Италии».

Конфликт притязаний

Швейцарцы, уже занявшие Домо д'Оссола, Лугано и Локарно, положили глаз на Комо и Новару, маркиз Мантуанский требовал Пескьеру, герцог Савойский — Верчелли, венецианцы — ломбардские города, потерянные в 1509 г., папа — Парму и Пьяченцу. Намеренно запутывая ситуацию, французские командиры, остававшиеся на Апеннинском полуострове, сдали Брешию арагонским

войскам, а Пескьеру — войскам императора. Тогда началась «смута». Швейцарцы, Венеция и папа высказались за реставрацию власти Сфорца. Максимилиан тем временем продвигал кандидатуру Карла Австрийского. Но мелкие ухищрения императора, его закулисные махинации, его недомолвки не могли пересилить ни желания миланцев, чтобы их герцогом был Массимилиано Сфорца, ни грубой и резкой решительности швейцарцев и папы.

Массимилиано Сфорца — герцог Миланский

Итак, 29 декабря в Милан вернулся Массимилиано Сфорца, и именно послы кантонов вопреки сопротивлению императора и арагонского короля передали ему ключи от города. Новый герцог устами одного миланского оратора признал, что всем своим успехом обязан Конфедерации и никогда этого не забудет.

Смерть Юлия II (февраль 1513 г.)

К тому моменту, 20 февраля 1513 г., умер Юлий II. Из всех «варваров» он сумел изгнать из Италии только французов. И можно подписаться под суждением, какое сделали о нем Грегоровиус и Виллари, немного изменив его: «Юлий II был не первым папой, который вел войны, но история не знает ни одного папы, который бы вел их с такой личной страстью. Этот папа, всегда руководствовавшийся стремлением отвоевать для церкви провинции, которые, по его словам, были похищены у нее, привел в движение всю Европу. Он держал общую политику в своих руках, но не ска-

жешь, ко благу или ко злу для Италии. Гигантские масштабы, какие почти сразу приняли его деяния, должны были оказать глубокое впечатление на умы». Но нельзя сказать, как иногда делали, что при нем началась новая эра. Он не создал ничего нового — ни в политике, ни тем более в цивилизационном плане. Со времен Карла VIII и Людовика XII в дела Апеннинского полуострова вмешивались разные государства, и их союзы, сколь бы неустойчивыми они ни были, обычно ориентировались на создание коалиции против Франции. Самое большее, что можно сказать о Юлии II, — что он был достаточно зорек, чтобы высматривать недоброжелателей Франции, и обладал достаточной силой убеждения, чтобы разжигать в них эту неприязнь.

Избрание Льва X

Смерть Юлия II не очень глубоко изменила ситуацию. Кардиналы довольно быстро договорились о выборе папы. 11 марта был избран кардинал Медичи, принявший имя Льва X. Друзья и противники дружно видели в нем понтифика, более склонного к миру, чем к войне, дурно относящегося к Франции, но менее резкого и злого, чем предшественник. Обладая средним умом и средними душевными качествами, он с первого дня до последнего будет плыть по течению.

Союз Людовика XII с Венецией

В начале 1513 г. Франция должна была вести борьбу с коалицией папы, императора, короля Арагона, короля Англии и швейцарцев; она сблизилась с Венецией, опасавшейся притязаний

папы, императора и Испании на Италию. Договором от 14 марта 1513 г. оба государства согласовали раздел северной части Апеннинского полуострова: Миланскую область — Франции, венецианские территории императора — синьории. Людовик XII обеспечил себе также содействие короля Шотландии, всегда враждебной Англии. Казалось, тем самым прочно сложились две лиги противников, и можно ожидать всеобщей войны. Но в те времена не все бывало так просто.

Перемирие с Фердинандом

Фердинанд намеревался прежде всего закрепить за собой Наварру, а также после смерти Гастона обеспечить своей жене Жермене хотя бы некоторые имения Нарбоннского дома во Франции. «Король Арагона, — говорили, — охотно вступит в соглашение с Францией, лишь бы сохранить Наварру, и откажется от Миланского государства, которое сохранять очень трудно из-за соседства со швейцарцами». Именно на этой основе 1 апреля 1513 г. было заключено перемирие между Францией и Испанией, предусматривавшее прекращение военных действий на Пиренеях на год, благодаря которому, как полагал Людовик XII, у него будут развязаны руки в Альпах. Ведь Миланская область у него по-прежнему не выходила из головы.

Роль Карла Австрийского и Маргариты

Что касается Максимилиана, ему приходилось считаться со становившимся все более заметным маленьким бургундско-фламандским госу-

дарством. Карл Австрийский, сын Филиппа Красивого и Хуаны Арагонской, носивший титул его правителя, пока был слишком молод и неопытен, чтобы править самостоятельно. Его положение вассала Франции за Артуа и Фландрию тоже создавало ему трудности. В мае 1513 г. Людовик XII напишет Маргарите Австрийской, чтобы упрекнуть ее за оказание поддержки англичанам, и добавит: «Если бы мой кузен принц Кастильский (Карл) был взрослым, я бы потребовал от него послужить мне против оных англичан, как потому, что он принадлежит к оной династии, так и потому, что он пэр Франции и мой вассал, как вам известно; но по причине его юного возраста я не желал и не желаю этого делать». Маргарита поддерживала политику отца, но сохраняла некоторую независимость действий и никогда не забывала о себе самой.

Сражение при Новаре (июнь 1513 г.)

Людовик XII, несомненно, считал себя в силах форсировать события: ведь в мае французы снова двинулись через Альпы, и, казалось, они опять способны всё одолеть. Герцогство Миланское *periclitabatur*, то есть находилось в состоянии полного упадка, герцога презирали. Армия французского короля заняла Алессандрию без единого выстрела. Герцог не стал ее дожидаться и бежал к своим добрым друзьям-швейцарцам. Несчастные миланцы не могли понять, «за кого они должны стоять, то ли за французов, то ли за герцога». Скоро им это объяснили: в Миланскую область поспешило 18 тыс. швейцарцев, которые

в Новаре соединились с шестью тысячами собратьев, служивших герцогу. Их пыл был настолько велик, что, прибыв вечером 5 июня, они пожела-ли атаковать французов той же ночью. На следу-ющие сутки, на самом рассвете, они бросились на последних. После недолгой артиллерийской перестрелки перешли к рукопашной, и бой про-должался всего час. Швейцарцы, по их утвержде-нию, убили почти восемь тысяч человек, захва-тили 24 больших артиллерийских орудия и все лагерное имущество. Ла Тремуй и Тривульцио об-ратились в бегство. Говорили, что будь у герцога Миланского хоть один-единственный кавалерий-ский корпус — никто бы из французов не ушел.

VIII. На сцену выходит Англия

Тогда война была перенесена на север и на уязвимую часть французских границ, то есть на рубежи Артуа и Пикардии. 1 июля в Кале высадился король Англии. Он должен был взаимодействовать с Максимилианом.

Гинегатт (август 1513 г.)

Когда прибыл император, оба монарха осадили Тербуанн. Французы «показывались часто» в надежде организовать снабжение города. 16 августа армии встали друг против друга. После короткой артиллерийской перестрелки войска Людовика XII отступили, а потом, когда их атаковала неприятельская тяжелая конница, пустились вскачь, оставив в руках англо-немцев десять знамен, герцога де Лонгвиля, графа Дюнуа, вице-адмирала Франции, дворян из королевского дома. Генрих VIII послал Маргарите Австрийской настоящую реляцию о хорошем поведении, проявленном императором: «Император не только дал благоразумный совет, но и лично оказал содействие своей армии, готовый жить и умереть вместе с союзником». Остальное письмо выдержано в том же духе, и Максимилиан выглядит в нем

маленьким мальчиком рядом с Генрихом VIII, который пишет письмо, и Маргаритой, которой оно адресовано. Гарнизон Теруанна 23 августа сдал город и вышел с разрешением забрать с собой все, что можно унести: тяжелые кавалеристы с копьем у бедра, вооруженные пехотинцы, все при своих знаменах. Но они должны были пройти между двумя рядами врагов и перед обоими государями.

Швейцарцы в Бургундии (сентябрь 1513 г.)

Так король Франции остался один против всей Европы. Его единственный союзник, Иаков Шотландский, 9 сентября был побежден и убит при Флодденфилде. В то же самое время Людовик XII столкнулся с другой серьезной угрозой — вторжением швейцарских кантонов со стороны Бургундии. По наущению Маргариты Австрийской 18 тыс. швейцарцев и 12 тыс. ландскнехтов вступили в Бургундию и 7 сентября подошли к Дижону. Ла Тремуй, почти без солдат, без денег, без инструкций, тем более должен был тревожиться, что эта провинция была не очень надежной. Он поспешил вступить в переговоры, и через шесть дней наспех составили так называемый Дижонский договор. Этот акт одним махом разрешал вопрос Итальянских войн, предусмотрев отказ короля от Миланской области, от графства Асти, от всей артиллерии, еще остававшейся в крепостях, возврат папе всех городов его домена, императору и его союзникам — всех их владений. Кантоны не забыли о себе: они получали 400 тыс.

эку и добились заявления, что отныне в Швейцарии не будет производиться никакого набора войск без их согласия. Последняя статья предписывала, что если хоть одна из статей не будет выполнена, недействительными становятся все. Однако Людовик XII не смог решиться подписать столь суровые условия. Прежде всего, слишком большой жертвой представлялся ему отказ от Италии. Сославшись на то, что Ла Тремуи заключил мир без достаточных полномочий, он отказался утверждать договор, к великому раздражению швейцарцев. До Мариньяно и после него они будут использовать Дижонский договор как инструмент против всех попыток заключить мир или союз.

Усталость Европы

1514 год был заполнен переговорами, рядом с которыми все дискуссии прошлых лет выглядят несложными. Когда видишь постоянную смену союзников, нескончаемые сюрпризы, все эти комбинации, которые предпринимались поочередно или одновременно и так же прекращались, создается впечатление, что никто уже не принимал всерьез ни политику, ни войну. Дело доходило до мнимых сражений, каким было сражение при Гинегатте. Может быть, это было связано с тем, что все старели — Людовик XII, Максимилиан, Фердинанд, в то время как молодое поколение еще оставалось на втором плане.

Сближение Людовика XII, Льва X и Фердинанда

Смерть Анны Бретонской 9 января 1514 г. разрешила, по меньшей мере, один из вопросов, которые столь долго оставались нерешенными. Анна до конца жизни плохо относилась к замыслу Ангулемского брака. Его заключили 18 мая. Впрочем, этого события ждали так давно, что оно прошло почти незамеченным. В течение первых четырех месяцев этого года французская политика, похоже, была направлена по преимуществу на сближение с папой и с королем Арагона. В январе 1514 г. Лев X добился от Людовика XII поддержки решений Латеранского собора, а в мае примирил Максимилиана с Венецией. Он начал играть роль посредника в пользу Италии.

Враждебность Маргариты

Когда французский король 13 марта 1514 г. подписал новое перемирие с Фердинандом, он пока по-прежнему имел дело с Англией, а главным образом с Маргаритой. «Другие получили то, что хотели, — писала она, — а мы — нет». То, что она хотела заполучить, — это была Бургундия, «и нельзя особо не упомянуть графства Маконское, Оксерское и Бар-на-Сене, где король Франции узурпировал власть». Она нажимала на все рычаги, умоляя отца не уступать: «Другие государи более отдалены от своих врагов (то есть французов), чем мы, между ними есть горы и море; при этом они богаче и могут успешней противостоять врагам, чем бедный Бургундский дом». Она упорно старалась сохранить союз с Англией. Она до-

билась от Генриха VIII обязательства, «королевского слова», не заключать с французами ни мира, ни перемирия без ее ведома. Она осыпала его письмами. Она надеялась добиться от него поддержки австрийской стороны, договорившись о браке Карла Австрийского с принцессой Марией Тюдор, сестрой английского короля.

Сближение Людовика XII и Генриха VIII

Тем не менее, 12 июня она узнала, что в Англии находится некий француз, «приехавший туда под предлогом выплаты выкупа за герцога де Лонгвиля». «Сомневаюсь, — добавляла она, — что у него нет какого-то другого поручения, так как слышала, что его там приняли очень радушно и много с ним беседуют». В самом деле, Людовик XII резко переменял отношение к Генриху VIII. 7 августа в Лондоне последний заключил с Францией мирный и союзный договор. Когда же Маргарита пригрозила ему обнародовать его письменное обязательство, он «в доброй и обстоятельной манере» изложил все претензии, оправдывавшие невыполнение им обещания. Через три дня были подписаны статьи договора о браке между Марией Английской и Людовиком XII.

Тем самым все комбинации первого полугодия 1514 г. полностью рассыпались. Один лишь Максимилиан продолжал сохранять враждебность к Франции, и ему пришлось из австро-английской коалиции перейти в австро-испанскую.

Брак и смерть Людовика XII (октябрь–декабрь 1514)

Что до Людовика XII, то он был полностью поглощен радостями и торжествами по случаю своего брака. Он по-прежнему надеялся получить наследника, а также поддался чарам новой супруги, которая была обольстительной девушкой. Посол Маргариты заверял, что это была «одна из прекраснейших девиц, каких доводилось видеть; в ней нет ничего меланхоличного, она вся сулит приятное времяпровождение». Бедный король чувствовал, что оживает, он говорил, что отвоеует Италию «весной». Но весны он не увидел. Три месяца он постепенно угасал и тихо скончался ночью с 31 декабря на 1 января 1515 г.⁶²

Оценка политики Людовика XII

У него была лишь одна страсть, но доходящая до мании, и вся жизнь этого короля была потрачена на то, чтобы попытаться завоевать, а потом сохранить Милан и Неаполь. На службу этому стремлению он поставил дипломатию, главным недостатком которой было не то, что она была слишком честной, как иногда утверждали, а то, что в ее проведении он проявлял неопытность, доходившую до инфантильности. Действительно, ничего похожего на продуманную концепцию у него обнаружить невозможно, и он проявлял столь же мало последовательности, сколь много

⁶² Hauser H. Sur la date exacte de la mort de Louis XII et de l'avènement de François Ier // *Revue d'histoire moderne & contemporaine*. 1903 (5–3). P. 172–182.

VIII. На сцену выходит Англия

упрямства. Похоже, от предков, первых Валуа, он унаследовал мечты о величии в сочетании с посредственным политическим умом. Наконец — и это, возможно, связано с его феодальным происхождением, — очень странно констатировать, как мало места во внешней политике этого французского короля занимала Франция.

Глава IV

Мариньяно

I. Начало правления Франциска I. — II. Кампания Мариньяно. — III. Прекращение Итальянских войн

I. Начало правления Франциска I

Новое царствование

С первых дней царствования чувствовалось, что новый король и те, кто его окружает, охмелели от большой удачи, на которую они так упорно надеялись и шансы на достижение которой долго были такими сомнительными. Посланцам Карла Австрийского, видимо, было нетрудно добиться, чтобы утешения, которые они адресовали Франциску I, а именно «что все человеческие существа, великие и малые, смертны, тем более что (и к тому же) покойный король был человеком старым, хилым и больным, и что во всех делах следует сообразовываться с волей и расположением Господа», были благосклонно приняты. Гаттинара мог написать (вероятно, не без иронии), что мать короля выглядит «намного свежей и моложе, чем четыре года назад». Вместе с ней и сыном радовались все спутники его мрачных дней, вся молодежь, особенно дворяне, вельможи.

Раздел власти

Луиза Савойская получила графство Ангулемское, возведенное в ранг герцогства, герцогство Анжуйское, графства Мен и Бофор. Герцогу Алан-

сонскому, мужу сестры короля, предложили prerogативы «второго лица Франции». Шарля де Бурбона 12 февраля назначили коннетаблем, а также наместником и губернатором нескольких городов или провинций королевства. Артюс Гуфье, сеньор де Буази, получил должность Главного распорядителя французского двора, его брат Бониве — адмирала Франции; Дюпра стал канцлером. Тем не менее, кое-кого из состава правительства Людовика XII оставили на своих должностях; Роберте нашел способ остаться в фаворе. «Парижский горожанин» в своем «Дневнике» перечисляет назначения, дары и привилегии. Список длинный. При прежних сменах монархов подобный дележ всех материальных выгод от власти встречался редко.

Сеньор де Буази

Вместе с Луизой Савойской, «Мадам», как ее называли, правительство возглавил сеньор де Буази, «к которому король питал любовь и с которым был особо близок» и «под контролем которого при дворе короля делалось всё». В самом деле, Буази, родившийся около 1475 г., прежде был наставником Франциска I. Это был человек уравновешенный; все очевидцы дружно говорят о его здравомыслии. В первые годы царствования, столь очаровательные и веселые, он выглядел немножко ментором; он был столько же министром короля, сколько и его опекуном. Его безвременная смерть в 1519 г., возможно, переменяла ситуацию.

Заикленность на миланском вопросе

Один из историков Франциска I написал об этом монархе: «Чем он занимается первым делом? Миланской областью и Неаполитанским королевством. Чем он будет заниматься в продолжение всего царствования? Миланской областью и Неаполитанским королевством». В самом деле, с первого дня король только и думал о том, чтобы перейти Альпы и появиться в Италии, единственной стране, где он творил великие дела и, главное, совершил очень громкие подвиги. Но для начала надо было уладить дипломатическую ситуацию, ведь император, папа, король Арагона и швейцарцы по-прежнему были едины и готовы защищать Милан.

Договоры с Генрихом VIII (1515–1518 гг.)

Постарались сохранить мир с Англией; Франциск I, не скупясь, признал, что должен Генриху VIII миллион экю вместо 800 тыс., не считая вдовьей доли Марии, вдовы Людовика XII. Но переговоры о заключении окончательного мира затянулись до 1518 г. Когда к тому времени пообещали заплатить 600 тыс. экю за Турне и откупиться от Уолси, претендовавшего на сан тамошнего епископа, город был возвращен Франции. Это должно было приучить Франциска I к мысли, что от Англии всегда можно отделаться, если заплатить.

Карл Австрийский и бургундский вопрос

Иной характер и иную значимость имели требования Австрийского дома. Любопытное совпадение: Карла Австрийского признали дееспособным, едва ему исполнилось пятнадцать лет, через пять дней после воцарения Франциска. Так сразу же обозначились параллели в судьбах соперников. И сразу же в основу всех переговоров, всех соглашений или всех разногласий лег бургундский вопрос. Ни Максимилиан, ни Маргарита никогда не отказывались от притязаний на наследство Карла Смелого. Сам Карл Австрийский, по меньшей мере в течение пятнадцати лет, будет с этим наследством связывать самые продуманные и самые стойкие из своих замыслов. Это будет для него делом чести.

Карл и Франциск I

Но прежде всего попытались добиться сближения обоих монархов. При первых контактах между ними интересно отметить различие тона, принятого тем и другим. 3 января один делегат Маргариты написал: «Я нашел речи короля довольно едкими. Я сказал ему, что господин эрцгерцог (Карл Австрийский) твердо намерен жить с ним в дружбе... Он сказал мне, что ему это не важно, что он будет тому добрым родственником и добрым сеньором, ведь тот (эрцгерцог) — его вассал, но что он не хочет, чтобы тот управлял им, как император и король Арагона управляли покойным королем». После довольно энергичного возражения король смягчился, но он явно

считал себя выше Карла, *своего* вассала, который был на шесть лет младше. Какие бы уроки ни давали ему неудачи, он сохранит это чувство на всю жизнь.

Парижский договор (март 1515 г.)

В Париже состоялись переговоры. Вначале представители Австрийского дома попросили возобновить Камбрейский договор. Они также сделали предложение о браке Карла с Рене Французской, второй дочерью Людовика XII, с тем чтобы она принесла в приданое области Милана и Асти. Но у них был также приказ завести речь о Бургундии и напомнить, что присвоение этого герцогства французскими королями вызвало много споров и что в будущем это следует учесть. Канцлер заявил, что эти требования кажутся ему «выдвинутыми ради игры, потому что все они неразумны». Он предложил дать Рене такое же приданое, какое принесла дочь короля Людовика Сварливого, на что Гаттинара ответил, что она получила Наварру, Шампань и Бри. Канцлер промолчал. Тем не менее, 24 марта в Париже был подписан договор, который предусматривал союз монархами и обещал брак между Карлом и Рене. Последняя должна была получить в приданое Берри и 200 тыс. экю. Если этот брак не состоится не по вине жениха, ему в качестве неустойки следовало отдать Понтьё, Перонн, Амьен, Монпелье и Абвиль. Тем самым почти что возвращались к Блуаским договорам 1504 г.

Франциск I договорился также с Венецией, возобновив соглашения 1513 г., и добился от дожа Генуи возвращения Франции прав суверенитета над этим городом. С другой стороны, папа, швейцарцы, король Арагона и их итальянские союзники не смогли ни найти общего языка, ни действовать сообща.

II. Кампания Мариньяно

Приготовления к войне (1515 г.)

Франциск I начал подготовку к войне в начале мая. Его посланцы стали наведываться в Германию, набирая там ландскнехтов. Герцог Гельдернский обещал прибыть лично с войсковым корпусом. Попытки вступить в переговоры со швейцарцами, но безрезультатно — к ним придется возвратиться во время самой кампании. Франциск I регентшей королевства назначил мать и приехал в Гренобль, куда со всех сторон стекались солдаты.

Итальянская армия

Баррийон пишет, что королевская армия насчитывала три тысячи ордонансных жандармов и тридцать тысяч пехотинцев, из которых десять тысяч были французами, а двадцать — ландскнехтами. Имена «принцев и сеньоров, которые перешли горы вместе с королем, чтобы помочь ему вернуть герцогство Миланское», представляли всю французскую знать, но по большей части на сцену вышло новое поколение. Почти все, кто вершил военную историю в царствование Людовика XII: Ла Палис, Ла Тремуи, д'Обиньи, Луи

д'Ар, Тривульцио — оказались на вторых ролях. Зато упоминаются герцог Алансонский, Шарль де Бурбон, граф Неверский, Буази. Артиллерией командовал Жак Галио де Женуйак. Педро Наварро, который в царствование Людовика XII служил Фердинанду и которого Альбре переманили на сторону Франции, возглавлял французских пехотинцев и саперов. Он обещал, что будет верен Франциску I «всеми потрохами»; инженерное дарование придавало его службе особую ценность. За армией следовали канцлер Антуан Дюпра, генерал финансов Бойе, казначей Франции Роберте, главный раздатчик милостыни, епископы, докладчики прошений. Некоторые из них при Мариньяно окажутся на самом поле боя.

Швейцарцы в Сузе

Миланская область, казалось, должна иметь очень сильную оборону. Папа послал в Пьемонт Просперо Колонну с полутора тысячами рыцарей, а в Пьяченцу — своего племянника Лоренцо Медичи с тремя тысячами. Вице-король Неаполя двинулся к реке По, имея под началом восемьсот тяжелых кавалеристов и тысячу легких. Но прежде всего следовало опасаться швейцарцев. В количестве от пятнадцати до двадцати тысяч они перешли Альпы и расположились на самом выходе из них, в Сузе и Пинероло, заперев тем самым оба перевала, которые до тех пор считались проходимыми, — Мон-Сени и Монженевр. Это была существенная перемена стратегии, так как в прежних кампаниях они ограничивались попытками отбить страну, вместо того чтобы помешать французам войти в нее. Ведь с 1513 г. их

армия заняла Миланскую область; кроме того, Швейцарская конфедерация подписала договор о дружбе с герцогом Савойским.

Переход через Альпы (август 1515 г.)

Пересечь Альпы в обычных местах было невозможно и следовало предпринять обходное движение. Тривульцио указали перевал к северу от Аншастрея, на высоте 1995 метров⁶³, между верховьями Юбая на западе и Стуры на востоке. Он был тогда едва проходим, даже для пеших. Педро Наварро с саперами численностью от тысячи до тысячи двухсот «срезал скалы, чтобы проложить дорогу для всадников и артиллерии». 9 или 10 августа в ущелья вступил авангард Бурбона, а за ним последовала основная часть армии. Они потратили три дня, чтобы пройти от Амбрёна через Сен-Поль, Ларш, Арджентеру, Демонте «до конца больших гор».

Венецианский агент, находившийся в Демонте, с удивлением смотрел, как здесь проходит вся армия. В первый день прошли триста страдиотов, Тривульцио и его сын; «великий коннетабль герцог Бурбонский, *superbamente*»⁶⁴. На следующий день — г-н де Сент-Андре, Педро Наварро с шестью тысячами пехотинцев, герцог Гельдернский. На третий день — Ла Тремуй и остальные войска.

⁶³ Ныне Ларшская дорога. Французские войска должны были подняться по долине Дюранса от Амбрёна до Мон-Дофена, а потом повернуть на Сен-Поль.

⁶⁴ Горделиво (*um.*).

Артиллерия прошла лишь позже. Король покинул Амбрён 13 августа, в полном вооружении, как и его спутники. Исключительное снаряжение, «в самой странной стране, где когда-либо бывал человек из этого сообщества», как писал он матери. Почти все время надо было идти пешком и вести коней под уздцы. Одновременно по тропинке меж скал и потоков мог пройти только один человек. В редких деревнях, через которые они проходили, не было никого, потому что жители укрылись на вершинах гор. Поэтому «пили только воду» и были вынуждены обходиться какой-то провизией, которую взяли с собой.

Отступление швейцарцев

Узнав о переходе, армия Конфедерации отошла к Кивассо и Верчелли, между тем как французы вошли в Турин, где герцог Савойский вел себя осторожно, пытаясь организовать соглашение между Франциском I и швейцарцами. Потом, следуя по пятам за швейцарцами, король захватил Новару, пропустил их обратно в Милан и двинулся к Мариньяно, продолжая завязанные с ними переговоры, в ходе которых 8 сентября разработали проект договора. Казалось, всё улажено, сам папа готов был пойти навстречу. Но между солдатами Конфедерации и делегатами кантонов не было согласия. Этим воспользовался кардинал Шиннер. Упредив ратификацию, он созвал войска миланского гарнизона, произнес перед ними проповедь с обычным неистовством и, хотя многие солдаты и капитаны отказались нарушать слово, данное королю, увлек за собой большую часть войска. Во второй половине дня 13 сентября они

неожиданно вышли из Милана, направляясь навстречу французским войскам. Их сопровождал Шиннер в кардинальском облачении, держа перед собой легатский крест. Он явно рассчитывал на внезапность, ведь в Лоди, в нескольких льё от Мариньяно, стояли лагерем венецианцы. Если бы король успел их предупредить, армия кантонов оказалась бы в чрезвычайной опасности.

Мариньяно (13–14 сентября)

Битва при Мариньяно⁶⁵ была очень простой в тактическом отношении и ничего не добавила к истории военного искусства. Она была по преимуществу героической с обеих сторон; лучший рассказ о ней, поскольку он отражает весь характер короля в молодости и открывает его душу, — это письмо, которое он написал матери в самый вечер победы: письмо сбивчивое (автор еще не совсем остыл от боевого пыла) и, можно сказать, написанное на пушечном лафете. Здесь чувствуются его рыцарская отвага, даже военный инстинкт, позволявший прежде всего принимать быстрые решения, а также почти детская радость, с какой он рассказывал — матери и дамам — о своих прекрасных подвигах. Впрочем, в том, что он пишет, по основным пунктам особых преувеличений нет, и другие источники почти не расходятся с его описанием.

⁶⁵ *Spont A. Marignan et l'organisation militaire sous François Ier // Revue des questions historiques. 1899 (66). P. 59–77.*

Первое сражение

Долина, где состоялся бой, не имела возвышенностей, но была пересечена рисовыми полями, каналами и рвами и непроходима для кавалерии, кроме нескольких широких дорог, совершенно прямых.

Французская армия едва не была захвачена врасплох, как и надеялся Шиннер. Войска Лиги двигались плотными отрядами с восемью-девятью тяжелыми орудиями с фронта. Пыль, какую они поднимали из-за жаркого дня, издалека выдавала их приближение, о котором несколько разведчиков прибыло сообщить Бурбону. Предупрежденный король надел боевой доспех, «на удивление хорошо сделанный и удобный», а потом поспешил к авангарду, чтобы согласовать с коннетаблем последние приготовления.

Распоряжения по французской армии предписывали немного: традиционное построение, состоящее из авангарда (под командованием Бурбона), основных сил (под командованием короля) и арьергарда (под командованием герцога Алансонского); жандармерия — на дорогах, где она могла атаковать; артиллерия то спереди, то на флангах.

Конфедераты хотели сначала захватить артиллерию, охраняемую ландскнехтами. «Один толстый швейцарец из кантона Берн» поклялся в одиночку заклепать два-три орудия. Лишь между тремя и четырьмя часами они вошли в контакт с авангардом и оттеснили жандармов на пехоту среди страшной неразберихи: «Уверяю вас, сударыня, что невозможно подступить ни более не-

истово, ни смелее». Но подоспел король: «Я счел нужным их атаковать, как и сделали, и заверяю вас, сударыня, что каким бы хорошим ни было их сопровождение и какими молодцами — они сами, мы в количестве двухсот жандармов разгромили добрых четыре тысячи швейцарцев и весьма крепко их отразили, вынуждая бросать пики и кричать “Франция!”». Очень хаотичный бой, исход которого оставался неопределенным, затянулся до вечера; его продолжали даже при неверном свете лунной ночи. Но пыль сделалась настолько плотной, что стало невозможно узнавать друг друга, и пришлось остановиться. Солдаты кантонов огласили тьму звуками рожка, чтобы собраться; им отвечали трубы французского лагеря, звучавшие вокруг короля. Обе армии оказались наполовину перемешанными, а оба лагеря — перепутанными между собой. Ночь обе стороны использовали, чтобы немного восстановить порядок, собрать рассеявшихся людей, сосредоточиться для завтрашнего боя.

Второе сражение

Франциск I крайне спешно написал военачальнику венецианцев Альвиано, зовя его на помощь. Он сохранил деление армии на три части, поставив ее несколько позади вчерашнего поля боя, но более четко обозначил фланговое построение: он сам по центру, коннетабль справа, герцог Алансонский слева; артиллерию расположили в расчете скорей на оборону, чем на атаку. При первых лучах рассвета битва возобновилась. Швейцарцы, похоже, решили сдерживать центр, чтобы обойти

французскую армию, главным образом с левого фланга. «Они оставили у меня под носом восемь тысяч человек и всю свою артиллерию, а обе другие банды послали на два крыла моего лагеря, одну — на моего брата коннетабля, другую — на моего брата Алансона».

Венецианские агенты видели короля с копьем в руке в самой гуще схватки (так они говорили сами), преисполненного боевого пыла. Но герцог Алансонский на левом фланге не удержал свой фронт. Беглецы добежали до Мариньяно, крича, что все пропало.

Подход венецианцев. Победа

В этот-то момент и подоспел Альвиано, «около восьми часов утра», как пишет Баррийон, с тремястами жандармами, которые шли галопом от самого Лоди. Прежде всего, он пришел на помощь левому флангу, опрокинул швейцарцев, уже уставших от четырехчасового боя, и восстановил положение в этом месте. К одиннадцати часам показалась венецианская пехота. Солдаты кантонов, обескураженные героическим сопротивлением короля и герцога Бурбонского, напуганные появлением венецианского корпуса, отступили, а потом бросились в бегство. Кавалерия устроила им страшную резню. Когда стали зарывать мертвых, их, по словам Баррийона, насчитали 16 500 человек, из которых от тринадцати до четырнадцати тысяч составляли враги. Почти те же цифры, немного меньшие, приводят венецианцы. Пало несколько французских вельмож, в том числе принц де Тальмон и герцог де Шательро.

На следующий день король с особым расположением принял Альвиано и венецианского посла Контарини. Они вошли в его палатку, когда он вставал с постели. «Он очень по-дружески взял их за руки», а потом пошел к венецианским войскам. Он был отчасти обязан им победой; он признал, что одержать ее было тяжело: «Битва продолжалась со вчерашнего дня по сегодняшний, нельзя было понять, проиграна она или выиграна, сражались и сражались, и артиллерия стреляла день и ночь... Ее решили тяжелые кавалеристы, и думаю, что не солгу, сказав, что, всякий раз по пятьсот, они произвели тридцать прекрасных атак, прежде чем бой был выигран. Сенешаль Арманьяка со своей артиллерией вполне может сказать, что причиной победы в сражении отчасти был он, потому что никогда человек не оказал ради этого лучшей службы».

Миланская область возвращена

Милан сдался. Коннетаблю и Педро Наварро было поручено осадить замок. Король удалился в Павию, где принял послов от всех сторон, прежде всего от верховного понтифика. 4 октября Массимилиано Сфорца отказался от своих прав на Миланскую область за сумму в 94 тыс. экю, которую следовало выплатить в течение двух лет, и за пенсию в 36 тыс. экю. Миланцам даровали прощение; Мороне, маркиза Гонзага и других обещали пожаловать должностями или дарами.

III. Прекращение Итальянских войн

С 1515 по 1519 г. Франциск I вел две политики: одна, с помощью которой он пытался уладить итальянские дела, была продолжением политики Людовика XII; другая, с помощью которой он рассчитывал обеспечить себе императорский престол, была его собственной. В первой из них он то и дело возвращался к комбинациям, которые были уже испробованы.

Приготовления Максимилиана к войне

Битва при Мариньяно была закончена не полностью. Максимилиан строил планы похода на Миланскую область, громогласно объявляя о них. Он обратился к Генриху VIII, который не хотел глубоко в них втягиваться и, главное, почти не отвечал на просьбы о деньгах, даже в виде займов; ведь кесарь, как говорил английский посланник, «имел привычку откладывать выплату своих долгов до греческих календ». Максимилиан рассчитывал на Швейцарию, снова ставшую открытым для всех рынком человеческого товара. Он послал туда Маттеуса Шиннера, который встретил со стороны горцев, даже тех, кто весьма не жало-

вал Францию, сильное недоверие: «они считают, что обещать и держать слово — две разных вещи; к первому император достаточно привычен, второе ему не очень свойственно». Тем не менее, ему обещали от десяти до двенадцати тысяч человек. Наконец, он вступил в тайный сговор с миланцами, всегда готовыми к переменам. Несколько изгнанников уже рыскали по герцогству.

Император в Италии (март 1516 г.)

В марте 1516 г. Максимилиан вступил в Италию с тридцатью тысячами бойцов; надолго он там не остался, хотя обещал, что будет на Пасху в Милане. Коннетабль де Бурбон в этой крепости приготовился к обороне, а Максимилиан стал лагерем северней Мариньяно. Проведя там от силы три дня, он под покровом ночи покинул свои войска и с простым эскортом удалился в Верону, откуда вернулся в Германию. Агенты Маргариты несколько дней отказывались признавать весть об этом жалком сходе с дистанции. Они писали, что французы распространяют «чудовищную клевету»; но перед лицом очевидного им пришлось смириться.

Папа ведет переговоры

Первым к Франции вновь обратился папа. Весть о победе при Мариньяно его расстроила. Он рассердился на венецианцев, которые ей способствовали; он уже видел, что Неаполитанскому королевству грозит вторжение, а Франциск I господствует во всей Италии. И прежде всего он постарался разобщить короля и его союзников

и в то же время втянуть его в собственную политику. Сразу после поражения швейцарцев его посол Лудовико ди Каносса возобновил переговоры, начатые еще до битвы⁶⁶. Несмотря на усилия венецианцев, Франциск I пошел на соглашение, и 13 октября были заложены первые основы договоренности. Король и папа обязывались поддерживать друг друга; король должен был помочь папе и церкви вернуть все их владения. Он обещал защищать Флорентийскую республику, «которая очень дорога папе», и сохранять в ней семейство Медичи «таким, как оно есть». Взамен он получал поддержку Льва X в сохранении Миланской области, ему передавались также Парма и Пьяченца.

Это был договор двух монархов, но для Льва X было как минимум столь же важным согласие между духовной и светской властью. Созыв Пизанского собора побудил папство бдительно пресекать поползновения духовенства на независимость и очень ясно поставил вопрос о власти верховных понтификов над церковью. А ведь один из главных бастионов сопротивления папской централизации Священная коллегия видела во французской Прагматической санкции, и Латеранский собор с последней повел борьбу. В Риме недавно приняли решение, которое отменяло ее и предписывало королю явиться по этому вопросу к папе.

⁶⁶ *Madelin L. De Conventu Bononiensi. Thèse latine. Université de Paris. Faculté des lettres. Paris: Plon-Nourrit et Cie, 1900.*

Встреча в Болонье

Но Лев X был не из тех, кто ведет себя грубо, тем более по отношению к победителю: он предложил королю встретиться. Каждый из двух суверенов рассчитывал провести другого. Лев X знал, что он проницателен и красноречив, Франциск I любил слушать похвалы своей привлекательности для всех, кто с ним общается. Король считал, что очень ловко умеет манипулировать людьми. «Я убежден, — говорил он, — что его я обману». Было решено, что оба суверена увидятся в Болонье. 11 декабря Франциск I вступил в город, куда несколько дней назад прибыл папа; его вышли встречать двадцать два кардинала в парадных облачениях. Улицы были украшены триумфальными арками, где можно было прочесть восхвалявшие короля надписи. В три часа он направился в зал, где находился папа; на нем было платье из золотой парчи, отороченное соболем; его сопровождали знатнейшие вельможи королевства. Лев X сидел на папском престоле, в тиаре, окруженный кардиналами и всеми послами. Оба государя «поцеловались в уста». Потом Дюпра произнес изысканную речь на латыни, на которую папа ответил несколькими словами.

Соглашение короля и папы

На следующий день после этой торжественной встречи, уже в узком кругу, был подготовлен конкордат. Как и оба монарха, их окружение весьма непринужденно общалось между собой. Французы вели себя «более учтиво и более человечно, чем им было свойственно»; они осыпали

папу знаками почтения; они то и дело весьма набожно целовали ему ноги и испрашивали благословения; они массово причащались. Некоторые, похоже, даже умоляли Льва X простить их за то, что они боролись с его предшественником. Он не возражал.

Конкордат — одно из важнейших событий в церковной истории Франции; о его содержании, характере и последствиях мы узнаем дальше [на страницах, не вошедших в этот перевод]. Что касается итальянской политики Франциска I, то этот акт внушил ему надежду на союз с папой. К концу 1515 г. такой союз был еще не гарантирован, и враги короля старались побудить Льва X действовать в их интересах. Тем не менее, в ноябре 1516 г. епископы Лодева и Сен-Мало, направленные в Рим, наконец заключили от имени короля Франции лигу с верховным понтификом, Флорентийской республикой, герцогом Урбинским и всеми представителями дома Медичи.

Франциск I и швейцарцы

Довольно скоро после Мариньяно правительство Франциска I попыталось сблизиться со швейцарцами. Оно «изумлялось, как оные господа из кантонов, люди разумные, понимающие и прозорливые», доверились речам врагов. Оно им напоминало, что их союзники покидали их прямо во время борьбы. Оно им внушало, что выгодней объединиться с ним, чем с кем-либо другим. «Об императоре они знают, как он носит свой арбалет», — говорило оно довольно пренебрежительно. Делая предложения конфедератам, оно в то же время сохраняло в их отношении

всевозможные подозрения. Французские послы получили рекомендацию быть предельно осторожными, «не слишком все прояснять и уточнять, чтобы не позволить им понять слишком многое и не навести их на мысли, каких у них нет»; надо было добиваться не просто мира, а союза «на каком бы то ни было основании». Но делегаты кантонов давно обнаруживали проницательность; впрочем, Швейцария оставалась расколотов — Фрибур, Берн и Золотурн, стоявшие за короля, перетянули на свою сторону пять кантонов, остальные оставались враждебными. 7 декабря 1515 г. в Женеве после долгих переговоров был заключен первый договор всего с восемью кантонами.

Вечный мир (ноябрь 1516 г.)

В мае 1516 г. Франциск I возобновил переговоры. Он, как и прежде, прибегнул к системе пенсий или подарков. Он советовал жаловать «тех, кто направляет и ведет простонародье», и «проявлять в этом изрядную искусность». Надо было убедить пять инакомыслящих кантонов, особенно Швиц и Ури, известные как самые влиятельные, присоединиться к остальным. А ведь они выражали готовность подписать мирное соглашение, но не союз. Наконец король сумел добиться общего договора с тринадцатью кантонами. 29 ноября 1516 г. во Фрибуре подписали знаменитый «Вечный мир». Швейцарцы получали 700 тыс. экю, в том числе 400 тыс. за «расходы и ущерб», которые понесли, осаждая Дижон, и 300 тыс. за расходы и ущерб во время миланского похода, — им компенсировали затраты на борьбу с Францией.

К этому добавлялась сумма в 300 тыс. на восстановление замков в Лугано, Локарно и крепостей Вальтеллины, Беллинцоны, остающихся за конфедератами. Кроме того, каждый кантон получал ежегодную пенсию в две тысячи франков; у Баррийона были некоторые основания писать, что «швейцарцы не стесняются просить».

Этой ценой обеспечивали прекращение всех прежних ссор и заключение союза. «Швейцарцы не должны ни соглашаться, ни допускать, чтобы они шли на службу государям, сеньорам, общинам, которые возжелали бы нанести ущерб означенному государю королю в его королевстве, в его герцогстве Миланском и в его владениях». «Мир» считался вечным, чтобы «дьявол» не мог его поколебать. По сути это было возобновлением, и успешным, всей первоначальной политики Людовика XII, — швейцарские наемники на службе Франции. Тем не менее, Франциск I добился своего только наполовину: на самом деле он получил скорее мир, чем союз, или в лучшем случае просто оборонительный союз.

Политика Карла Австрийского

В отношении Карла Австрийского он тоже во многом вернулся к политике, какую Людовик XII вел в отношении Филиппа Красивого, когда Филиппа противопоставляли Максимилиану или Фердинанду. Молодой принц все больше избегал своей тетки Маргариты и деда Максимилиана. С 1514 г. приближенные должны были защищать его от всевозможных упреков — в стремлении действовать самому, в упрямстве, в высокомерии. Он сблизился с Франциском I, поскольку всецело

в нем нуждался. Смерть Фердинанда Арагонского, случившаяся 23 января 1516 г., сделала для него еще более необходимой дружбу французского короля, «его господина доброго отца», как он называл Франциска. Ведь у матери и брата Карла тоже были права на Кастилию; сами арагонцы были не очень расположены сохранять унию королевств, и всем испанцам довольно мало нравился Карл, который, по их словам, был чересчур фламандцем. Франциск I, казалось, находится в выгодном положении: «Означенный государь имел некоторых сторонников в королевствах Кастилии и Арагоне, так что, пожелав оказать поддержку недовольным и протянуть им руку, он легко овладел бы оными королевствами, ни на кого не нападая». Он этого не хотел, считая, может быть, Карла слабей, чем тот был на самом деле, либо рассчитывая обратить его против Максимилиана и добиться от последнего всяческих уступок. Это была оплошность.

Нуайонский договор (август 1516 г.)

Прежде всего переговоры, начавшиеся в Нуайоне 1 мая, были отложены до 1 августа; эта задержка была выгодной для молодого испанского короля. Наконец, послы встретились: французы приехали с инструкциями, предписывавшими им добиваться прекращения всех ссор и достижения всеобщего мира, с тем чтобы предпринять войну с турками и выволить «бедных христиан из плена, где они пребывают». Но между обеими сторонами вновь стали возникать разногласия, затруднявшие соглашение. Послы Карла подня-

ли бургундский вопрос, а список провинций, на которые они выдвинули притязания от его имени, включал почти пятую часть Франции. Со своей стороны послы Франциска I имели поручение потребовать «по самой меньшей мере Неаполь и Руссильон». Сверх того, они должны были потребовать ни много ни мало Арагон, Каталонию, Майорку, Минорку и в довершение всего двести тысяч экю. Эти чрезмерные требования, которые будут выдвигаться с обеих сторон в течение всего царствования Франциска I и иногда обсуждаться очень серьезно, давали дипломатам лишь повод демонстрировать красноречие и эрудицию: французские инструкции для переговоров в Нуайоне содержали семь страниц истории прав, на которые претендовали французы. После этого пришлось все-таки перейти к практическим вопросам.

Они были разрешены 13 августа в переговорах между Буази и сиром де Шьевром. Решение еще раз попытались отыскать в австро-французском браке. Только в этот раз был придуман другой мастерский ход: вместо Рене, дочери Людовика, решили сосватать Карлу дочь Франциска I, принцессу Луизу, появившуюся на свет очень вовремя — в прошлом году. В приданое за ней давали часть Неаполитанского королевства, на которую претендовала Франция. Карл, со своей стороны, не настаивал на Бургундии. Все былые ссоры растворились в сердечной привязанности обоих королей. Нуайонский договор был актом *братства* или попыткой его достичь.

Наваррский вопрос

В договоре присутствовало «дружеское» упоминание Наварры. После смерти Фердинанда Франциск I написал семейству Альбре, «что настали час и время приложить старания». Но этими расплывчатыми ободрениями он и ограничился, в то время как 22 февраля 1516 г. наваррские кортесы признали королем Карла. Между двумя совещаниями в Нуайоне, 17 июня, очень кстати для Карла умер король Наварры Жан д'Альбре. К горестному положению его вдовы и детей выразили сочувствие и даже заявили в отдельной статье, что Карл постарается «удовлетворить» их. Но, поскольку к этому добавляли, что король Франции ни в коем случае не отступится от союза с католическим королем, наваррский вопрос был похоронен. Франциск I вновь поднимет его слишком поздно и неуверенно, когда после 1519 г. осознает, чего ему стоит «союз и дружба» с Карлом.

Роли Франциска I и Карла

В тот период стала заметной одна черта характера Франциска, оказавшая заметное влияние на его политику, — доверять своим первым впечатлениям и слепо им следовать; словом, это был человек увлекающийся, а значит, переменчивый и непостоянный. В 1516–1517 гг. его всецело занимал союз с Карлом, а тот уже примеривался к роли арбитра Европы, континента, для которого позже попытается стать главой. Он старался примирить Францию и Священную Римскую империю и обеспечить мир в Италии. Договорились, что

в Камбре соберется рейхстаг, чтобы окончательно уладить оставшиеся вопросы в отношениях между Максимилианом и Франциском I.

Переговоры в Камбре (1517 г.)

Буази, направляясь в Камбре, взял с собой пространные инструкции. «Первое предложение будет посвящено Греции, ее завоеванию общими усилиями и разделу на равные части». Это был возврат к идее крестового похода, и, правду сказать, султан Селим к тому времени добился успехов, способных обеспокоить Европу. В 1515 г. он победил персов, а в течение того же 1516 г. завоевал Сирию. «Если это предложение не будет одобрено», Буази мог предложить совместное завоевание Кале, которое осталось бы за королем Франции, а Турне был бы отдан императору. «А если после этого будет желание пойти дальше, можно будет без труда завоевать Английское королевство и обогатиться за счет имущества, какое там есть». Потом можно будет разделить надвое Италию: Ломбардию, от Альп до Савойских гор — французскому королю, полуостровную Италию — императору и католическому королю. Наконец, «последнее предложение, какое можно будет сделать, — насчет швейцарцев и раздела их страны». Эти идеи были тем более безумными, что инструкции, полученные Буази, были проникнуты вполне обоснованным недоверием к Максимилиану. С его стороны опасались и ожидали какого-нибудь «подвоха». Подозрительным считался даже Карл Австрийский, «несмотря на добрую дружбу, союз и конфедерацию», потому что в силу молодости он мог легко поддаться внуше-

ниям. Что касается бывших союзников Священной лиги, то хоть они в большинстве и поддерживали французскую сторону, подчеркивалась необходимость следить за ними, «постоянно искусно раздувать размолвки, взаимную ненависть и зависть и не позволять им усыпить нас красивыми словами». То есть в Камбре поехали, подготовившись и вооружившись.

Договор в Камбре (март 1517 г.)

Так что не стоит удивляться, если «заключен был лишь маленький договор». Его 11 марта 1517 г. подписали полномочные представители. Содержание статей сводилось ко взаимному покровительству государств трех договаривающихся сторон — Франциска, Максимилиана и Карла и к плану крестового похода против турок. Король Франции и император решили «увидеться» в ближайшем мае. Но Максимилиан точно так же не *увидит* Франциска I, как не видел Карла VIII или Людовика XII: он предпочитал беречь силы. И он, похоже, сообщил английскому королю о странных предложениях короля Франции — его или Карла, ведь во всем этом очень чувствуется почерк последнего.

Всеобщий мир (1518–1519 гг.)

Тем не менее, на время вся Европа еще раз перевела дух. «Королевство Франция жило в прочном мире и спокойствии, и не ходило тогда ни слуха, ни молвы о войне, расколе или пристрастии. Купцы возили свои товары в полной безопасности, как по суше, так и по морю; и мирно торговали вместе французы, англичане, испанцы,

немцы и все прочие нации христианского мира, в чем состояла великая милость, каковую Бог даровал христианскому народу».

Этим идеальным состоянием христианский мир наслаждался недолго. В ноябре 1516 г. в Амбуаз приехал граф Франц фон Зиккинген; он прибыл пообещать Франциску I «содействовать всеми силами тому, чтобы оный государь был избран императором, как только императорский престол освободится». На смену химерическим мечтам о завоевании Милана и Неаполя или о разделе Европы приходила химерическая мечта об избрании в императоры.

Политические результаты Итальянских войн

К 1518 г. Итальянские войны как таковые закончились; то, что начиналось, было куда в большей степени борьбой Французского и Австрийского домов за верховенство в Европе, чем борьбой за обладание самой Италией. Эти войны около двадцати пяти лет требовали политической, дипломатической и военной активности почти от всей Европы, ведь их влияние распространялось далеко за пределы Апеннинского полуострова, между тем как исходило с его территории.

Главным инициатором событий была Франция; именно она начала войну, она первой вооружила Европу против Италии, и именно против нее самой почти всегда поднимали оружие великие державы и Италия. Каких результатов она добилась? Миланской области, ненадежного владения, которое она то и дело теряла и обретала вновь.

III. Прекращение Итальянских войн

Что касается Неаполитанской области, первой причины конфликтов, о ней с 1503 г. почти не было речи, даже формально или как о деле чести.

Стоили ли этих результатов затраченные усилия, пролитая кровь? Не будем говорить о проявленном героизме, о прекрасных подвигах: итальянская земля могла вдохновлять на них так же, как и любая другая. Не будем говорить и о Возрождении: оно добралось бы и до Франции и, возможно, прошло бы без серьезных потрясений.

Может быть, скажут, что поколению Карла VIII и Людовика XII надо было дать выход своей воинственности? Надо признать, своеобразное философское толкование истории прошлого, странным образом принижающее ее. Но даже если вновь обратиться к этой проблеме, то разве не было на французских границах — на востоке, на севере, даже на юго-западе — обширных областей, где можно было реализовать жажду деятельности французских королей? Ведь впоследствии именно туда они и обратили свое оружие.

И потом, если думать не только о Франции и Европе, то разве не странно и не досадно, что наша страна заперлась в Средиземноморье — когда появилась возможность выйти в Океан, и на европейском континенте — когда открылся Новый Свет? Правда, в течение более чем двух веков другие правительства тоже были немногим прозорливее нашего.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Ко всей книге

Источники

Dumont J. Corps universel diplomatique du droit des gens.

T. III. Amsterdam: P. Brunel; R. et G. Wetstein, 1726.

Marino Sanuto. I Diarii / pubbl. per cura di R. Fulin,

F. Stefani, N. Barozzi, G. Berchet, M. Allegri. Venezia:
a spese degli editori, 1879–1903. 58 v.

Négociations diplomatiques de la France avec la Toscane /

documents recueillis par G. Canestrini; publ. par

A. Desjardins. T. I, II. Paris: Imprimerie impériale,
1859–1861.

Guicciardini F. La Historia di Italia di m. Francesco Guicciardini gentil'huomo fiorentino. In Fiorenza: appresso Lorenzo Torrentino impressor ducale, 1561. [Русский перевод: Гвиччардини Ф. История Италии /

пер. М. А. Юсима. М.: Канон++, 2018.]

Hauser H. Études critiques sur les sources narratives de

l'histoire de France au XVIe siècle. II. Annales et chroniques // *Revue d'histoire moderne & contemporaine.*

1903. N 5–7. P. 471–489. III. De quelques sources de

l'histoire des premières guerres d'Italie // *Revue d'histoire*

moderne & contemporaine. 1904. N 6–5. P. 325–339.

Исторические работы

Janssen J. Geschichte des deutschen Volkes seit dem Aus-

gang des Mittelalters. I, Deutschlands allgemeine

Zustände beim Ausgang des Mittelalters. 17. und 18.

- Ausgaben. Freiburg im Breisgau: Herder, 1897 (очень обширная библиография). Французский перевод: *Janssen J.* L'Allemagne et la Réforme. I, L'Allemagne à la fin du Moyen âge / trad. sur la quatorzième édition par E. Paris. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1887.
- Ulmann H.* Kaiser Maximilian I.: auf urkundlicher Grundlage dargestellt. Stuttgart: Cotta, 1887–1891. 2 Bde.
- Pastor L. von.* Geschichte der Päpste im Zeitalter der Renaissance von der Wahl Innozenz' VIII. bis zum Tode Julius' II. 3. und 4. Auflage. Freiburg im Breisgau: Herder, 1899 (обширная библиография). [Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters. Bd. III.] Французский перевод: *Pastor L. von.* Histoire des papes depuis la fin du moyen âge / trad. par F. Raynaud. T. 6. 1493–1513. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1898.
- Boissonnade P.* Histoire de la réunion de la Navarre à la Castille: essai sur les relations des princes de Foix-Albret avec la France et l'Espagne (1479–1521). Paris: A. Picard et fils, 1893.
- Rott É.* Histoire de la représentation diplomatique de la France auprès des cantons suisses, de leurs alliés et de leurs confédérés. T. I. Berne: Staemfli; Paris: Alcan, 1900.
- Pirenne H.* Histoire de Belgique. T. III: De la mort de Charles le Téméraire à l'arrivée du Duc d'Albe dans les Pays-Bas. Bruxelles: H. Lamertin, 1902.

К главе I

Источники

- Godefroy D.* Histoire de Charles VIII, roy de France, par G. de Jaligny, A. de La Vigne, et autres historiens de ce temps-la... le tout recueilli par feu Monsieur Godefroy. Paris: imp. Royale, par S. Marbre-Cramoisy, 1684.
- Commynes Ph. de.* Mémoires de Philippe de Commines / nouvelle édition publ. par B. de Mandrot. Paris: A. Pi-

card et fils, 1901–1903. 2 vol. [Русский перевод: *Филипп де Коммин*. Мемуары / пер. Ю. П. Малинина. М.: Наука, 1987.

Lettres de Charles VIII, roi de France / publ. par P. Pélicier et B. de Mandrot. Paris: Renouard; H. Laurens, 1898–1905. 5 vol.

Burchard J. Diarium, sive Rerum urbanarum commentarii (1483–1506) / publ. par L. Thuasne. Paris: E. Leroux, 1883–1885. 3 vol. [Русский перевод: *Инфессура С., Бурхард И.* Дневники: Документы по истории папства XV–XVI вв. М.: ГАИЗ, 1939.

Исторические работы

L'expédition de Charles VIII en Italie: histoire diplomatique et militaire / ouvrage publié par H.-F. Delaborde. Paris: Firmin-Didot, 1888.

Boislisle A. de. Notice biographique et historique sur Etienne de Vesc, sénéchal de Beaucaire // *Annuaire-bulletin de la Société de l'histoire de France*. 1878–1883.

Vaesen J. L'expédition de Charles VIII en Italie // *Revue des questions historiques*. 1889. N°1. P. 574–588.

Maulde La Clavière R. de. Histoire de Louis XII. Première partie, Louis d'Orléans. Paris: E. Leroux, 1889–1891. 3 vol.

Villari P. La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi. Firenze: Le Monnier, 1887–1888. 2 vol.

К главе II

Источники

Histoire de Louis XII, roi de France, père du peuple, et des choses mémorables advenues de son règne, depuis l'an M CCCC XCVIII jusques à l'an MDXV, par messire Claude de Seyssel, Jean d'Auton, et autres; mise en lumière par Th. Godefroy. Paris: A. Pacard, 1615 (содержит хроники и некоторые официальные акты).

Auton, Jean d'. Chroniques de Louis XII / éd. publ. pour la Société de l'histoire de France par R. de Maulde La Clavière. Paris: H. Laurens, 1889–1895. 4 vol.

Mailles J. de. La très joyeuse, plaisante et récréative histoire du gentil seigneur de Bayart / composée par le Loyal Serviteur; publ. pour la Société de l'Histoire de France par M. J. Roman. Paris: H. Loones, 1878.

Lettres du roi Louis XII, et du cardinal George d' Amboise, avec plusieurs autres lettres, mémoires et instructions écrites depuis 1504 jusques et compris 1514. Brusselle: F. Foppens, 1712. 4 vol.

Négociations diplomatiques entre la France et l'Autriche durant les trente premières années du XVIe siècle / publ. par M. Le Glay. Paris: Imprimerie royale, 1845. T. I. [Collection de documents inédits sur l'histoire de France. Première série, Série politique.

Исторические работы

Хорошей полной истории царствования Людовика XII нет. Де Мод в своей «Истории Людовика XII», из которой издал шесть томов, исследовал только молодость Людовика XII:

Maulde La Clavière R. de. Histoire de Louis XII. Paris: E. Leroux, 1889–1893. 6 vol.

А также «Дипломатию времен Макиавелли»:

Maulde La Clavière R. de. La Diplomatie au temps de Machiavel. Paris: E. Leroux, 1892–1893. 3 vol.

Можно обратиться к изданиям:

Le Gendre L. Vie du cardinal d'Amboise, premier ministre de Louis XII, avec un parallèle des cardinaux célèbres qui ont gouverné des Etats. Amsterdam: Jacques le sincère, 1726. — В конце есть несколько оригинальных документов.

Le Roux de Lincy A. Vie de la Reine Anne de Bretagne, femme des rois de France Charles VIII et Louis XII. Paris: Curmer, 1860–1861. 4 vol.

К главе III

К источникам и историческим работам, указанным для первой книги в целом и для главы II, следует добавить:

Correspondance de l'empereur Maximilien Ier et de Marguerite d'Autriche, sa fille, gouvernante des Pays-Bas, de 1507 à 1519 / publiée par M. Le Glay. Paris: J. Renouard, 1839. 2 vol. [Libraires de la Société de l'histoire de France.

Correspondance de Marguerite d'Autriche, gouvernante des Pays-Bas, avec ses amis, sur les affaires des Pays-Bas de 1506–1528 / publiée par L. Ph. C. van den Bergh. Leide: S. et J. Luchtman, 1845–1847. 2 vol. (важна по вопросу Гельдерна).

Kohler Ch. Les Suisses dans les guerres d'Italie de 1506 à 1512. Genève: J. Jullien, 1896.

Brewer J. Sh. The Reign of Henry VIII from his accession to the death of Wolsey, reviewed and illustrated from original documents. London: J. Murray, 1884. 2 vol.

К главе IV

Barrillon J. Journal de Jean Barrillon, secrétaire du chancelier Duprat, 1515–1521 / publ. pour la Société de l'histoire de France par P. de Vaissière. Paris: H. Laurens, 1897. T. I.

Mignet F.-A.A. Rivalité de François Ier et de Charles-Quint. Paris: Didier et Cie, 1875. 2 vol.

Baumgarten H. Geschichte Karls V. Bd. I. Stuttgart: J. G. Cotta, 1885.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Документы по истории внешней политики Франции, 1547–1548 гг. / Под ред. А. Д. Люблинской. М.; Л., 1963.
- Филипп де Коммин*. Мемуары / Пер. и комм. Ю. П. Малинина. М.: Наука, 1987.
- Франческо Гвиччардини*. История Италии. Т. 1–2 / Пер. и комм. М. А. Юсима. М.: Канон-Плюс, 2019.
- Дельбрюк Г.* История военного искусства. Т. IV. М., 1997.
- Катушкина Л. Г.* Итальянские войны // История Италии. М., 1970. Т. 1. С. 426–465.
- Малов В. Н.* Международные отношения // История Европы с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1993. Т. 3. С. 395–403.
- Рутенбург В. И.* Италия и Европа накануне Нового времени: очерки. Л., 1974.
- Сказкин С. Д.* Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в Средние века. М., 1981.
- Amable Sablon du Corail J. 1515, Marignan. Paris, 2015.
- Arfaioli M. The Black Bands of Giovanni: Infantry and Diplomacy During the Italian Wars (1526–1528). Pisa: Pisa University Press, Edizioni Plus, 2005.
- Baumgartner F. J. Louis XII. New York: St. Martin's Press, 1994.
- Cloulas I. Charles VIII et le mirage italien. P., 1986.

- Fournel J.-L. et Zancarini J.-C.* Les Guerres d'Italie, des batailles pour l'Europe. Paris: Gallimard, 2003.
- Hall B. S.* Weapons and Warfare in Renaissance Europe: Gunpowder, Technology, and Tactics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997.
- Heers J.* L'Histoire oubliée des guerres d'Italie. Via Romana, 2009.
- Knecht R. J.* Renaissance Warrior and Patron: The Reign of Francis I. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Koenigsberger H. G.* The Habsburgs and Europe, 1516–1660. Ithaca; L., 1971.
- Konstam A.* Pavia 1525: The Climax of the Italian Wars. Oxford: Osprey Publishing, 1996.
- Lapeyre H.* Les monarchies européennes du XVIe siècle: Les relations internationales. P., 1973.
- Le Fur D.* Louis XII: un autre César. Paris: Perrin. 2001.
- Le Fur D.* Marignan: 13–14 septembre 1515. Paris: Perrin, 2004.
- Le Fur D.* Charles VIII. Paris: Perrin. 2006.
- Le Gall J.-M.* L'honneur perdu de François Ier : Pavie, 1525, Paris: Payot, 2015.
- Le Gall J.-M.* Les guerres d'Italie (1494–1559): une lecture religieuse. Genève: Droz, 2017.
- Le Roux N.* Le crépuscule de la chevalerie: noblesse et guerre au siècle de la Renaissance. Seyssel: Champ Vallon, 2015.
- Livet G.* L'équilibre européen de la fin du XVe à la fin du XVIIIe siècle. P., 1976.
- Lot F.* Recherches sur les effectifs des armées françaises des guerres d'Italie aux guerres de religion, 1494–1562. Paris: École Pratique des Hautes Études, 1962.
- Mallett M., Shaw C.* The Italian Wars, 1494–1559. Harlow: Pearson Education 2012.
- Michon C.* François Ier. Un roi entre deux mondes. Paris: Belin, 2018.

Избранная библиография

Pellegrini M. Le guerre d'Italia (1494–1530). Bologna, 2009.

Potter D. Renaissance France at War: Armies, Culture and Society, c.1480–1560. Woodbridge: Boydell Press, 2008.

Quilliet B. Louis XII : Père du Peuple. Paris: Fayard, 1986.

Simonetta M. Les renards et les lions. Les Médicis, Machiavel et la ruine de l'Italie. Paris: Albin Michel, 2019.

Taylor F. L. The Art of War in Italy, 1494–1529. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	5
Глава I. Поход Карла VIII (1494–1495)	7
I. Карл VIII и планы в отношении Италии ..	9
II. Италия.....	19
III. Предыстория возникновения итальянского вопроса	32
IV. Положение держав к 1494 г.	39
V. Завоевание и потеря Неаполя	54
Глава II. Миланские и неаполитанские дела и брачная политика	89
I. Людовик XII, Анна, Жорж Амбуазский ...	91
II. Завоевание Милана	101
III. Попытка крестового похода	116
IV. Завоевание и потеря Неаполя	124
V. Попытка устроить франко-австрийский брак	141
VI. Договоры в Блуа.....	149
VII. Расторжение франко-австрийского брака	158
VIII. Восстание в Генуе и встреча в Савоне ...	167
Глава III. Коалиции (1508–1514)	175
I. Лига против Венеции	177
II. Аньяделло	185

Содержание

III. Смерть Жоржа Амбуазского	194
IV. Священная лига	199
V. Равенна.	206
VI. Два собора.	223
VII. Потеря Миланской области	230
VIII. На сцену выходит Англия	237
Глава IV. Мариньяно	245
I. Начало правления Франциска I	247
II. Кампания Мариньяно	253
III. Прекращение Итальянских войн	262
Обзор литературы и источников	276
Избранная библиография	281

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Parvus libellus»

Лемонье Анри

**ИТАЛЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ
(1492–1518)**

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *Л. А. Галаганова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Подготовка издания *В. Ю. Трофимов*

Подписано к использованию 17.06.25
Формат 10,5×18,5 см
Гарнитура PT Sans

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: (812) 602-08-24
Сайт: <https://eurasiabooks.com/>
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: <https://www.intermediator.ru>
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

Итальянские войны конца XV — первой половины XVI веков — самый крупный военный конфликт со времен Столетней войны, разгоревшийся между двумя державами позднесредневековой Европы: централизованной Францией, которая находилась в зените своего могущества, и Испанией, только начинавшей путь к имперскому будущему под скипетром двух государей — Изабеллы и Фердинанда. Спор разгорелся из-за владения Неаполитанским королевством и Миланским герцогством. Италия, расколотая на множество городов-государств, стала легкой добычей для своих соседей.

На полях сражений проявили себя рыцари и военачальники, чьи имена гремели по всей Европе: испанец Гонсало Фернандес де Кордова, «великий военачальник», и француз Пьер Байард, «рыцарь без страха и упрека». Именно в этих войнах окончательно закатилась звезда европейского рыцарства, уступившего место новой силе — испанской пехоте, наводившей страх на всю Европу на протяжении следующих полутора столетий.

Итальянские войны изменили не только военное искусство. Правители, вынужденные содержать большие армии, должны были изыскивать новые способы сбора налогов и управления подвластными территориями. Именно поэтому можно сказать, что Итальянские войны стали прологом к рождению Европы Нового времени.